

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК

Уфимского юридического института МВД России

№ 4 (86)

BULLETIN

of Ufa Law Institute

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2019

12+

Главный редактор:

Ханахмедов Алексей Сефединович – кандидат юридических наук, начальник Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Члены редакционной коллегии:

Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель директора, заведующая кафедрой теории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

Аминев Фарит Гизарович – доктор юридических наук, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета.

Асианова Светлана Рифовна – кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Баишева Зия Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Ульяновского государственного университета.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Буканова Роза Гафаровна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Варданян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева ВИПК МВД России.

Гришко Александр Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России.

Даянов Ирек Сайфуранович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры зарубежной истории Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета.

Еникеев Зуфар Иргалиевич – доктор юридических наук, профессор, Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан.

Заурова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Ильин Дмитрий Юрьевич – доктор филологических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой русской филологии Волгоградского государственного университета.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Имаева Юлия Борисовна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Исаева Регина Минияровна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Костенников Михаил Валерьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и сотрудников для подразделений по вопросам миграции ВИПК МВД России.

Куракин Алексей Валентинович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и сотрудников для подразделений по вопросам миграции ВИПК МВД России.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Линевич Владимир Леонтьевич – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Литвишков Владимир Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России.

Лысенко Евгений Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Миронов Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Мулукаев Роланд Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии естественных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Небрятенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Низаева Светлана Рамилевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Нуркаева Татьяна Николаевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, Отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Сердюк Леонид Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заведующая кафедрой гражданского права, профессор Института права Башкирского государственного университета.

Усманова Резида Минияровна – доктор юридических наук, доцент, Отличник образования Российской Федерации, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета.

Хакимова Эльмира Робертовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Халиков Аслям Наилевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии Института права Башкирского государственного университета, профессор кафедры криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Яхина Юлия Харисовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Башкортостан.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

научной электронной библиотеки «eLI-BRARY»

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

Литературные редакторы Е. А. Ермолаева, Д. И. Шабазова. Техническая верстка Д. И. Шабазова.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России. Подписано в печать: 16.12.2019.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 25,3. Гарнитура Times. Тираж 60 экз. Заказ № 48. Цена свободная.

BULLETIN

№ 4 (86) 2019

of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

Scientific and practical journal

Published since June 1998 quarterly

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Khanakhmedov Alexey Sefedinovich – Candidate of Law, the Chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Deputy editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief (in research work) of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Members of the editorial board

Aznagulova Guzel Mukhametovna – Doctor of Law, Associate Professor, the first Deputy Chief of the Institute of Law of the Bashkir State University, the Head of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Aminev Farit Gizarovich – Doctor of Law, the Honoured Employee of the Ministry of Internal Affairs, professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Asyanova Svetlana Rifovna – Candidate of Pedagogics, lecturer of the Chair of Pedagogy and Psychology in the Internal Affairs Officers' Activity of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, the Honoured Teacher of the Republic of Bashkortostan, professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, docent of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Barkov Alexey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Civil Law and Procedure of Ulyanovsk State University.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, professor of the Chair of the Foreign language and Culture of Speech of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bukanova Roza Gafarovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, the Head of the Chair of Criminalistics and Operative-Detective Activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, the chief researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Counteraction against Illegal Drug Trafficking of the International Interdepartmental Training Center for Operational Units named after lieutenant-general of militia A. N. Sergeev.

Grishko Alexander Yakovlevich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal and Penal Executive Law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dayanov Irek Saifuranovich – Candidate of Law, Associate Professor, docent of the Chair of Operative-Detective Activity of Internal Affairs of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Emelin Sergei Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Foreign History of the Institute of History and Public Administration of the Bashkir State University.

Enikeev Zufar Irgalievich – Doctor of Law, Professor, the Corresponding Member of the Academy of Sciences, the Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogics, Professor, the Corresponding Member of the International Academy of Pedagogical Education, professor of the Chair of Legal Psychology and Pedagogy of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ilyin Dmitriy Yurievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, the Head of the Russian Philology Chair of Volgograd State University.

Ilyashenko Alexey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, the Honoured Lawyer of Kuban, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Imaeva Yulia Borisovna – Candidate of Law, the Deputy Chief of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Isaeva Regina Miniyarovna – Candidate of Law, Associate Professor, the Head of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, professor of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kaats Marina Evaldovna – Candidate of Law, Associate Professor, docent of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, the Head of the Chair of Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kostennikov Mikhail Valerievich – Doctor of Law, Professor, the Honoured Employee of the Ministry of Internal Affairs, professor of the Preparation Center for Police Officers in Maintaining Public Order and Migration Service of the All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kurakin Alexey Valentinovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Preparation Center for Police Officers in Maintaining Public Order and Migration Service of the All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Latypov Vadim Sagitianovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Linevich Vladimir Leontievich – Candidate of Psychology, Associate Professor, the Head of the Chair of Pedagogy and Psychology in the Internal Affairs Officers' Activity of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Litvishkov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Pedagogics, Professor, professor of the Chair of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Lysenko Yevgeniy Sergeevich – Candidate of Law, Associate Professor, the Head of the Chair of Management in the Internal Affairs of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Ilona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, the Honoured Lawyer of the Republic of Bashkortostan, the Chairman of the Central Election Commission of the Republic of Bashkortostan.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mironov Anatoliy Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Constitutional and Municipal Law of Vladimir branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Morozov Sergei Yurievich – Doctor of Law, Professor, the Dean of the Department of Law of Ulyanovsk State University.

Mulukaev Roland Sergeevich – Doctor of Law, Professor, the Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, the chief scientific worker of the Scientific Research Center of Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the President of the Russian Society of History and Law.

Nebratenko Gennadiy Gennadievich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Theory of State and Law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nizaeva Svetlana Ramilevna – Candidate of Law, docent of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nurkaeva Tatyana Nikolaevna – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, professor of the Chair of the English language and Cross-Cultural Communication of the Bashkir State University.

Petrova Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, the Excellent Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, the Head of the Chair of Foreign and the Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Pobedkin Alexander Viktorovich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Management of the Criminal Detection Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Head of the Chair of Administrative-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, the Head of the Chair of Civil-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Serdjuk Leonid Vasilyevich – Doctor of Law, Professor, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexander Alexeyevich – Doctor of Law, Professor, the Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of the Bashkir State University, professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, the Honoured Lawyer of the Republic of Bashkortostan, the Head of the Chair of Civil Law and Procedure, professor of the Institute of Law of the Bashkir State University.

Usmanova Rezida Miniyarovna – Doctor of Law, Associate Professor, the Excellent Worker of Education of Russia, the Dean of the Law Department of Sterlitamak branch of the Bashkir State University.

Khakimova Elmira Robertovna – Candidate of Law, Associate Professor, the Deputy Chief of the Chair of Administrative-Legal Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Khalikov Aslyam Nailevich – Doctor of Law, Associate Professor, professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, professor of the Chair of Criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yakhina Yuliya Kharisovna – Candidate of Law, Associate Professor, the Head of the Chair of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media in the Republic of Bashkortostan. The mass media registration certificate PM № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editors E. A. Ermolaeva, D. I. Shabazova. Layout D. I. Shabazova.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 16.12.2019. Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 25.3. Typeface Times.

Circulation: 60 copies. Order № 48. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи и доклады 10

Теория и история государства и права. История учений о праве и государстве.

Конституционное право

Асеев И. А., Каримов Р. Р. Реорганизация российского общества Красного Креста после Октября 1917 года (историко-правовой аспект) 10

Ковалева Н. В. Социальное и технико-юридическое регулирование в обществе 18

Кравцова Е. А. Вспомогательные и консультативные органы, создаваемые при органах государственной власти субъектов Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ 24

Уголовное право. Криминология. Уголовно-исполнительное право

Гришко Л. Е. О личностных особенностях осужденных за преступления в сфере экономической деятельности и совершенствование исполнения наказания в виде лишения свободы 29

Ильяшенко А. Н. Противодействие легализации доходов, приобретенных преступным путем, совершаемой с использованием современных платежных инфраструктур 34

Майорова Е. О. Взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России с правоохранительными органами по предупреждению совершения новых преступлений осужденными к наказаниям без изоляции от общества 39

Максимов К. В., Федоров А. Г. Состояние наркоситуации в Республике Башкортостан в 2018 году 45

Щербакова Л. М. К вопросу об оценке современной криминальной ситуации 53

Административное право. Административный процесс

Ханахмедов А. С., Попов А. И. Контракт о службе в органах внутренних дел: основные подходы к определению правовой природы 59

Уголовный процесс. Криминалистика

Андреев А. С. Использование учения о детерминизме в формировании криминалистической концепции познания посткриминальной деятельности лиц 67

Афанасьев А. Ю. Восхождение к механизму уголовно-процессуального доказывания ... 72

Никитин А. В., Кудрявцева Г. Н. Проблемные вопросы правового регулирования полномочий защитника в уголовном судопроизводстве 82

Овсянников Ю. В., Цуканов Н. Н. К вопросу о возможных альтернативах современной модели стадии возбуждения уголовного дела 87

Патраш И. Ф. Криминалистическая сущность признака «неочевидности» при расследовании преступлений 91

Терехов М. Ю., Химичева О. В. Некоторые проблемные вопросы производства проверки сообщения о преступлении 97

Судебная деятельность. Прокурорская деятельность.

Правозащитная и правоохранительная деятельность

Носков О. С. Актуальные аспекты правоохранительной деятельности в части правовой регламентации применения огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов 103

Табаков А. Р., Шабетя И. В. Взаимодействие территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне и муниципальных антинаркотических комиссий 110

Гражданское право. Семейное право. Предпринимательское право.

Международное частное право

<i>Васильков К. А.</i> Категориальная сущность превенции в гражданском праве России: вопросы теории и практики	115
<i>Григорьев О. В.</i> Новое в судебном представительстве	121
<i>Попова Т. А.</i> Наследственные споры: судебная практика о реализации преимущественного права при разделе наследства	128
<i>Рахимов Э. Х., Морин А. В.</i> К вопросу о правовом регулировании цифровых финансовых активов	134
<i>Фазлиева Л. К., Хисамутдинова Э. Н.</i> Правовое регулирование кредитных нот как структурного финансового продукта: современное состояние и перспективы развития . . .	138
<i>Ханахмедова Л. В., Стругова Е. В.</i> Нормы международного гуманитарного права как индикатор человечности международного сообщества	144

Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-разыскная деятельность

<i>Васильченко А. В., Нугаева Э. Д.</i> Вопросы совершенствования экспертных исследований по идентификации неопознанных трупов	149
<i>Волынкин Е. Н.</i> О некоторых мерах по раскрытию преступлений, совершенных в прошлые годы	154
<i>Зиненко Ю. В., Моисеев В. Ф., Чёрный В. В.</i> Анализ комиссионных судебно-медицинских экспертиз, проведенных в отделе сложных экспертиз Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы за 2014–2018 гг.	160

Общие вопросы языкознания. Язык и право. Юрислингвистика

<i>Кирюшкина Т. В.</i> Особенности функционирования фразеологических единиц в текстах разноструктурных языков (на материале публицистических произведений и их переводов на английский и немецкий языки)	168
<i>Массальская Ю. В., Гизатова Г. Ф.</i> Когнитивно-лингвистический подход в понимании вербальной иронии	175
<i>Резникова А. В., Внуковская А. В.</i> К вопросу о возможности использования мессенджера «WhatsApp» как дидактической платформы и средства психологической адаптации иностранных слушателей при обучении русскому языку как иностранному	183

Общая педагогика, история педагогики и образования.

Теория и методика профессионального образования

<i>Архипов С. Н.</i> Применение образных выражений в обучении стрельбе из боевого ручного стрелкового оружия сотрудников органов внутренних дел	188
<i>Купавцев Т. С.</i> Концептуальные основы педагогической поддержки личностного саморазвития сотрудника МВД России	193

Памятка	201
--------------------------	-----

CONTENTS

Scientific articles and reports 10

Theory and History of State and Law. History of Law and State Teachings.

Constitutional Law

Aseev I. A., Karimov R. R. Reorganization of the Russian Red Cross society after October 1917 (historical and legal aspect) 10

Kovaleva N. V. Social and technical-legal regulation in society 18

Kravtsova E. A. Auxiliary and advisory bodies created by bodies of state power of subjects of the Russian Federation: comparative legal analysis 24

Criminal Law. Criminology. Penal Law

Grishko L. E. About personal features of condemned for crimes in the field of economic activity and improvement of execution of punishment in the type of detention 29

Ilyashenko A. N. Counteraction against legalization of income acquired by the criminal way committed with the use of modern payment infrastructures 34

Mayorova E. O. Interaction of criminal executive inspections of the Federal Penitentiary Service of Russia with law enforcement bodies for preventing the performance of new crimes by condemned to punishments without isolation from society 39

Maksimov K. V., Fedorov A. G. State of drug situation in the Republic of Bashkortostan in 2018 45

Sherbakova L. M. To the question about the assessment of the current criminal situation 53

Administrative Law. Administrative Procedure

Khanahmedov A. S., Popov A. I. Contract of service in the internal affairs agencies: main approaches to defining the legal nature 59

Criminal Procedure. Criminalistics

Andreev A. S. The use of the doctrine of determinism in the formation of the forensic concept of cognition of post-criminal activities of persons 67

Afanasjev A. Yu. Ascent ascension to the mechanism of criminal procedural proof 72

Nikitin A. V., Kudryavtseva G. N. Problematic issues of legal regulation of the defender's powers in criminal proceedings 82

Ovsyannikov Yu. V., Tsukanov N. N. On the question of possible alternatives to the modern model of the stage of initiation of a criminal case 87

Patrash I. F. The forensic nature of features «unobviousness» by the crime investigation 91

Terekhov M. Yu., Himicheva O. V. Some topical issues of crime report verification procedure ... 97

Judicial Activity. Prosecution Activity. Law Enforcement Activity

Noskov O. S. Actual aspects of law enforcement in terms of legal regulation use of firearms by law enforcement officers 103

Tabakov A. R., Shabetya I. V. Interaction of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the district level and municipal anti-drug commissions 110

Civil Law. Family Law. Business Law. Internatoinal Private Law

<i>Vasilkov K. A.</i> The categorical essence of prevention in the Russian civil law: issues of theory and practice	115
<i>Grigoriev O. V.</i> New in judicial representation	121
<i>Popova T. A.</i> Hereditary disputes: judicial practice on the implementation of the preferential right in the division of inheritance	128
<i>Rakhimov E. Kh., Morin A. V.</i> To the question of legal regulation of digital financial assets	134
<i>Fazlieva L. K., Hisamutdinova E. N.</i> Legal regulation of the credit-linked note as a structural financial product: current state and prospects for development	138
<i>Khanahmedova L. V., Strugova E. V.</i> Rules of international humanitarian law as an indicator of the international community humanity	144

Forensic Activity. Operative Detective Activity

<i>Vasilchenko A. V., Nugaeva E. D.</i> Issues of improvement of expert research on identification of unknown cards	149
<i>Volyntin E. N.</i> About some measures for disclosure of the crimes committed in the last years	154
<i>Zinenko Yu. V., Moiseev V. F., Chernyi V. V.</i> Analysis of the commission forensic examinations conducted in the department of complex examinations of the Krasnoyarsk regional bureau of forensic examination for 2014–2018	160

General Problems of Linguistics. Language and Law. Legal Linguistics

<i>Kiryushkina T. V.</i> Peculiarities of phraseological units functioning in the texts of languages with different structures (on the material of journalistic works and their translations into English and German)	168
<i>Massalskaya J. V., Gizatova G. F.</i> A cognitive-linguistic approach in understanding verbal irony	175
<i>Reznikova A. V., Vnukovskaya A. V.</i> To the issue of a possibility of «WhatsApp» messenger use as a didactic platform and a means of pscycological adaptation of the foreign students within the teaching russian language as a foreign	183

General Theory of Education. History of Pedagogy and Education.**Theory and Methods of Vocational Education**

<i>Arkipov S. N.</i> Usage of figures of speech in training law enforcement professionals in shooting from hand firearms	188
<i>Kupavtsev T. S.</i> Conceptual bases of pedagogical help self development of the personality of the employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia	193

Instruction	201
------------------------------	-----

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 614.885(470)"1918"

И. А. АСЕЕВ, доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент (г. Уфа)

I. A. ASEEV, Associate Professor of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Historical Sciences, Docent (Ufa)

Р. Р. КАРИМОВ, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

R. R. KARIMOV, Head of the Chair of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

РЕОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

REORGANIZATION OF THE RUSSIAN RED CROSS SOCIETY AFTER OCTOBER 1917 (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с реорганизацией Российского Общества Красного Креста (далее – РОКК) Советской властью в 1918 году. Изучается деятельность Центральной коллегии по управлению делами РОКК, в составе которой были рядовые работники Главного управления, а также некоторые члены Исполкома Красного Креста (профсоюзной организации), стоявшие на платформе Советской власти. Рассматриваются правовые вопросы, связанные с имуществом Красного Креста. Центральная коллегия предприняла ряд энергичных мер по собиранию краснокрестного имущества. Для этой цели вся территория Советской республики была разбита на особые территориальные округа, соответствующие Округам военного ведомства. Был также учрежден институт окружных комиссаров, на представителей которого была возложена задача собирания и учета на местах оставшегося имущества РОКК. Внимание уделяется изменению статуса, структуры и системы управления Общества в период кардинальных общественно-политических преобразований в России.

Ключевые слова и словосочетания: Российское Общество Красного Креста, Комитет по реорганизации, Центральная коллегия, управление делами РОКК, Гражданская война, Наркомат здравоохранения.

Annotation. *The article discusses issues related to the reorganization of the Russian Red Cross Society by the Soviet government in 1918. The activities of the Central Board for Management of the Affairs of the ROKK, which included ordinary employees of the Main Directorate, as well as some members of the Executive Committee of the Red Cross (trade union organization), standing on the platform of Soviet power, are being studied. Legal issues related to the property of the Red Cross are considered. The Central Collegium has taken a number of vigorous measures to collect red property. For this purpose, the entire territory of the Soviet Republic was divided into special territorial districts corresponding to the Military Departments. The Institute of District Commissars was also established, the representatives of which were entrusted with the task of collecting and registering on the ground the remaining property of the ROKK. Attention is paid to changing the status, structure and management system of the Company during the period of fundamental socio-political transformations in Russia.*

Keywords and phrases: *Russian Red Cross Society, Reorganization Committee, Central Collegium, ROCC Affairs, Civil War, People's Commissariat of Health.*

С начала 1918 года деятельность Общества Красного Креста развивалась в двух направлениях: работа по реорганизации Общества и текущая работа (защита и охрана имущества от постоянных захватов). Она осложнялась тем, что Декрет от 6 января 1918 года Советами, органами власти на местах был истолкован как расформирование и ликвидация РОКК. Комитет по реорганизации сосредоточил свое внимание на двух проблемах: 1) разработка проекта нового устава и созыв учредительного съезда Красного Креста; 2) осуществление повседневного руководства многочисленными учреждениями Общества Красного Креста.

Для выполнения второй задачи была создана Центральная Коллегия по управлению делами РОКК. В ее состав вошли некоторые рядовые работники Главного управления, а также некоторые члены Исполкома Красного Креста (профсоюзной организации), стоявшие на платформе Советской власти. Председателем Центральной коллегии стал А. А. Богородицкий (левый эсер), также в нее вошли А. Н. Винокуров (большевик), остальные были беспартийные – А. Е. Артеменко, М. Р. Зубков, В. Н. Дмитриев, В. П. Шапошников, И. В. Ленский (управделами) [1, л. 6].

На первом заседании 11 января 1918 г. Коллегия по управлению делами Красного Креста решила привлечь для заведывания административным аппаратом Н. И. Ильина (Совет складов),

Н. Н. Котельникова (мобилизационный совет), П. Е. Смирнова (автомобильно-техническая комиссия и финансовый отдел), С. И. Трухина (отделы контроля и передвижения), А. А. Ребонэ (продовольственная комиссия), С. З. Книжника (культурно-просветительный совет). Помимо этого Н. И. Ильин, Н. Н. Котельников возглавили работу демобилизационной комиссии, а С. И. Трухин стал выполнять еще и обязанности помощника управляющего делами коллегии [2, л. 9]. На смену членам упраздненного Главного управления РОКК, отказывающимся признать Советскую власть, пришли служащие, готовые с ней сотрудничать.

Комитет по реорганизации Общества Красного Креста до апреля 1918 г. собирался нерегулярно, работал малоактивно, первое заседание было созвано через две с лишним недели после его образования, а комиссия по выработке Устава собралась лишь через 3,5 месяца. Представительство в нем было неполным и непостоянным. Коллегия собиралась довольно часто, но слишком широким оказывался круг проблем и невелик выбор способов их решения. По сути, она занималась не организацией работы, а стремилась ликвидировать Общество и все учреждения Красного Креста.

В связи с переходом имущества Красного Креста в собственность государства Центральной коллегией была разослана местным Советам рабочих и солдатских депутатов инструкция по

временному управлению делами и имуществом РОКК. Такой же документ был направлен и местным комитетам Красного Креста. Согласно этой инструкции для временного управления делами местных организаций Красного Креста Советами и армейскими комитетами на фронтах выделялись из своего состава особые комиссии (коллегии) с представительством общественных и медицинских организаций (Красного Креста, Земского и Городского союзов, больничных класс и т. д.), стоявших на платформе Советской власти. Указанные коллегии согласно инструкции находились под непосредственным контролем и ответственностью Советов рабочих и солдатских депутатов, которым вверялось и все имущество Красного Креста, объявленное собственностью Российской республики [3, л. 27].

Все это привело к дезорганизации. Имущество некоторых общин оказалось в ведении местных совдепов и больничных касс. Означенные организации, приняв имущество, затруднялись решить вопрос: «Что делать с этими общинами?», «На чьи средства их содержать?». Другие общины оказались в ведении самих работников Красного Креста, третьи – управлялись смешанными органами управления, состоявшими из работников Красного Креста и представителей Советских учреждений, и наконец, остальные – существовали на прежних основаниях.

После решительного вмешательства В. И. Ленина в деятельность Комитета по реорганизации новый состав Центральной коллегии под председательством Ю. М. Спасского, констатируя всю тяжесть утраты большей части имущества Красного Креста в оккупированных местностях, ставил своей задачей собрать вновь все разобранное по учреждениям имущество. Опираясь на декреты Совнаркома и приказы Народного комиссара по военным делам, Центральная коллегия предприняла ряд энергичных мер по

собираанию краснокрестного имущества. Для этой цели вся территория Советской республики была разбита на особые территориальные округа, которые соответствовали округам военного ведомства. Был также учрежден институт Окружных комиссаров, на представителей которого была возложена задача сбора и учета на местах оставшегося имущества РОКК. Третий состав Центральной коллегии под председательством Л. Х. Попова продолжил эту работу.

12 мая 1918 г. на заседании Центральной коллегии было принято решение просить Комитет по реформе отправить на Украину делегацию по вопросу возвращения имущества Красного Креста (более 250 млн руб.). Решено было послать представителей Красного Креста в Польшу и Литву для переговоров о возврате имущества, а также командировать представителя для решения этого вопроса на Кавказ [4, л. 249–251].

Стремительно нараставшие масштабы гражданской войны все более втягивали РОКК во фронтовую работу. Разработанный большевиками курс на строгую централизацию аппарата управления не оставлял места для относительно самостоятельной деятельности РОКК. Второй и третий составы Центральной коллегии РОКК по вопросу о самостоятельности Красного Креста противоречили политике большевиков, направленной на политическое подчинение общественных институтов, в том числе и РОКК.

Постановлением Центральной коллегии по управлению делами РОКК от 19 мая 1918 г. все учреждения Красного Креста разделялись на 11 округов, соответствующих военным. Во главе каждого округа стоял комиссар, который, получая руководящие указания Комитета по реорганизации, должен был работать в тесном контакте с окружным комиссариатом по военным делам и со всеми правительственными советскими учреждениями [4, л. 283]. Предлагалось образовать следующие округа: Ярославский (комиссар

И. М. Тапыгин), центр – г. Ярославль; Московский (комиссар Я. И. Черняк), центр – г. Москва; Приволжский (комиссар В. И. Карташевский), центр – г. Самара; Орловский (комиссар Т. Л. Белый), центр – г. Орел; Беломорский (комиссар И. Е. Рабинович), центр – г. Архангельск; Уральский (комиссар Н. Д. Дремлюг), центр – г. Екатеринбург; Западно-Сибирский (комиссар Н. Р. Новоженев), центр – г. Омск; Восточно-Сибирский, Северо-Кавказский и Туркестанский. В четыре последних округа направить комиссаров оказалось делом непростым, мешали военные действия. Комиссарам было поручено в кратчайшие сроки собрать сведения о состоянии краснокрестных учреждений округа и представить их в Центрокрест. В своей повседневной деятельности комиссары руководствовались директивными указаниями центральных органов общества, окружных военно-санитарных управлений, военно-окружных штабов [5, л. 90]. При комиссаре создавался аппарат управления лечебными и вспомогательными учреждениями Красного Креста на территории округа. Его численность на первом этапе определялась размерами округа. Так, в состав Приволжского краснокрестного округа вошли семь губерний (Саратовская, Самарская, Симбирская, Пензенская, Казанская, Астраханская, Уфимская) и область Уральского казачьего войска [6, л. 4]. В каждую административно-территориальную единицу по ходатайству комиссара Красного Креста назначался уполномоченный. Как правило, это были высококвалифицированные медицинские работники. По мере формирования полевых органов управления Красной Армии в виде армий и фронтов складывается фронтальная сеть Красного Креста.

Осенью 1918 года в основном заканчивается организационный период Общества Красного Креста, действовавшего в условиях Советской России. Вводится должность полномочного представителя РОКК при действующих фронтах

и армиях. В обязанности полномочных представителей (довольно широких) входили заботы о правильной и плодотворной работе подведомственных им учреждений, своевременное снабжение их персоналом, медицинским и хозяйственным инвентарем и денежными средствами, контроль за деятельностью учреждений. В оперативном отношении полномочные представители находились в подчинении соответствующих военно-санитарных органов (фронтовых, армейских) и Центрокреста [7, л. 255–257, 267].

Таким образом, система местных органов управления была тесно связана и подчинена медицинским нуждам Красной Армии и во многом копировала опыт, приобретенный Красным Крестом в годы Первой мировой войны, в том числе и негативный. Так, в условиях гражданской войны значительно увеличивался управленческий (бюрократический) аппарат РОКК, на который тратилась значительная часть денежных средств, выделяемых государством.

11 июля 1918 г. был образован Наркомат здравоохранения, что имело огромное значение для РОКК. 7 августа 1918 г. В. И. Ленин подписал Декрет «О деятельности и реорганизации РОКК» [7, л. 185–187]. 9 сентября 1918 г. на совместном заседании коллегии Наркомата здравоохранения и Комитета по реорганизации был выбран новый состав Центрокреста. В него вошли: В. М. Свердлов, Л. Х. Попов, М. Н. Галицкий, М. И. Баранов, Н. Ф. Деев. Далее Центральная коллегия по управлению делами РОКК выбрала своих руководителей – председателя В. М. Свердлова, управляющего делами Л. Х. Попова, секретаря П. Ф. Киселева [8, л. 31–32]. Для подготовки общего собрания РОКК была образована комиссия по созыву, в которую вошли Нарком здравоохранения Н. А. Семашко, от Комитета по реорганизации – Л. Х. Попов. Было образовано организационное бюро по записи членов РОКК. В комиссию по вы-

работке устава Общества был приглашен заместитель Наркома здравоохранения З. П. Соловьев [9, с. 71].

Из нового состава Центрокреста, на наш взгляд, наиболее примечательной была личность Попова Леона Христофоровича (1881–1919). Врач по образованию, с 1914 года на фронте. Руководил нелегальной большевистской фракцией Комитета Красного Креста Западного фронта. С 1917 года – член Минского комитета партии и Совета, председатель фронтового Комитета Красного Креста, участник II Всероссийского съезда советов. С марта 1918 года – председатель Комитета по реорганизации Красного Креста. В июне – ноябре 1918 года – председатель Центральной коллегии РОКК, организатор и член редакции «Известия ЦК РОКК». В декабре 1919 года умер от тифа [10, с. 520]. Не удалось узнать каких-либо биографических сведений о председателе Центральной коллегии РОКК с ноября 1918 – до конца 1919 г. В. М. Свердлове, за исключением того, что он был братом Я. М. Свердлова, председателя ВЦИК, секретаря ЦК РСДРП(б). Последующие руководители Общества Красного Креста в большинстве своем занимали до своего назначения должность заместителя наркома здравоохранения, начиная с З. П. Соловьева, который занимал пост председателя Центральной коллегии РОКК с конца 1919 года до 1938 года, и не имели широкого общественного авторитета. В 1918 г. в состав ЦК РОКК входили нарком иностранных дел М. М. Литвинов и нарком здравоохранения Н. А. Семашко. Интересно, что в ноябре 1918 г. должность уполномоченного представителя Центральной Коллегии РОКК в районе Петроградской трудовой коммуны была предложена А. М. Пешкову (М. Горькому), который отказался от нее ввиду занятости.

В отличие от руководящего состава дореволюционного Красного Креста, в который входил ряд крупных обществен-

но-политических деятелей, новые руководители и члены ЦК РОКК не были столь значимыми политическими фигурами и не обладали общественным влиянием, за некоторым исключением. Это можно объяснить тем, что РОКК в системе общественных учреждений Советской России отводилась вспомогательная роль, исключая всякую общественно-политическую деятельность, выходящую за рамки медико-санитарной работы.

20 ноября 1918 года в Москве открылось общее собрание членов РОКК, фактически превратившееся во Всероссийский съезд. До собрания была проведена большая работа по вовлечению в члены общества пролетарских элементов. Большую помощь Красному Кресту оказал Всероссийский Центральный Совет Профсоюзов (далее – ВЦСПС). В газете «Правда» было опубликовано воззвание ВЦСПС, в котором предлагалось всем профсоюзным организациям отчислить определенные средства в помощь Обществу Красного Креста и от каждого Всероссийского объединения выделить по 10 членов этого общества [11, с. 25].

«Все здесь необычно, – вспоминал участник событий Е. А. Коровин, – начиная с фешенебельного ресторанный зала (бывший ресторан «Эрмитаж»), в котором происходит собрание, и кончая составом его участников, где преобладает серый фон солдатских шинелей. Сколько из них еще только вчера явилось с Поволжья, Кубани и прочих бесчисленных фронтов гражданской войны, сколько завтра найдет там смерть! Но сегодня они заняты Красным Крестом как одной из первоочередных задач советского творчества. Пусть многим из них еще не хватает ни опыта, ни знаний, но в каждом их слове, в каждой мимолетной реплике сквозит революция с непреклонной верой в её торжество» [12, с. 28].

Всего прибыло 259 делегатов от 48 организаций. Председателем собрания был избран Н. А. Семашко. Он выступил с речью, в которой особо подчеркнул, что

«дореволюционное общество Красного Креста было для буржуазии средством показа своей благотворительности и извлечения выгод для себя в виде чинов, орденов и уклонения для буржуазных сынков от воинской повинности. Прежний Красный Крест был очень далек от народа. Сейчас перед новым Красным Крестом стоят большие задачи по оказанию помощи больным и раненым красноармейцам, нашим военнопленным и лицам, находящимся на оккупированных территориях. Таковы задачи, которые выпадают ныне на Красный Крест, обновленный в своем составе, вплотную приблизившийся к народу, и, став тем самым делом самих трудящихся, новый, чисто пролетарский Красный Крест должен употребить все силы на служение Российской Республике» [9, с. 75]. Повестка дня совещания была чрезвычайно насыщена, за четыре дня работы делегаты заслушали и обсудили семь докладов руководящих органов общества и по отдельным направлениям краснокрестной деятельности.

От имени Комитета по реорганизации с докладом перед собравшимися выступил Л. Х. Попов. Он подвел итоги деятельности Комитета за отчетный период, отметил, что только с созданием Наркомата здравоохранения улучшилась работа Комитета: подготовлены проекты Уставов РОКК и общин сестер милосердия, положение о формах управления на местах. Подробно остановился на вопросах налаживания внешних контактов общества. В. М. Свердлов как председатель Центрокреста отчитался о проделанной работе. О содействии Красного Креста в деле организации медико-санитарной помощи Красной Армии выступил начальник Главного военно-санитарного управления М. И. Баранов. Были также сделаны доклады о помощи военнопленным (Я. Д. Громан), инвалидам и увечным (Т. П. Панченко), об управлении краснокрестными учреждениями на местах и в оккупированных областях (И. Н. Никитин). В докладе Первухина

о школах сестер милосердия подчеркивалось, что Общество Красного Креста не может отказаться от их подготовки, несмотря на то, что вопросы подготовки медицинских кадров отнесены к ведению Наркомата здравоохранения.

В выступлениях участников собрания нашли отражение отголоски политических дискуссий о судьбе революции, социалистическом обществе, месте и роли в нем Красного Креста. Делегат А. М. Лопатский заявил: «Социалистическое правительство в ближайшее время всю свою энергию потребит на то, чтобы переделать весь общественный строй, и некому будет заниматься облагораживанием человека, так что лучше всего этим заняться Красному Кресту, так как преступность, пьянство, разврат долгое время еще будут существовать» [13, л. 80–81]. Заместитель Наркома здравоохранения, один из авторов проекта Устава РОКК, З. П. Соловьев сказал: «Если мыслить себе общество целиком, перешедшее уже фазы социализма, то надобности в таких учреждениях, как Красный Крест, не представляется, ибо мы мыслим, что в этой стадии не будет войн и не будет надобности в таких учреждениях, которые приходили бы на помощь государству во время военных действий» [13, л. 75]. Итогом собрания стало утверждение нового Устава РОКК, который определял цели и задачи, права и обязанности, состав, средства и организационное устройство Общества. В принятом Уставе определялись следующие цели: врачебно-санитарная помощь больным и раненым воинам во время войны (как внешней, так и гражданской), населению при стихийных и иных бедствиях.

Деятельность Российского Красного Креста находилась под контролем Наркомата здравоохранения, наделенного правом ревизии общества. Членами Красного Креста могли быть отдельные граждане, пользующиеся избирательным правом по Конституции РСФСР 1918 г.,

и пролетарские организации (профсоюзы, фабрично-заводские и волостные комитеты, больничные кассы и др.). При анализе Устава выявлялась его недоработанность, основные статьи, должныствующие регламентировать его право и обязанности, внешний и внутренний распорядок, были намечены лишь в общих чертах. Деятельность учреждений Общества Красного Креста, общие собрания, действия во время войны, средства, ревизия, отчетность и другие кардинальные вопросы Устава нашли в нем весьма слабое выражение и нуждались в детальной разработке.

Параграфы 4, 19 и 20 ставили Общество в зависимость от Комиссариата здравоохранения. Устав не способствовал демократизации РОКК. Параграф 5 Устава гласил: «Членом Общества могут быть пролетарские организации, как то: профессиональные союзы, фабрично-заводские и волостные Комитеты, больничные кассы и др., а также отдельные граждане, пользующиеся активным и пассивным избирательным правом, согласно Конституции РСФСР». В ст.ст. 64 и 65 было сказано, что активным и пассивным избирательным правом пользуются лишь некоторые категории граждан, часть общества этого права лишена по соображениям социально-политического характера.

Таким образом, часть граждан, которые могли принести пользу Красному Кресту, оказывалась отстраненной от этой работы из-за классового подхода к членству в Обществе. Такая точка зрения применительно к Красному Кресту, во-первых, умаляла его международный престиж, не говоря уже об очевидном ущербе внутригосударственной работе. И если принять во внимание требование Международного комитета Красного Креста о включении в состав Общества Красного Креста всех соотечественников без какого бы то ни было различия, а именно пола, религии и политических убеждений, то видно, что эта часть Уста-

ва не отвечала духу и характеру исключительно нейтральной деятельности Красного Креста.

Бюджет Общества составляли членские взносы, правительственные дотации и другие поступления. Высший орган Красного Креста – Совет представлял членов Общества из расчета: один делегат на 500 членов. Из числа делегатов Совета сроком на один год избирался исполнительный орган – Центральный комитет РОКК – в составе 5 членов и такого же числа кандидатов, которые замещают первых в случае их выбытия из него. Кроме того, в Комитет кооптировались по два представителя от Всероссийского центрального исполнительного комитета, Наркомата здравоохранения и по одному от Всероссийского совета профессиональных союзов, Петроградской коммуны и Московского совета рабочих и красноармейских депутатов. Для повседневной текущей работы избирался Президиум Центрального комитета РОКК из 3 человек – председателя, товарища председателя и секретаря [13, л. 11].

23 ноября 1918 г. состоялись выборы в Центральный комитет. Фракция коммунистов предложила делегатам общего собрания список членов: А. Н. Терентьева, А. М. Трепаков, И. К. Дембковский, Н. П. Манулиц, П. Н. Борзяков; кандидатов: М. Н. Галицкий, П. Ф. Киселев, И. М. Зенюк. Голосование проводилось открыто и списком, 30 делегатов воздержались и 7 проголосовали против. От ВЦИК были кооптированы В. М. Свердлов и А. П. Голубков, заместитель наркомздрава – З. П. Соловьев и М. И. Баранов, от ВЦСПС – Коссова, от Моссовета – Макаров. Первым председателем Президиума Центрального комитета РОКК стал В. М. Свердлов (с 7 июля 1919 г. его сменил З. П. Соловьев) [15, л. 84]. С образованием руководящих органов и принятием Устава общее собрание завершило свою работу, тем самым закончился организационный этап становления Советского Красного Креста, длившийся почти год.

Находясь в состоянии перманентной реорганизации, РОКК отражало общественно-политические процессы, происходящие в стране. Огосударствление всех сторон жизни общества ставило общественные организации перед выбором: либо ликвидация, либо приспособление к новым условиям, т. е. подчинение советским государственным органам. Этот процесс шел постепенно, хотя РОКК существовало и продолжало функционировать, но уже в новом облике как часть политико-государственной структуры. Закреплялась руководящая роль партии в отношении РОКК через государственные структуры, в частности, через подчинение его Наркомату здравоохранения, через членов Общества Красного Креста, состоящих в партии большевиков. Финансовая зависимость от государства также ставила РОКК под контроль государства, подчиняла его своим интересам и действиям.

Существенным для понимания процессов изменения места и роли общественных организаций и Красного Креста является, на наш взгляд, понимание политической системы этого периода как переходной, т. е. сочетающей элементы старой умирающей политической системы и новой формирующейся. Фактически РОКК в условиях «военного коммунизма» превратилось в полувоенную организацию, которая использовалась в трех направлениях: военно-санитарном, здравоохранительном, области международных сношений.

Таким образом, РОКК в первые годы Советской власти, сохранив основополагающие принципы своей деятельности – гуманность, милосердие, самопожертвование, приобрело новые организационные черты: массовость членства в Обществе, широкую социальную базу и другие, ставшие ведущими, определившие развитие РОКК в последующие годы Советской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1246.
2. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1252.
3. ГА РФ Ф. 3341. Оп. 1. Д. 47.
4. ГА РФ. Ф. 3341. Оп. 1. Д. 69.
5. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1247.
6. ГА РФ. Ф. 3341. Оп. 2. Д. 87.
7. ГА РФ. Ф. 3341. Оп. 1. Д. 91.
8. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 1258.
9. Сто лет Красного Креста в нашей стране: исторический очерк. М.: Медицина, 1967. 298 с.
10. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987. 704 с.
11. 40 лет Советскому Красному Кресту (1918–1958). М.: Медгиз, 1959. 224 с.
12. Товбин М. М. Санитарные дружинницы и красные сестры. М., 1958. 56 с.
13. ГА РФ. Ф. 3341. Оп. 6. Д. 400.

© Асеев И. А.
© Каримов Р. Р.

УДК 340.13

Н. В. КОВАЛЕВА, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент (г. Москва)

N. V. KOVALEVA, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Docent (Moscow)

СОЦИАЛЬНОЕ И ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ОБЩЕСТВЕ

SOCIAL AND TECHNICAL-LEGAL REGULATION IN SOCIETY

Аннотация. Автором предпринята попытка соотнести социальное и технико-юридическое регулирование в обществе. Раскрыта природа технико-юридического регулирования, его отличие от технического регулирования. Технико-юридическое регулирование как специфический элемент правового регулирования не образует каких-либо предметных областей. Природа технико-юридического регулирования – детализация одного из элементов структуры правоотношений, а именно содержания правоотношения. Показана очевидная взаимосвязь и взаимозависимость социального, технического и технико-юридического регулирования в обществе. Также технико-юридическое регулирование представляет часть социального регулирования, детализирующего упорядочение некоего выделенного спектра общественных отношений посредством технико-юридических норм. Природа и функции последних не исследованы в полной мере, в этой связи обосновывается необходимость дальнейшего изучения технико-юридического регулирования в механизме управления обществом, его объем в структуре социальной регуляции.

Ключевые слова и словосочетания: социальное регулирование, нормативное регулирование, технико-юридическое регулирование, техническое регулирование, правовое регулирование, управление, общество.

Annotation. The author made an attempt to correlate social and technical and legal regulation in society. The nature of technical and legal regulation, its difference from technical regulation is disclosed. Technical and legal regulation as a specific element of legal regulation does not form any subject areas. The nature of technical and legal regulation is the detailing of one of the elements of the structure of legal relations, namely the content of legal relations. The obvious interconnection and interdependence of social, technical and technical-legal regulation in society is shown. Also, technical and legal regulation is part of social regulation that details the streamlining of a certain selected spectrum of social relations through technical and legal norms. The nature and functions of the latter have not been fully explored, in this connection, the need to further study technical and legal regulation in the mechanism of society management, its volume in the structure of social regulation, is substantiated.

Keywords and phrases: social regulation, legislative regulation, technical-legal regulation, technical regulation, legal regulation, management, society.

Принимая во внимание постоянное усложнение социальной организации общества, представляется закономерным возникновение новых регуляторов, чьим ключевым назначением является упоря-

дочивание широкого спектра отношений. Сложный многоуровневый характер, присущий социальному регулированию, является одной из причин дифференциации нормативных регуляторов, что явля-

ется одной из причин не всегда обоснованного «разделения» (выделения) сфер общественных отношений, а нередко, наоборот, смешения объектов упорядочивания. Данная ситуация также осложняется невозможностью достижения совершенной конструкции мироустройства, в которой различные процессы в той или иной степени способны оказывать дестабилизирующее воздействие на развитие общества в конкретно взятый исторический период.

В настоящее время практически все сферы жизни общества подвержены воздействию социального регулирования, представляющего «сложную систему, составными элементами которой являются нормативное, ценностное и информационное регламентирование общественных отношений», а социальное нормативное и правовое в определенной мере соотносятся как общее и частное [1, с. 230–231]. В правовой литературе право рассматривается как составная часть социального регулирования в целом. Оно обширно и «не замыкается на каком-нибудь одном регуляторе, методе воздействия. Напротив, оно бесконечно богато именно многообразием регулятивных систем, отражает (опосредует) всю многогранность, сложность человеческого бытия» [2, с. 230–231]. Возможно, исследования права, ограниченные сферой правового регулирования, носят односторонний характер. Право, рассмотренное вне связи с иными социальными явлениями, предстает своего рода самодостаточным явлением, что не соответствует действительности. Право в известной степени зависит от общества и не может быть понято вне этой связи, его обусловленность социальными явлениями проявляется на всех стадиях юридического механизма правового регулирования: правотворчества, правореализации и государственного принуждения [3, с. 107].

Современная система нормативного регулирования общественных отноше-

ний также рассматривается как вся совокупность норм, посредством которых осуществляется регулирование поведения и деятельности. В уточненном виде это совокупность именно социальных норм, выражающих объективную потребность общества в упорядочении отношений его элементов [4, с. 44, 120]. Нормативность выступает формой не только объективно необходимых связей и способов поведения и взаимодействия людей, но и развития всех необходимых явлений и процессов [5, с. 142]. Если обратиться к кибернетическому пониманию социального регулирования, то можно сделать вывод о том, что роль нормы также значительна, неслучайно в XIX веке процесс регулирования назывался «нормировкой» [2, с. 295].

Учитывая, что «любой правовой феномен является объективным в силу закономерности его возникновения и общих тенденций развития» и в то же время «субъективен, в том смысле, что он является продуктом человеческого сознания и деятельности» [6, с. 297], природа столь сложного явления, как технико-юридическое регулирование, требует более детального изучения. В этой связи особое значение приобретает определение его природы и места в системе социального нормативного регулирования, а также анализ его соотношения с правовым регулированием. Не менее глубокому анализу должно быть подвергнуто и соотношение социального, технического и технико-юридического регулирования, в том числе в их вариативности и взаимосвязи.

К пониманию сущности технико-юридического регулирования как деятельности, имеющей элементы управленческого характера, существуют различные подходы. Указанные суждения действительно имеют определенные основания. В частности, существует мнение о целесообразности построения российского законодательства в области технического регулирования с уче-

том именно управленческой природы [7, с. 26], так как совершенствование направлено на повышение эффективности управления в стране. В этой связи техническое регулирование, являясь одновременно важнейшим компонентом системы права, непосредственно оказывающим воздействие на экономическую деятельность государства, может рассматриваться как один из основополагающих инструментов построения некоего программируемого пространства будущего. Таким образом, отождествление понятий «технико-юридическое регулирование» и «техническое регулирование» недопустимо.

При рассмотрении общества как сложной динамической системы, элементом которой присущи процессы управления, была выделена категория социального управления. В. И. Нежечик полагает, что данная категория «всегда имеет нормативный аспект», а «сфера действия социальных норм есть сфера нормативного регулирования» [8, с. 10–11]. Отмечалось, что, в отличие от технических, для социальных систем управления характерны органическое единство объектов и субъектов управления, их относительность, обмен ролями [9, с. 59]. Неоднократно обосновывалось разделение процессов управления в живых организмах и технических системах, где действуют только автоматические регуляторы, непосредственно в обществе, где оно происходит как с помощью последних, так и посредством сознательной, целеустремленной деятельности людей [8, с. 9].

Изучение общей теории систем позволяет согласиться с объективными тенденциями слияния систем управления технологическими процессами и организационного управления в некие объединенные системы управления. Основной целью данного процесса может и должно быть более эффективное использование технических и информационных ресурсов. Указанный процесс требует формирования нормативной основы такого

соединения для дальнейшего успешного функционирования социальной общности, что еще раз подтверждает необходимость более глубокого изучения социального, технического, технико-юридического регулирования, их роли в управлении обществом.

В этой связи неизбежно рассмотрение вопроса о соотношении понятий «управление» и «регулирование», которые, пусть и не являются предметом настоящего исследования, тем не менее должны быть рассмотрены с целью всестороннего отражения указанных понятий. Так, обозначив вышеприведенные понятия как однопорядковые, возможно выделить следующие основные отличия: различное соотношение с волевым моментом; управление обществом всегда требует определенных материальных средств и выступает в качестве общественного отношения, складывающегося между управляющим и управляемым субъектом. Если согласиться с мнением, что регулирование выступает как необходимая, возможно, и главная функция управления, характеризующая место социального регулирования в механизме управления обществом, то его суть «заключается в сохранении и совершенствовании состояния упорядоченности имеющихся в обществе управляющих и управляемых систем» [9, с. 47–49].

Тенденции, в том числе научных изысканий, в настоящее время идут по пути изучения процессов, связанных с программируемым обществом, искусственным интеллектом, машинным обучением. Таким образом, объективно в социальную плоскость «внедряется» технологический процесс во всем его проявлении, где «регулирование» и «регламентация» приобретают особое значение. В понятие «регулирование» вкладывается множество достаточно противоречивых смыслов, но во всех случаях признается определяющее воздействие права, способствующее как зарождению и развитию регулируемых правом общес-

твенных отношений, так и искоренению отношений, противоречащих общественным интересам [10, с. 168].

При обозначении признаков системности права указывалось, что «системное правовое целое образует единство в результате структурной упорядоченности его частей, определяющей их функциональные зависимости и взаимодействия», а его части «соединены между собой по определенным содержательным основаниям, которые характеризуют субстанциональные особенности их свойств и связей. Иначе объединение правовых частей не будет иметь системной природы». Кроме того, в праве «обнаруживается различный уровень множественности их комплекса: наряду с односистемными имеются и многосистемные правовые образования», где норма права относительно проста, односистемна [6, с. 252–253]. Юридические нормы, индивидуальные государственные веления, правовые отношения, акты психического отношения к праву – все это образует единый механизм правового регулирования [11, с. 6].

Учитывая, что «система права воздействует на внешнюю среду не только прямо или через свои компоненты, но и косвенно, путем воздействия на другие системы или их компоненты», «правовое воздействие на производственные отношения отнюдь не всегда осуществляется непосредственно, а через регулирование иных отношений», выявлена закономерность, что «чем выше удаляется надстроечное явление от базиса, тем больше количество промежуточных звеньев, через посредство которых осуществляется прямое, косвенное и обратное воздействие базиса на надстроечное явление и надстроечного явления на базис» [6, с. 261–262]. В связи с тем, что объем технических (технико-юридических) норм лишь возрастает, возникает вопрос эффективности их регулирующего воздействия в структуре такого рода «промежуточных» звеньев.

Казалось бы, «системное единство права и его дифференциация, деление на отрасли внутри этого единства являются не субъективно-произвольными, а объективно-детерминированными», и границы между отраслями права и законодательства «весьма подвижны вследствие динамической подвижности самих общественных отношений, подвергаемых правовому регулированию» [6, с. 266]. Однако возможность «использования» технико-юридических норм в различных сферах деятельности указывает на процесс «взаимопроникновения» отраслей права и законодательства, не исключая процесс их некоего наложения, возможно, и совпадения.

Обоснованно отмечалось, что «общество, основанное на частной собственности на орудия и средства производства, характеризуется тем, что в нем действует преимущественно механизм автоматической регуляции, и если вести речь о возможности сознательного управления, то в этом смысле оно всегда в той или иной мере остается неуправляемым» [8, с. 53]. Вне всякого сомнения, социальные процессы сложны, многообразны, зачастую непредсказуемы. В частности, С. С. Алексеевым указывалось, что «чем выше собственное регулирующее воздействие на социальные процессы непосредственно экономических факторов, тем, в принципе, меньше величина объективно обусловленного воздействия на указанные процессы регуляторов» [12, с. 260]. В качестве примера здесь могут служить процессы коренного изменения российской экономики конца XX века. В указанный период регуляторы в большинстве своем отсутствовали или применялись незначительно, что оказало существенное влияние на экономический сектор страны.

Учитывая, что именно «право призвано обеспечить наибольшую надежность ожиданий человека в области общения с другими людьми, расширять зону гарантированных результатов дей-

ствий» [13, с. 115], изучение социального и технико-юридического регулирования должно стать предметом дальнейших теоретических исследований. Не стоит забывать и о многообразии понятий, которые используются при такого рода исследованиях: «социальное регулирование», «нормативное регулирование», «правовое регулирование», «техническое регулирование», «технико-юридическое регулирование» и др. Сложно переоценить важность терминологии, значимость последних возрастает, если они оказывают непосредственное влияние на общественные процессы. Это дает возможность проводить их сравнение, открывает направления дальнейшего совершенствования действующего законодательства.

При этом необходимо сделать некоторые обобщения вышесказанного в проекции заявленной тематики. Вполне обоснованно соотношение социального и технико-юридического регулирования, которое способно выявить место последнего в механизме управления обществом, определить его объем в структуре социальной регуляции, так как «особенно тесные связи существуют между техническим и социальным управлением» [8, с. 9].

Возможно, предположить, что технико-юридическое регулирование явилось закономерным этапом «революции в системе социального регулирования», так как с многократным усложнением хозяйственной деятельности происходит «повышение удельного веса и изменение характера позитивного обязывания, вводящее активное поведение субъектов в строго определенное русло». Если «для классового общества характерна дифференцированная система социального регулирования, складывающаяся из нескольких разновидностей социальных норм», то такое «разделение» может обеспечиваться и посредством технико-юридических норм [12, с. 244–255].

Обоснован системный подход к изучению такого явления в праве, как техни-

ко-юридическое регулирование, так как «не познав сущность основного, трудно уяснить частности» [14, с. 9]. Именно этот подход к исследованию правовых явлений «предполагает их комплексное исследование, которое требует в первую очередь выявления качеств системности и структурно-функциональных зависимостей этих явлений» [6, с. 247].

Применительно к рассматриваемой проблематике соотношение социального и технико-юридического регулирования предполагает, что последнее представляет часть социального регулирования, детализирующего упорядочение некоего выделенного спектра общественных отношений посредством технико-юридических норм. Если «успех познания системного целого зависит от знания частей, его составляющих», то более подробное изучение социального и технико-юридического регулирования должно происходить на основании исследования природы и функций технических (технико-юридических) норм, где обязательный волевой элемент, «присутствующий» в социальной норме, может отсутствовать в технической (законы природы и пр.) [6, с. 266].

Преобладание в настоящее время «дозволений» очевидно, их роль постепенно возрастает, стимулируя предпринимательскую активность отдельных индивидов и коллективных субъектов. Учитывая, что объем данных регуляторов в современном обществе достаточно велик, оформление таких процессов может происходить и с «привлечением» технико-юридических норм.

Система социального нормативного регулирования представляет собой совокупность всех действующих, активно взаимодействующих и дополняющих друг друга норм, где правовое регулирование призвано внедрить «в систему социальной регуляции юридические средства организации поведения и деятельности индивидов и коллективов, блокируя деструктивные формы их про-

явления и стимулируя их конструктивную активность» [15, с. 307].

Очевидная взаимосвязь и взаимозависимость социального, технического и технико-юридического регулирования, в том числе в их вариативности, неизменно раскрывает значительный исследовательский потенциал данной тематики. Приходится констатировать, что место технико-юридического регулирования (в частности, технико-юридических норм) в системе правового регулирования недостаточно отражено в научных изысканиях, что не позволяет в полной мере оценить значимость его воздействия на общественные процессы.

Практико-предметная деятельность людей подразумевает формирование определенных областей отношений (их выделение и группировку), на которые будет направлено воздействие. Отчасти этим может быть объяснено появление технического регулирования и высказывание суждений о формировании технического права. Однако у технико-юридического регулирования как специфического элемента правового регулирования не образуется каких-либо предметных областей. Природа технико-юридического регулирования – детализация одного из элементов структуры правоотношений, а именно содержания правоотношения.

В настоящее время сложно утверждать о техническом регулировании как

о единственном эффективном инструменте формирования нового экономического пространства, призванного удовлетворить потребности современного общества. При этом технико-юридическое регулирование нередко рассматривается в качестве механизма перевода накопленных знаний и опыта в создаваемые материальные объекты, что происходит с помощью технических (технико-юридических) норм естественных систем. Таким образом, существует объективная необходимость межотраслевых исследований сложного переплетения общественных и технологических процессов в обществе.

Повсеместное существование технико-юридического регулирования, дальнейшее изучение его соотношения с социальным регулированием может явиться основой для определения места и значения технико-юридического регулирования в механизме управления обществом, его объема в структуре социальной регуляции. В этой связи закономерным будет определение места технико-юридического регулирования в системе правового регулирования, дальнейшее изучение соотношения социального и технико-юридического регулирования с учетом тенденций мирового общественного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власенко Н. А. Теория государства и права: научно-практическое пособие для самостоятельной подготовки студентов всех форм обучения. М.: Юриспруденция, 2009. 424 с.
2. Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 2000. 528 с.
3. Сырых В. М. Социальный механизм правового регулирования: понятие, состав и структура // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 2 (3). С. 106–119.
4. Общая теория права и государства: учебник / под общ. ред. В. В. Лазарева. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. 520 с.
5. Рассолов М. М. Проблемы теории государства и права: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 431 с.

6. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М.: Аванта+, 2001. 560 с.
7. Панова А. С. О техническом регулировании и управлении качеством // Предпринимательское право. 2011. № 3. С. 20–27.
8. Афанасьев В. Г., Урсул А. Д. Об эффективности социального управления // Вопросы философии. 1982. № 7. С. 57–69.
9. Игохина А. С. Понятие и пределы правового регулирования // В сборнике: XI Международная научно-практическая конференция «World science: problems and innovations»: в 2 ч. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2017. Ч. 2. С. 166–170.
10. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1966. 187 с.
11. Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Статут, 2010. Т. 2. 471 с.
12. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 800 с.
13. Урванцев Б. А. Порядок и нормы. М.: Изд-во стандартов, 1991. 240 с.
14. Червонюк В. И. Теория государства и права: учебник. М.: ИНФРА-М, 2007. 704 с.
15. Ковалева Н. В. Техничко-юридическое регулирование промышленного производства Российской империи XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 64 с.

© Ковалева Н. В.

УДК 342.55(470)

Е. А. КРАВЦОВА, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, кандидат юридических наук, доцент (г. Белгород)

E. A. KRAVTSOVA, associate professor of Department of civil law Belgorod Judicial Institute of Ministry of Internal Affairs named after I. D. Putilin, Candidate of Law, Docent (Belgorod)

**ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ И КОНСУЛЬТАТИВНЫЕ ОРГАНЫ,
СОЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

**AUXILIARY AND ADVISORY BODIES CREATED BY BODIES
OF STATE POWER OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION:
COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS**

Аннотация. Несмотря на то, что необходимость образования вспомогательных органов, создаваемых для содействия органам государственной власти, была обоснована еще в XIX веке, научные исследования вспомогательных органов практически отсутствуют. Данная статья направлена на устранение указанного пробела. В статье исследуются органы, которые создаются для содействия органам государственной власти в осуществлении ими своих полномочий. На основе проведенного анализа указанных органов, автор делает вывод о существовании двух видов таких органов: вспомогательных и консультативных, указывает на различия их правового статуса, а также предлагает собственные определения указанных понятий, обосновывая необходимость закрепления указанных понятий в действующем федеральном законодательстве.

Ключевые слова и словосочетания: конституционное право, органы государственной власти, государственные органы, вспомогательные органы, консультативные органы, совещательные органы, координационные органы.

***Annotation.** Despite the fact that the need for the formation of subsidiary bodies created to promote public authorities was justified in the XIX century, scientific research of subsidiary bodies is practically absent. This article aims to bridge this gap. The article examines the bodies that are created to assist public authorities in the exercise of their powers. On the basis of the analysis of these bodies, the author makes a conclusion about the existence of two types of such bodies: the auxiliary and Advisory, indicates the differences in their legal status, and offers his own definitions of these concepts, arguing the need to consolidate these concepts in the current Federal legislation.*

***Keywords and phrases:** constitutional law, public authorities, state bodies, subsidiary bodies, advisory bodies, advisory bodies, coordinating bodies.*

На органы государственной власти возложены задачи по управлению обществом, поддержанию в нем порядка и содействию реализации прав граждан. Для обеспечения выполнения стоящих перед органами государственной власти задач, координации их деятельности, осуществления их взаимодействия с гражданским обществом создаются вспомогательные органы. Несмотря на то, что вспомогательные органы выполняют весьма важную деятельность, их изучению уделяется недостаточно внимания.

На сегодняшний день в научной литературе нет единства мнений по поводу формулировки понятия «вспомогательный орган государственной власти». Если обобщить определения, данные термину «вспомогательные органы» учеными, то все они исходят из того, что вспомогательные органы выполняют обеспечительную функцию и осуществляют квалифицированную помощь органам государственной власти в осуществлении ими своих полномочий. Однако при этом среди ученых можно выделить два различных подхода к содержанию данного термина.

Так, Д. Н. Петровский [1] и А. Д. Доржиев [2] считают, что вспомогательные органы выполняют чисто обеспечительные функции, в то время И. С. Иксанов [3] и А. М. Осавелюк [4] указывают, что помимо обеспечительных данные органы могут выполнять еще и консультационные и совещательные функции. Традиционно под вспомогательными органами понимаются государственные органы, которые создаются «для организационного, правового, информацион-

ного, материально-технического и иного обеспечения деятельности» органов государственной власти. Именно такие формулировки вспомогательных органов закреплены в ст. 70 Устава Тамбовской области [5], ст. 30 Устава Воронежской области [6]. Однако понятие «вспомогательные органы» при органах государственной власти может рассматриваться и в более широком смысле.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что при органах государственной власти субъектов РФ образованы и действуют негосударственные органы, на которые возложено выполнение консультационных, координационных и совещательных функций. Их целью является содействие органам государственной власти в принятии наиболее обоснованных и необходимых обществу решений, а также осуществление контроля за их деятельностью. Данные органы образуются как по инициативе самих субъектов РФ, так и по предписанию федерального законодателя. Так, например, обязательное образование общественных палат субъектов РФ предусмотрено Федеральным законом «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [7], а создание молодежных парламентов, функционирующих при законодательных органах власти субъектов РФ, осуществляется по инициативе субъектов РФ и федеральным законодательством не урегулировано.

Возможность образования негосударственных органов, выполняющих консультативные функции при органах государственной власти субъектов РФ, также закреплена в законодательстве

субъектов РФ. Так, в ст. 53 Устава Брянской области [8], ст. 28 Устава Калужской области [9], ст. 17 Устава Белгородской области [10] устанавливают право глав регионов создавать консультативные, совещательные, вспомогательные и иные органы, деятельность которых направлена на содействие органам власти в решении поставленных перед ними задач. Регионы широко пользуются правом создания консультативных органов. Например, при губернаторе Калужской области действуют 34 консультативных и совещательных органа [11], а в Ярославской области – более 80 [12]. Таким образом, анализ действующего законодательства позволяет выделить два вида органов, содействующих органам государственной власти в выполнении ими своих полномочий.

Одни органы являются структурными единицами органа государственной власти, деятельность которого они обеспечивают. Они действуют в пределах полномочий органов государственной власти, наделены организационными и обеспечительными функциями, включены в структуру органа государственной власти. Их руководитель подчиняется непосредственно лицу, возглавляющему орган государственной власти субъекта РФ (далее – вспомогательные органы). Такие вспомогательные органы состоят из государственных служащих, которые оказывают помощь в решении органом государственной власти стоящих перед ним государственных задач.

Второй вид органов выполняет консультативные, экспертные, координационные функции. Они создаются для решения конкретных вопросов по определенным направлениям деятельности. В их состав, как правило, входят эксперты узкой направленности, обладающие специализированными знаниями. Они могут не являться государственными служащими (далее – консультативные органы). Указанные органы имеют существенные различия в своем правовом статусе.

Вспомогательные органы созданы для выполнения функций по организационному, правовому, информационному и материально-техническому обеспечению деятельности органов государственной власти. Их наличие, наименование и цели их деятельности могут устанавливаться непосредственно в Основных законах субъектов РФ. Например, ст. 10.9 Устава Владимирской области [13] устанавливает наличие аппарата Законодательного Собрания, который создается для организационного, правового, информационного и материально-технического обеспечения деятельности законодательного органа. Существование аппарата главы исполнительной власти области установлено ст. 30 Устава Воронежской области [6] и ст. 61 Устава Тамбовской области [5].

Что касается основного элемента правового статуса – компетенции, то компетенция вспомогательных органов вытекает из компетенции тех органов власти, для обеспечения деятельности которых создается вспомогательный орган. Цели и задачи создания консультативных органов значительно шире, чем у вспомогательных органов. Например, ст. 5 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [7] к целям деятельности органов общественного контроля относит обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов граждан и организаций; оценку со стороны указанных органов деятельности органов государственной власти; обеспечение учета общественного мнения при принятии решений органами государственной власти. Пункт 5 Указа Президента РФ от 15.07.2015 № 364 «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» устанавливает, что основными задачами комиссии по противодействию коррупции являются: подготовка предложений по реализации антикоррупционных мер; координация

и обеспечение взаимодействия деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в указанной области; информирование общественности о проводимой работе [14].

Анализ действующих нормативных актов, регулирующих деятельность консультативных органов, позволяет сделать вывод о том, что основными целями их деятельности являются: осуществление экспертных, консультационных, информационных функций; выработка предложений для дальнейшей деятельности органа государственной власти по направлению деятельности консультативного органа; координация деятельности органов государственной власти по определенным направлениям деятельности. Другой целью их создания является организация взаимодействия между органами государственной власти и гражданским обществом; контроль за деятельностью органов государственной власти со стороны общественных структур. Консультативные органы наделены собственной компетенцией, которая не является производной от компетенции органов государственной власти.

Вспомогательные органы всегда действуют на постоянной основе. Они состоят из государственных служащих, которые занимаются исключительно обеспечением деятельности органа государственной власти, также осуществляют свою деятельность, руководствуясь законодательством о государственной службе на основании заключенного с ними контракта. В случае ненадлежащего выполнения своих обязанностей служащие подлежат ответственности на основании норм трудового законодательства с учетом законодательства о государственной службе.

Консультативные органы могут действовать как на постоянной, так и на временной основе. Однако члены консультативных органов входят в состав таких органов на общественных началах, выполняя свои основные профессиональные функции в иных структурах.

Так, уже упомянутый нами Указ Президента РФ от 15.07.2015 № 364 «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» указывает, что в состав данного органа могут входить руководители органов исполнительной власти субъекта РФ, органов местного самоуправления, представители аппарата полномочного представителя президента, руководители территориальных органов федеральных государственных органов, руководитель общественной палаты субъекта РФ, представители научных, образовательных и общественных организаций. Все указанные лица выполняют свои трудовые функции в других местах и входят в состав данного органа на общественных началах. Как правило, члены консультативных органов делегируются со своего основного места работы для участия в консультативных органах. Поскольку деятельность данных лиц в консультативных органах осуществляется не по трудовому договору (служебному контракту), а на общественных началах, их нельзя привлечь к ответственности за ненадлежащее выполнение своих обязанностей в качестве членов указанных органов.

Деятельность вспомогательных и консультативных органов четко привязана к деятельности «основного» органа государственной власти, при котором они создаются и действуют. Они могут создаваться как при исполнительной, так и при законодательной ветви власти, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Следует также отметить, что в соответствии со ст.ст. 6, 11 Конституции РФ, в которых указывается на деятельность органов государственной власти федерального уровня и регионального уровня на основании принципов самостоятельности и разделения полномочий, ни один из вспомогательных или консультативных органов никогда не осуществляет свою деятельность одновременно как на федеральном, так и на региональном уровнях. Для обеспечения

деятельности каждого органа образуются самостоятельные содействующие органы.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что, несмотря на то, что ни вспомогательные, ни консультативные органы в силу их правового положения не наделены государственно-властными полномочиями, это не умаляет их значимости и возможности влиять на решения, принимаемые органами государственной власти. Данные органы значительно облегчают деятельность органов государственной власти, способствуя выполнению ими своих функций, непосредственно влияя на принимаемые ими решения. Однако официальные определения данных органов в действующем законодательстве отсутствуют.

Анализ правового статуса указанных органов позволяет им дать следующие определения. Вспомогательные органы – это образованные и функционирующие в установленном порядке государственные органы, состоящие из государственных служащих, не обладающие полномочиями по изданию нормативно-правовых актов, выполняющие функции по организационному, правовому, информаци-

онному и материально-техническому обеспечению деятельности органов государственной власти, не обладающие государственно-властными полномочиями.

Консультативные органы, создаваемые при органах государственной власти, – это образованные и функционирующие в установленном порядке координационные, совещательные и экспертные органы, не наделенные государственно-властными полномочиями, деятельность которых направлена на координацию деятельности органов государственной власти, организацию взаимодействия общества и государственных органов, улучшение работы органов государственной власти путем осуществления контроля за их деятельностью, выработки предложений и рекомендаций по улучшению их деятельности, экспертизы принимаемых ими актов.

Указанные определения нуждаются в закреплении в действующем федеральном законодательстве с целью единообразного использования наименований указанных органов в нормативных правовых актах субъектов РФ и унификации их правового статуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петровский Д. Н. Понятие, признаки, виды и значение вспомогательных органов при главе государства. URL: <http://oad.rags.ru/vestnikrags/issues/issue0207/020705> (дата обращения: 17.09.2019).
2. Доржиев А. Д. Правовое положение аппарата Народного Хурала Республики Бурятия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2007. 23 с.
3. Иксанов И. С. Президент Российской Федерации: основные полномочия и их организационное обеспечение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 30 с.
4. Осавелюк А. М. Вспомогательный аппарат высших органов государственной власти в механизме государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 45 с.
5. Устав (Основной закон) Тамбовской области от 30 ноября 1994 г. № 1994 (ред. от 03.07.2019) // Тамбовская жизнь. 1994. № 233.
6. Устав Воронежской области от 07.06.2006 (ред. от 08.04.2019) // Коммуна. 2006. № 87–88.
7. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (часть I). Ст. 4213.
8. Устав Брянской области от 20 декабря 2012 г. № 91-3 (ред. от 04.04.2018) // Информационный бюллетень «Официальная Брянщина». 2012. № 20.

9. Устав Калужской области от 27 марта 1996 г. (ред. от 26.04.2018) // Весть. 1996. № 79.
10. Устав (Основной закон) Белгородской области от 31 декабря 2003 г. № 108 (ред. от 24.09.2018) // Сборник нормативных правовых актов Белгородской области. 2004. № 56 (часть I).
11. Консультативные и совещательные органы. Официальный портал органов власти Калужской области. URL: <http://www.admoblkaluga.ru/sub/goverNameNot/coord/> (дата обращения: 22.10.2019).
12. Портал органов государственной власти Ярославской области. Перечень комиссий, совещательных органов и координационных советов. URL: http://www.yarregion.ru/pages/kollegial_gov.aspx (дата обращения: 27.10.2019).
13. Устав (Основной закон) Владимирской области от 14 августа 2001 г. № 62-ОЗ (ред. от 15.02.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
14. О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции: указ Президента РФ от 15 июля 2015 г. № 364 (ред. от 19.09.2017) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть II). Ст. 4477.

© Кравцова Е. А.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. КРИМИНОЛОГИЯ.
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.82:343.918(470)

Л. Е. ГРИШКО, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (г. Рязань)

L. E. GRISHKO, associate Professor of criminal procedure and criminalistics Academy of law and management of the Federal penitentiary service of the Russian Federation, Candidate of Law, Docent (Ryazan)

**О ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОСУЖДЕННЫХ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

**ABOUT PERSONAL FEATURES OF CONDEMNED FOR CRIMES IN THE FIELD
OF ECONOMIC ACTIVITY AND IMPROVEMENT OF EXECUTION
OF PUNISHMENT IN THE TYPE OF DETENTION**

Аннотация. В статье анализируются изменения, внесенные в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, основанные прежде всего на личностных особенностях лиц, совершивших преступления экономической направленности, их желании и возможности загладить свою вину путем возмещения материального ущерба и морального вреда, причиненного преступлением. Данный подход к вопросам уголовной ответственности этих лиц, назначения им наказаний, организации их исполнения обуславливает дальнейший интерес к их личности, чему и посвящена данная статья.

Ключевые слова и словосочетания: личность осужденного, экономические преступления, уголовно-правовые меры, уголовно-исполнительные меры, личностные особенности, лишение свободы.

Annotation. The article analyzes the changes made to the criminal and penal legislation, based primarily on the personal characteristics of persons who have committed crimes of economic orientation, their desire and ability to make amends primarily by compensating for material damage and moral damage caused by the crime. Such approach to questions of criminal responsibility of these persons, appointment to them of punishments, the organization of their execution causes further interest to their personality to what this article is devoted.

Keywords and phrases: the personality of the condemned, economic crimes, criminal-legal measures, criminal-Executive measures, personal features, deprivation of liberty.

Среди преступлений в сфере экономики (разд. 8 УК РФ) наибольшее количество составляют преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22). Из более чем 80 статей указанного раздела ответственность за деяния в сфере экономической деятельности составляет более 60, что уже само по себе привлекает внимание исследователя. Удельный вес данных преступлений в общем числе зарегистрированных составляет 5,5 %. Данные преступления, с точки зрения их динамики, характеризуются отрицательно. По сравнению с 2017 г. в 2 018 г. их количество увеличилось на 4,2 % [1, с. 12].

Анализ истории развития уголовно-правовых мер борьбы с преступлениями экономической направленности позволяет сделать вывод о том, что оно шло по пути сокращения мер сугубо репрессивного характера (вплоть до применения смертной казни – ст. 93¹ УК РСФСР) до освобождения лиц, их совершивших, от уголовной ответственности при определенных условиях (ст. 76¹ УК РФ). Можно сказать, что на смену карательным мерам пришли «материально-возместительные».

Практика применения уголовной ответственности за совершение данных преступлений, исполнения наказаний в отношении лиц, осужденных за их совершение, показали малоэффективность карательных мер. В частности, потерпевшие от таких преступлений в материально-возместительном плане оставались и практически продолжают оставаться незащищенными: удельный вес исполнения исковых требований осужденными к лишению свободы в 2018 году составил

лишь 1,86 %. Государство практически не выполняет взятые на себя конституционные обязанности по возмещению вреда, причиненного преступлением (ст. 52 Конституции РФ). В условиях, когда количество преступлений экономической направленности останется стабильно высоким, а причиненный ущерб будет исчисляться сотнями миллиардов рублей, данная тема еще более актуализируется.

Приведенные обстоятельства обуславливают необходимость изыскивать дополнительные меры по совершенствованию уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. В частности, нормы, устанавливающие основания условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, были дополнены наличием полного или частичного возмещения вреда, причиненного преступлением (ч. 1 ст. 79, ч. 4 ст. 80 УК РФ). Лица, совершившие такие преступления, при определенных условиях полностью освобождаются от уголовной ответственности (ст. 76¹ УК РФ) или освобождаются от нее с назначением судебного штрафа (ст. 76² УК РФ). Соответствующие изменения были внесены в уголовно-исполнительное законодательство (в ходатайстве об условно-досрочном освобождении должны содержаться сведения, свидетельствующие в том числе о том, что осужденный в период отбывания наказания полностью или частично возместил вред (ст. 175 УИК РФ). В характеристике на осужденного, который обратился в суд с ходатайством о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, должны содержаться

данные о частичном или полном возмещении причиненного ущерба или иным образом заглаженном вреде, причиненном в результате преступления (ч. 3 ст. 175 УИК РФ). Такие же данные должны содержаться в характеристике осужденного, обратившегося в суд с ходатайством об изменении вида исправительного учреждения в представлении администрации исправительного учреждения о данном изменении (ч. 2² ст. 78 УИК РФ). А. Я. Гришко приводится детальный анализ уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, содержащего и другие нормы позитивной направленности, стимулирующие к возмещению причиненного вреда [2, с. 56–60].

Приведенные изменения, внесенные в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, основаны на личностных особенностях лиц, совершивших преступления экономической направленности, их желании и возможности заладить свою вину путем возмещения материального ущерба и морального вреда, причиненного преступлением. Такой подход к вопросам уголовной ответственности этих лиц, назначения им наказаний, организации их исполнения обуславливает дальнейший интерес к их личности. Изучение личностных особенностей, их учет в деле противодействия преступности уже давно стали устоявшимися в теории криминологии [3, с. 12; 4, с. 16; 5, с. 12].

В ходе работы автором было проведено изучение личности осужденных за преступления экономической направленности в виде анкетирования за 2016–2018 гг. Как показали результаты, из 160 проанкетированных осужденных в исправительных учреждениях ряда регионов (Рязанская, Нижегородская, Брянская, Смоленская области) в большинстве случаев такие лица имеют среднее специальное или высшее образование; у них устойчивые семейные связи; социальное положение до осуждения: работа-

ли руководителями предприятия – 37,8 %, занимали иную административную должность – 2,7 %, занимались предпринимательской деятельностью – 10,8 %. Также были установлены уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и психологические признаки, характерные для данной категории осужденных. В числе уголовно-правовых признаков:

- характер совершенных ими преступлений: незаконные действия с денежными средствами, кредитными картами и т. п., незаконная предпринимательская деятельность; уклонение от уплаты налогов; незаконные действия, связанные с образованием юридического лица; приобретение или сбыт имущества заведомо добытого преступным путем; незаконное производство и проведение азартных игр; уклонение от уплаты налогов; незаконное использование документов для образования юридического лица;

- совершение преступления исполнителем без соучастия;

- наиболее часто применяемые к ним дополнительные наказания – штраф; из числа иных мер уголовно-правового характера – условное осуждение к лишению свободы;

- срок лишения свободы, назначаемый им (до трех лет);

- осуждение впервые.

В уголовно-исполнительном плане их отличает: положительное отношение к основным средствам их исправления (к режиму отбывания наказания, достаточно активное участие в воспитательных мероприятиях, обеспеченность работой и положительное отношение к труду). Среди них лишь небольшая доля ведет себя отрицательно – 2,4 %; имеют взыскания – 11,5 %; уклоняются от участия в воспитательных мероприятиях – 6 %; недобросовестно относятся к работе – 12,5 %.

Среди психологических особенностей черт личности осужденного за преступления экономической направленности выделяют: отсутствие агрессивного

и оскорбительного поведения; в числе мотивов преступного поведения – ложно понимаемые интересы предпринимателя, неправомерность начисления налогов. Абсолютное большинство лиц имеет социальные ориентации – 97,5 %, характеризуются адекватным поведением – 100 %.

Содержание признаков, характеризующих личность осужденного за преступления экономической направленности, еще раз убеждает в необходимости и целесообразности особого уголовно-правового и уголовно-исправительного режима, применяемого к лицам, совершающим данные преступления, к осужденным, отбывающим наказания за их совершение. Такие осужденные, работая до осуждения на различных должностях, «всегда соблюдали правила внутреннего распорядка соответствующих предприятий и учреждений, добросовестно трудились. Для этой категории осужденных нужны другие критерии их исправления», – пишет В. Д. Филимонов [6, с. 138]. Однако если относительно уголовно-правового аспекта совершенствование деятельности в этой сфере, как отмечалось выше, имеет место движение, то применительно к уголовно-исполнительной сфере этого не скажешь. В последнем имеют место только лишь научные изыскания. Результатом одного из них явилось предложение о содержании осужденных за экономические и должностные преступления в отдельных исправительных учреждениях [7].

Данная идея заслуживает своего внимания уже потому, что она обращает внимание законодателя и практиков к вопросу о необходимости дифференциации исполнения наказания в виде лишения свободы к указанной категории осужденных. Однако трудно согласиться с ее авторами о форме реализации идеи – создании отдельных исправительных учреждений. Она не выдерживает критики с точки зрения ее реализации в экономическом, финансовом отношении. Реали-

зация этой идеи еще больше усугубит проблему отбытия наказания в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором осужденный проживал или был осужден (ч. 1 ст. 73 УИК РФ). Удельный вес таких осужденных незначительный. Например, за преступления экономической направленности в 2018 году доля лиц, совершивших их, составила около 5 %. К реальному лишению свободы приговаривается незначительная их часть. Возникает вопрос: «Насколько возможно создание для них отдельных исправительных учреждений в каждом субъекте Российской Федерации?». В данном случае внимание привлекает идея В. А. Уткина о «гибридных» и «мультирежимных» исправительных учреждениях [8, с. 156]. Ссылаясь на международные правила (ст. 11 Минимальных стандартных правил ООН обращения с заключенными (Правило Нельсона Манделы); Европейские пенитенциарные правила), он приходит к выводу о том, что данный характер исправительных учреждений может быть и в России [8, с. 153–154].

Пенитенциарная практика зарубежных государств подтверждает такую возможность. Так, во Вьетнаме в одной исправительной колонии содержатся самые различные категории осужденных (включая мужчин и женщин), но вместе с тем они изолированы друг от друга и не может быть и речи о каких-либо контактах между ними. Определенный опыт имеет место и в России: создание в исправительной колонии изолированных участков с различными видами режима, функционирующих как тюрьма (ч. 1 ст. 74 УИК РФ); создание в лечебных исправительных учреждениях и лечебно-профилактических учреждениях изолированных участков, функционирующих как колонии-поселения (ч. 8 ст. 74 УИК РФ); в воспитательных колониях изолированных участков, функционирующих как исправительные колонии общего режима; изолированных участков

для содержания осужденных, достигших во время отбывания наказания возраста 18 лет (ч. 9 ст. 74 УИК РФ). Согласно ч. 3 ст. 60¹ УИК РФ при исправительных колониях могут создаваться изолированные участки, функционирующие как исправительные центры.

Личностные особенности осужденных за преступления экономической направленности свидетельствуют о том, что они не нуждаются в столь строгой изоляции по сравнению с осужденными, совершившими другие преступления. Данное обстоятельство, а также низкий уровень погашения исковых требований, основной причиной которого является отсутствие возможности трудоустройства на предприятии исправительной колонии, позволяет сделать вывод о том, что таким осужденным может быть предоставлена возможность трудоустройства за пределами исправительного учреждения с правом выхода за его пределы.

Такой путь решения вопроса совершенствования условий отбывания наказания обуславливается и особенностями трудовых навыков, которыми владеют данные осужденные. Во-первых, они не могут использовать их труд на определенных должностях в период нахождения осужденных в исправительной колонии в связи с запретами (в качестве продавцов, бухгалтеров-операционистов, кассиров, заведующих продовольственными, вещевыми складами, кладовщиков, сторожей в соответствии с Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденными приказом Минюста России от 16.12.2016 № 295). Во-вторых, данные и иные должности отсутствуют в необходимом количестве. Для решения этого вопроса требуется внесение изменений в Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений. Перечень работ и должностей, на которых запрещается использование труда осужденных, должен быть дифференцирован и уточнен. Это можно осу-

ществить путем установления перечня работ и должностей, на которых запрещается использование труда осужденных независимо от их места привлечения к таковому (внутри учреждения или за его пределами), и перечня работ и должностей, на которых запрещается использование труда осужденных в зависимости от места привлечения к таковому.

К числу первых можно отнести труд осужденных: по обслуживанию и ремонту технических средств охраны и надзора, размещенных в запретной зоне инженерных сооружений, конструкций и коммуникаций; связанных с учетом, хранением и выдачей медикаментов, взрывчатых, отравляющих и ядовитых веществ; с подчинением им представителей администрации исправительного учреждения; в качестве водителей оперативных машин. Во втором случае к таким должностям можно отнести назначение осужденных в качестве сторожей.

Таким образом, изучение личностных особенностей за преступления экономической направленности позволило выявить их характерологические особенности социально-демографического, уголовно-правового, уголовно-исполнительного характера. В целом их отмечает позитивное отношение к основным средствам исправления осужденных. Это не может не учитываться при исполнении наказания в виде лишения свободы.

В плане дальнейшей дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в отношении данной категории осужденных представляется целесообразным:

– их раздельное отбывание наказания в виде лишения свободы в рамках одного исправительного учреждения от осужденных за преступления против личности;

– пересмотреть перечень должностей и работ, на которых может быть использован их труд на территории исправительного учреждения и за его пределами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Состояние преступности России за январь – декабрь 2018 года. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/be9/sbornik_12_2018.pdf (дата обращения: 17.09.2019).
2. Гришко А. Я. Возмещение вреда, причиненного преступлением: постановка проблемы // Административное право и процесс. 2017. № 10. С. 56–60.
3. Антонян Ю. М. Преступник. Основные понятия и черты личности: монография. М., 2018. 383 с.
4. Бурлаков В. Н. Уголовное право и личность преступника: монография. СПб., 2006. 238 с.
5. Личность организованного преступника: криминологическое исследование: монография / Долгова А. И. [и др.]; под ред. А. И. Долговой. М., 2013. 367 с.
6. Филимонов В. Д. Творческое начало в деятельности суда при назначении и изменении уголовного наказания: монография. М., 2019. 141 с.
7. Отбывание лишения свободы осужденными за экономические и должностные преступления: итоги теоретического исследования. URL: <https://istina.msu.ru/collections/185837912/> (дата обращения: 23.09.2019).
8. Уткин В. А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. Томск, 2018. 240 с.

© Гришко Л. Е.

УДК 343.973:343.378(470)

А. Н. ИЛЬЯШЕНКО, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Краснодар)

A. N. ILYASHENKO, professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Kuban state University, Doctor of Law, Professor (Krasnodar)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПРИОБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, СОВЕРШАЕМОЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ ИНФРАСТРУКТУР

COUNTERACTION AGAINST LEGALIZATION OF INCOME ACQUIRED BY THE CRIMINAL WAY COMMITTED WITH THE USE OF MODERN PAYMENT INFRASTRUCTURES

Аннотация. В статье автором дается общая характеристика состояния противодействия легализации доходов, приобретенных преступным путем, совершаемой с использованием современных платежных инфраструктур. Также отмечается, что, несмотря на предпринимаемые меры, уровень легализации преступных доходов с использованием платежных систем остается стабильно высоким. Особое внимание уделяется проблеме использования возможностей инновационных платежных инфраструктур, в которых не выработаны эффективные меры контроля.

Ключевые слова и словосочетания: легализация денежных средств, уголовное законодательство, уголовная ответственность, платежные системы, криптовалюты, инфраструктура.

Annotation. The article gives a general description of the state of counteraction to the legalization of proceeds by the criminal way using modern payment infrastructures. It is noted that despite the taken measures the legalization of criminal proceeds using payment systems remains consistently high. Special attention is paid to the problem of using the possibilities of innovative payment infrastructures, in which effective control measures have not been developed by government.

Keywords and phrases: money legalization, criminal legislation, criminal liability, payment systems, cryptocurrencies, infrastructure.

Противодействие легализации доходов, приобретенных преступным путем, является одной из злободневных проблем в сфере обеспечения экономической безопасности государства. Особая роль в указанном процессе отводится усилиям Центрального банка РФ и Службы финансовой разведки (Росфинмониторинг). На протяжении двух последних десятилетий наблюдается существенное ужесточение валютного контроля, порядка открытия банковских счетов, осуществления перевода денежных средств, установления бенефициарных владельцев. Так, в I полугодии 2019 г. объемы сомнительных операций в банковском секторе продолжили снижаться и, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, уменьшились в 2,1 раза. Объемы операций с признаками вывода денежных средств за рубеж также уменьшились [1].

Особую значимость в указанном аспекте имеют положения Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», которые регулярно пересматриваются и дополняются для создания адекватной системы противодействия возникающим рискам. Вместе с тем, несмотря на усилия международных организаций и государства, проблема продолжает оставаться весьма острой. Непрерывающаяся трансформация общественных и экономических отношений повлекла качественное видоизменение не только предикатных преступлений, но и, несомненно, сказалась на схемах и механизмах, используемых для легализации доходов, приобретенных преступным путем.

Легализация, или «отмывание», денежных средств, зародившаяся в середине 30-х гг. прошлого века для «отмывания грязных доходов» от бутлегерства через сеть прачечных, трансформировалась в самостоятельный пласт высокотехнологической экономической преступности. Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что наиболее подверженными риску легализации являются сферы, имеющие стратегическое значение для развития экономики страны: кредитно-финансовая сфера; сфера бюджетных отношений (в том числе налоговая); сфера международных отношений и области коррупционных правонарушений, незаконного оборота наркотиков, а также финансирование терроризма [2].

В указанных условиях весьма остро встал вопрос о формировании национальной стратегии в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, которая позволит создать устойчивую систему противодействия возникающим рискам. Так, в мае 2018 г. Президентом РФ была утверждена «Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [3].

Основными целями принятой Концепции являются: «повышение эффективности функционирования национальной системы противодействия легализации до уровня, при котором будут обеспечены своевременная нейтрализация выявленных рисков совершения операций (сделок) и ликвидация угроз национальной безопасности без привлечения дополнительных ресурсов;

соблюдение законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и распространению оружия массового уничтожения организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, и специалистами, входящими в национальную систему; повышение уровня прозрачности экономики, в том числе за счет применения механизма установления бенефициарных владельцев хозяйствующих субъектов; предупреждение нецелевого расходования бюджетных средств и обеспечение повышения эффективности их использования; снижение уровня террористической угрозы и экстремистских проявлений в обществе, обеспечение законности и прозрачности деятельности некоммерческих организаций; дальнейшее укрепление роли Российской Федерации в международной системе противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [3].

Достижение указанных целей ожидается посредством решения ряда задач, в том числе «совершенствования нормативного правового регулирования и правоприменительной практики в сфере предупреждения преступности; развития национального центра по оценке угроз национальной безопасности, возникающих в результате совершения операций (сделок) с денежными средствами или иным имуществом, выработки мер противодействия этим угрозам; адаптации законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики к рекомендациям Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее – ФАТФ); совершенствования нормативно-правового регулирования сферы деятельности, связанных с использованием современных электронных технологий» [3].

Несмотря на отмеченную положительную динамику снижения сомни-

тельных операций, проводимых через платежные системы, риски в указанной сфере становятся все более ощутимыми и требуют пристального внимания.

Сегодня для всех очевиден тренд перехода не только экономических преступлений в цифровую форму, но и таких, на первый взгляд, далеких от цифровых технологий преступных сегментов, как наркобизнес или терроризм. Наличие экономической составляющей – получение преступного дохода или необходимость финансирования преступной деятельности – обусловило интерес как отдельных преступников, так и организованных преступных групп к платежным системам. Евразийской группой по противодействию отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма (далее – ЕАГ) выделялись следующие отличительные признаки типологий легализации преступных доходов, характерных для организованной преступности: открытие счетов под вымышленными именами, использование банковских кредитов, финансовых пирамид, схем «теневых» финансовых услуг, договоров покупки фиктивных ценных бумаг.

Вполне закономерно, что в условиях ужесточения надзора за официальными платежными системами и системами межбанковских расчетов внимание преступников обращено к альтернативным, лишенным подобного контроля, финансовым системам. Появление в 2019 г. цифровых активов ознаменовало новую эру в легализации преступных доходов. Экспертами Интерпола прогнозируется, что к 2030 г. цифровые активы, преимущественно анонимные, станут основным платежным инструментом в преступном мире. При этом в настоящее время цифровые активы в целях легализации используются только в 40 % проанализированных случаев [4].

Калифорнийская фирма по обеспечению безопасности блокчейна и криптовалют «CipherTrace» в своем докладе 2018 года отметила увеличение случаев

отмывания доходов и других незаконных действий: на июнь 2018 г. было легализовано 761 млн долл. через криптовалюты «Bitcoin», «Zcash» и «Monero», что превосходит аналогичный показатель предыдущего года в 3 раза. Вместе с тем специалистами констатируется, что «увеличение рыночного оборота виртуальных денег, несомненно, приведет к росту их популярности в криминальной среде, но эта динамика не должна выйти за пределы роста экономических показателей» [5]. Практически полная анонимность, легкодоступность, отсутствие ограничений и контроля сделали сферу использования цифровых финансовых активов максимально привлекательной для целей легализации преступных доходов. Следует отметить, что «отмывание» криптовалют во многом схоже со схемой «отмывания» обычных денег, описанной в Рекомендациях ФАТФ [6], и состоит из трех этапов, однако анализируемый процесс технически гораздо сложнее.

Первый шаг в процессе чистки называется «размещение» и предполагает приобретение цифровых активов за фиат, полученных от преступной деятельности, либо изначальное получение доходов, приобретенных преступным путем, в криптовалюте. Размещенные в системе средства «перемешиваются» посредством использования «прачечных» («смесителей», «тумблеров» и «фоггеров») для совершения транзакций и запутывания путей к первоисточнику. «Перемешанные» активы объединяются с легальными доходами, после чего конвертируются в фиатные валюты [7].

Сотрудниками полиции Кировской области в октябре 2018 г. была раскрыта схема по отмыванию доходов, полученных преступным путем от продажи наркотиков. Сведения о преступной схеме были добыты в ходе расследования уголовного дела о сбыте наркотиков организованной группой. Ее участники продавали наркотики бесконтактным способом, не вступая в личный контакт

с другой стороной. Оплата наркотиков осуществлялась путем перевода средств на постоянно меняющиеся электронные кошельки. Полученные денежные средства переводились в криптовалюту (биткоины), после чего выводились участниками преступной группы на счета, открытые на криптобиржах, вновь конвертировались в рубли и затем использовались. По данному факту следственными подразделениями МВД России было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 1741 УК РФ [8].

Подобная схема приобрела такую популярность, что проблема использования криптовалют для легализации преступных доходов стала предметом анализа ряда межведомственных и межгосударственных комиссий. Особое внимание указанному явлению было уделено и ФАТФ. Согласно Рекомендации 15 ФАТФ «странам и финансовым учреждениям необходимо определять и оценивать риски отмывания денег или финансирования терроризма, которые могут возникнуть в связи с разработкой новых продуктов и новой деловой практики, включая новые механизмы передачи; и в связи с использованием новых или развивающихся технологий как для новых, так и для уже существующих продуктов» [9]. Для предотвращения деятельности «прачечных» ФАТФ рекомендовано введение самых строгих стандартов в отношении операторов криптовалютных сервисов, в частности, обязательная регистрация самих сервисов в контролирующих органах, а также обязательное внедрение процедуры идентификации пользователей. При несоблюдении указанных требований сервис следует признать нелегализованным и нарушающим требования «антиотмывочного» законодательства [10].

Подобная практика уже активно применяется в большинстве стран, «легализовавших» криптовалюты. В нашей стране деятельность по противодействию использованию современных платежных инфраструктур для легализации пре-

ступных доходов, в том числе и от наркобизнеса, носит фрагментарный характер. Полагаю, что криптовалюты даже при отказе законодателя от их легализации в российском правовом поле останутся привлекательными для преступников, и количество случаев отмывания с помощью них лишь возрастет.

В указанных условиях следует констатировать необходимость приведения национальной системы противодействия легализации доходов, приобретенных преступным путем, в соответствие международным стандартам. Достижение

указанной цели обозначено в числе приоритетных в Концепции развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Это позволит применять наиболее передовые и эффективные способы без создания искусственных регулятивных барьеров для развития и модернизации экономики, а также обеспечит укрепление позиций России в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Структура сомнительных операций и секторы экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги. URL: http://www.cbr.ru/today/resist/resist_sub/2019-1/ (дата обращения: 14.08.2019).
2. Национальная оценка рисков легализации (отмывания) преступных доходов 2017–2018. Основные выводы. М.: Росфинмониторинг, 2018. 34 с.
3. Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (утв. Президентом РФ 30.05.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
4. The EU Serious and Organized Crime Threat Assessment (SOCTA) 2013. URL: <https://www.europol.europa.eu> (дата обращения: 23.09.2019).
5. Сидоренко Э. Л. Криминальное использование криптовалюты: международные оценки // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 6. С. 8–11.
6. Рекомендации ФАТФ. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / пер. с англ. М.: Вече, 2012. 176 с.
7. Дворянкин О. А., Клочкова Е. Н. Криптовалюта – новый инструмент наркобизнеса // Наркоконтроль. 2018. № 4. С. 19–22.
8. В России раскрыли схему легализации преступных доходов через биткоины. URL: <https://regnum.ru/news/2354410.html> (дата обращения: 18.09.2019).
9. Отчет ФАТФ «Виртуальные валюты. Ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ». URL: https://eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Virtualnye_valyuty_FATF_2014.pdf (дата обращения: 18.09.2019).
10. FATF (2019). Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers, FATF, Paris. URL: <https://www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/Guidance-RBA-virtual-assets.html> (дата обращения: 23.09.2019).

© Ильяшенко А. Н.

УДК [343.848.5+351.74]-043.5(470)

Е. О. МАЙОРОВА, аспирант кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России; заведующий кабинетом кафедры уголовного права и криминологии Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (г. Рязань)

E. O. MAYOROVA, postgraduate student Chair of Criminal Executive Law of the Academy of Federal Penitentiary Service of Russia; head of the office of Criminal Law and Criminology Chair, Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya (Ryazan)

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ
ФСИН РОССИИ С ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ
ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ СОВЕРШЕНИЯ НОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ОСУЖДЕННЫМИ К НАКАЗАНИЯМ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА**

**INTERACTION OF CRIMINAL EXECUTIVE INSPECTIONS OF THE
FSIN OF RUSSIA WITH LAW ENFORCEMENT BODIES FOR PREVENTING
THE PERFORMANCE OF NEW CRIMES BY CONDEMNED TO PUNISHMENTS
WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY**

Аннотация. В данной статье затронуты правоприменительные проблемы, возникающие в процессе взаимодействия между правоохранительными органами при исполнении наказаний альтернативно-пенитенциарного блока. Обращено внимание на то, что существующие межведомственные мероприятия по предупреждению повторных преступлений среди осужденных к наказаниям без изоляции от общества имеют низкоэффективную направленность и снижают превентивную функцию таких наказаний. Данные обстоятельства подтверждаются приведенными статистическими данными, которые характеризуются отрицательной динамикой, в связи с этим сделан вывод о том, что необходимо совершенствовать рассматриваемое взаимодействие. Автором предложен комплекс мер, который будет способствовать повышению эффективности как общего взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с правоохранительными органами, так и организации совместных мероприятий с участковыми уполномоченными полиции, сотрудниками патрульно-постовой службы, ГИБДД, линейного отдела МВД России на транспорте, оперативных подразделений, а также органов прокуратуры.

Ключевые слова и словосочетания: предупреждение преступлений, совместные превентивные мероприятия, субъекты взаимодействия, уголовно-исполнительные инспекции, подразделения полиции, органы прокуратуры, осужденные без изоляции.

Annotation. This article touches upon law enforcement problems arising in the process of interaction between law enforcement agencies in the execution of sentences of the alternative penitentiary block. Attention is drawn to the fact that existing interdepartmental measures to prevent repeated crimes among prisoners sentenced to punishment without isolation from society are determined by a low-efficiency orientation and reduce the preventive function of such punishments. These circumstances are confirmed by the above statistics, which are characterized by negative dynamics, and therefore, it is concluded that it is necessary to improve the interaction in question. The author has proposed a set of measures that will enhance the effectiveness of both the general interaction of the criminal executive inspections with law enforcement agencies, and the organization of joint events with local police officers, patrol officers,

traffic police, the military district of the Ministry of Internal Affairs of Russia on transport, operational units, as well as prosecution authorities.

Keywords and phrases: *crime prevention, joint preventive measures, subjects of interaction, criminal-executive inspections, police units, prosecution bodies convicted without isolation.*

Современная уголовная и пенитенциарная политика государства все больше ориентирует правоохранительные органы на применение наказаний альтернативно-пенитенциарного блока, исполнение которых отнесено к ведению уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России (далее – УИИ). Согласно статистическим данным их доля в 2014 г. составила 43,6 % от всех назначенных наказаний, в 2015 г. – 36,6 %, в 2016 г. – 54,2 %, в 2017 г. – 55,5 %, в 2018 г. – 57,1 % [1]. Безусловно, такое активное назначение указанных наказаний должно находиться в прямой зависимости от их эффективности – способности при исполнении обеспечивать достижение целей уголовного наказания, закрепленных в ст. 43 УК РФ. Одной из них является предупреждение совершения новых преступлений, в рассматриваемом случае осужденными к наказаниям без изоляции от общества, состоящими на учете в УИИ.

Среди частнопревентивных мер, которые применяют сотрудники УИИ при исполнении наказаний без изоляции осужденного от общества, особое место занимает их взаимодействие с подразделениями полиции. Это обусловлено тем, что такие осужденные находятся на свободе и могут совершить любое преступление, предусмотренное УК РФ. Вместе с тем особенности правового статуса сотрудников УИИ позволяют им реализовать только профилактический аспект предупредительной цели, в связи с чем они зачастую вынуждены сотрудничать с сотрудниками полиции, которые помимо профилактики совершения преступлений могут также осуществлять стадии пресечения и пресечения последних.

Взаимодействие сотрудников УИИ с сотрудниками полиции регламентировано совместным приказом Минюста России

и МВД России от 04.10.2012 № 190/912 «Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений» (далее – Регламент по взаимодействию) [2].

Данный нормативный акт содержит перечень совместных и индивидуальных мероприятий по предупреждению преступлений и административных правонарушений, которые необходимо реализовать сотрудникам УИИ и полиции. Однако указанные мероприятия или достаточно общие по содержанию, или характеризуются низкой эффективностью в силу объективных или субъективных причин. Так, в 2014 г. в отношении 29 187 осужденных к наказаниям без изоляции от общества были возбуждены уголовные дела за совершение повторного преступления после постановления их на учет в УИИ, в 2015 г. аналогичный показатель составил 25 084, в 2016 г. – 11 006, в 2017 г. – 15 032, в 2018 г. – 15 265. В этой связи необходимость совершенствования взаимодействия УИИ с подразделениями полиции приобретает актуальность и обуславливает практическую значимость.

Системный анализ Регламента по взаимодействию позволил определить ряд общих предложений, которые повысили бы эффективность межведомственного сотрудничества в борьбе с повторной преступностью осужденных к наказаниям без изоляции от общества. Во-первых, в п. 4 ст. 6 закреплено, что сотрудники УИИ осуществляют не реже одного раза в квартал направление запросов (требований) в районные подразделения полиции для проверки по автоматизированным учетам Информационного центра наличия сведений

о привлечении осужденных к административной и (или) уголовной ответственности, а в отношении осужденных к обязательным работам – не реже одного раза в течение срока наказания.

Затяжной процесс корреспонденции таких документов существенным образом создает затруднения сотрудникам УИИ осуществлять должный контроль отбывания осужденными наказания и своевременно реагировать на допущенные нарушения. В связи с этим для оптимизации работы сотрудников УИИ в данном направлении необходимо разрешить вход в вышеуказанную базу в каждом УИИ субъектов РФ. Ее посещение может осуществлять ответственный сотрудник от каждого филиала УИИ, делая отметку в соответствующем журнале.

Пункты 7.2 и 7.4 закрепляют, что подразделения полиции обеспечивают направление в УИИ информации о возбуждении органами предварительного следствия (дознания) уголовных дел в отношении осужденных к наказаниям без изоляции от общества или о привлечении последних к административной ответственности. В настоящее время обмен указанной информацией находится на недостаточно высоком уровне. Указанное обстоятельство также негативным образом отражается на качестве исполнения наказаний без изоляции осужденного от общества. Таким образом, возникает потребность в обеспечении ежеквартального участия сотрудников УИИ в совместных совещаниях с начальниками отделов полиции, на которых будут предоставляться, обобщаться и подвергаться анализу сведения о привлечении осужденных к уголовной и административной ответственности.

Согласно статистическим данным в 2014 г. на учете в УИИ состояло 33 750 осужденных к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, в 2015 г. – 45 107, в 2016 г. – 125 643, в 2017 г. – 198 453, в 2018 г. – 233 658.

Среди них более 35 % лишены права управления транспортными средствами. Так, в п. 9 регламента по взаимодействию указано, что подразделения территориальных органов МВД России, обеспечивающие безопасность дорожного движения, при получении соответствующей информации от УИИ не позднее 3 дней принимают меры по внесению сведений о лишении осужденного права управления транспортным средством в специализированные учеты федеральной специализированной территориально распределенной информационной системы Госавтоинспекции по изъятию водительского удостоверения и направлению сообщения об этом в УИИ.

Больше никаких совместных профилактических мероприятий по данному направлению сотрудники УИИ и ГИБДД не осуществляют, также не обмениваются оперативно-значимой информацией. Таким образом, в настоящее время отсутствует эффективное взаимодействие УИИ с подразделениями ГИБДД и линейным отделом МВД России на транспорте по вопросам контроля исполнения указанного наказания, в связи с чем очевидна необходимость его должной организации путем внесения в п. 9 дополнительных совместных мероприятий.

В рассматриваемом аспекте необходимо отметить, что среди законодательно регламентированных совместных мероприятий сотрудников УИИ и полиции в отношении осужденных к наказаниям без изоляции от общества отсутствуют рейдовые действия, которые признаны наиболее действенными мерами по противодействию преступности. В рамках взаимодействия целесообразно было бы организовать и проводить совместные оперативно-профилактические рейды в отношении конкретных групп осужденных к альтернативным лишению свободы наказаниям: «впервые осужденные», «осужденные, имеющие судимости», «осужденные, которым лишение свободы было заменено более мягким наказанием

без изоляции от общества». Такие рейды необходимо осуществить в отношении:

– впервые осужденных к наказаниям без изоляции от общества – позволят выявить социально-бытовую обстановку, в которой они проживают, определить негативно влияющие факторы и своевременно среагировать на них;

– осужденных к наказаниям без изоляции от общества, ранее отбывавших иное наказание, – помогут спрогнозировать варианты деструктивного поведения во время отбывания назначенного наказания;

– осужденных, которым лишение свободы было заменено более мягким видом наказания без изоляции от общества, – будут способствовать определению отношения осужденных к своеобразному досрочному освобождению, дополнительному проведению профилактической беседы о недопустимости нарушений режима отбывания назначенного наказания и общественного порядка.

Еще одним важным аспектом взаимодействия сотрудников УИИ и полиции является проведение первоначальных розыскных мероприятий (далее – ПРМ) в отношении осужденных, скрывшихся от отбывания назначенного наказания. Так, п. 1 ст. 18.1 УИК РФ закрепляет, что ПРМ в отношении осужденных к наказаниям в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, осуществляются сотрудниками УИИ, которые направляют соответствующие запросы в государственные структуры, органы, больницы, морги и т. д. с целью получения информации о скрывшемся осужденном. По истечении 30 суток, если не удалось установить его местонахождение, в соответствии с п. 2 ст. 18.1 УИК РФ осужденный объявляется в розыск.

В соответствии с ч. 13 ст. 12 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [3] сотрудники полиции обязаны оказывать содействие учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы в осуществлении розыска и задер-

жании лиц, в том числе уклоняющихся от отбывания уголовного наказания. Анализ данных правовых норм позволяет прийти к выводу о том, что сотрудники полиции начинают оказывать содействие в розыске осужденных только по истечении 30 суток. Вполне очевидно, что это не рационально: 30 суток – достаточно продолжительный срок; за это время осужденный может покинуть пределы региона или совершить еще несколько преступлений. Также, учитывая особенности служебной деятельности и правового статуса сотрудников полиции, последние обладают большими должностными полномочиями и возможностями по поиску осужденного, поэтому осуществление ПРМ было бы более эффективным, если бы сотрудники полиции начинали взаимодействовать с УИИ уже на данном этапе. В таком случае нахождение скрывавшегося осужденного было бы возможно без объявления последнего в розыск.

Еще одной важной организационной особенностью применения превентивных мер при исполнении наказаний без изоляции от общества является то, что указанная деятельность осуществляется сотрудниками УИИ, в свою очередь при исполнении реального лишения свободы ей занимаются сотрудники оперативного отдела, и эта деятельность выступает в качестве основной. Таким образом, высокая степень загруженности сотрудников УИИ может также негативно отражаться на предупреждении повторной преступности среди осужденных к наказаниям без изоляции от общества. Однако, учитывая тот факт, что согласно ст. 13 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [4] на территории Российской Федерации право осуществлять указанную деятельность предоставляется также оперативным подразделениям ФСИН России, предлагаем в каждом филиале УИИ одного из сотрудников наделить полномочиями оперативного работника. В должностные обязан-

ности этого сотрудника могут входить выявление и пресечение преступлений и административных правонарушений, совершаемых осужденными к наказаниям без изоляции от общества, что позволит УИИ самостоятельно реализовывать все три составляющие предупредительной деятельности.

В таком случае между ФСИН России и МВД России возможно подготовить совместный нормативный акт, который бы регулировал взаимодействие оперативных работников УИИ и подразделений полиции в вопросе предупреждения совершения новых преступлений осужденными к наказаниям без изоляции от общества. Основными направлениями оперативного взаимодействия УИИ и подразделений полиции могут являться:

- совместное проведение совещаний, учебных занятий, инструктажей по принятию решений и выработке согласованных действий, направленных на решение задач оперативно-разыскной деятельности;

- совместный анализ оперативно-разыскной ситуации и принятие на его основе управленческого решения;

- двусторонний обмен оперативно-разыскной информацией, касающийся исполнения наказаний без изоляции осужденного от общества;

- проведение совместных оперативно-разыскных и оперативно-профилактических мероприятий;

- осуществление контроля и подведение итогов по результатам взаимодействия УИИ и подразделений полиции;

- разработка и издание совместных межведомственных подзаконных актов, обзоров и методических рекомендаций по взаимодействию УИИ и подразделений полиции.

Таким образом, возникает необходимость в переработке и дополнении имеющейся нормативной правовой базы, регулирующей вопросы как общего взаимодействия УИИ с подразделениями полиции, так и организации их взаимодействия с участковыми уполномочен-

ными полиции, сотрудниками патрульно-постовой службы, ГИБДД, линейного отдела МВД России на транспорте и оперативных подразделений.

В рассматриваемом аспекте также полагаем целесообразным обратить внимание на взаимодействие УИИ с органами прокуратуры. Вполне очевидно, что в рамках достижения цели предупреждения совершения новых преступлений осужденными к наказаниям без изоляции от общества вопрос обеспечения законности деятельности сотрудников УИИ является одним из значимых. Однако в течение 2014–2018 гг. органы прокуратуры вынесли соответственно 2 999, 3 331, 3 222, 3 597, 3 613 акта прокурорского реагирования в адрес УИИ и территориальных органов ФСИН России о нарушениях законности при исполнении наказаний без изоляции осужденного от общества. На наш взгляд, для снижения такой отрицательной динамики в целях укрепления законности в деятельности УИИ при исполнении наказаний без изоляции осужденного от общества необходимо:

- проводить служебные проверки по фактам вынесения актов прокурорского реагирования, привлекать виновных лиц к дисциплинарной ответственности;

- ежеквартально на совместных совещаниях с органами прокуратуры осуществлять постоянный анализ совершенных нарушений и определять механизмы по их устранению;

- каждые полгода проводить совместные региональные совещания правоохранительных подразделений по выявлению проблемных аспектов, связанных с реализацией частного предупреждения при исполнении наказаний без изоляции осужденного от общества.

В практической деятельности УИИ насущной является проблема появления осужденных к наказаниям без изоляции от общества на регистрацию в УИИ в состоянии алкогольного опьянения, что в соответствии со ст. 20.21 КоАП РФ является административным правона-

рушением. Однако в рассматриваемом случае сотрудники УИИ не имеют полномочий для привлечения осужденного к административной ответственности, для этого им необходимо связываться с сотрудниками полиции. Это не вполне рационально, так как, во-первых, занимает достаточно длительный промежуток времени; во-вторых, до момента приезда сотрудников полиции сотрудникам УИИ приходится непосредственно общаться с осужденным, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, что представляет некую опасность для их жизни и здоровья. Верно отмечено И. Н. Смирновой и Л. Н. Тарабуевым, что недостаточно высокий уровень предупредительной деятельности УИИ обусловлен и отсутствием мер административного воздействия к злоупотребляющим спиртными напитками [5, с. 33].

На наш взгляд, решением данной проблемы будет являться наделение сотрудников УИИ полномочиями, которыми пользуются сотрудники Федеральной службы войск национальной гвардии РФ по доставлению граждан в служебное помещение органа внутренних дел (полиции) в целях решения вопроса о задержании гражданина (п. 7 ст. 9 Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [6]). В случае появления осужденных к наказаниям без изоляции от общества на регистрацию в состоянии алкогольного опьянения сотрудники УИИ смогут оперативно доставлять их в отделы полиции для решения вопроса о привлечении последних к административной ответственности.

В связи с этим предлагаем внести изменения в ст. 27.2 КоАП РФ, ст. 31.4

Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и расширить полномочия сотрудников УИИ, разрешив им доставлять осужденных к наказаниям без изоляции от общества, явившихся на регистрацию в УИИ в состоянии алкогольного опьянения, в отделы полиции для решения вопроса об их привлечении к административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 20.21 КоАП РФ.

Подводя итог анализу взаимодействия УИИ с правоохранительными органами по предупреждению совершения новых преступлений осужденными к наказаниям без изоляции от общества, в рамках повышения его эффективности предлагаем:

1. При взаимодействии УИИ с подразделениями полиции расширить перечень используемых совместных мероприятий путем переработки имеющейся нормативной базы.

2. В целях укрепления законности деятельности УИИ наладить взаимодействие с органами прокуратуры, обеспечить проведение совместных мероприятий.

3. Внести изменения в ст. 27.2 КоАП РФ, ст. 31.4 Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и разрешить сотрудникам УИИ доставлять осужденных к наказаниям без изоляции от общества, явившихся на регистрацию в УИИ в состоянии алкогольного опьянения, в отделы полиции для привлечения к административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 20.21 КоАП РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 15.10.2019).

2. Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений: приказ Минюста России и МВД России от 04.10.2012 № 190/912 (в ред. от 20.01.2017) // Российская газета. 2012. № 248.

3. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Российская газета. 2011. № 25.

4. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

5. Смирнова И. Н., Тарабуев Л. Н. Об организационно-правовом обеспечении деятельности уголовно-исполнительных инспекций по предупреждению повторных преступлений лиц, состоящих на их учете // Человек: преступление и наказание. 2014. № 1 (84). С. 32–35.

6. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (Часть I). Ст. 4159.

© **Майорова Е. О.**

УДК 343.976(470.57)"2018"

К. В. МАКСИМОВ, *старший оперуполномоченный Управления по контролю за оборотом наркотиков МВД по Республике Башкортостан; доцент кафедры охраны здоровья и безопасности жизнедеятельности Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы, кандидат исторических наук (г. Уфа)*

K. V. MAKSIMOV, *senior officer of the Drug Control Board of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan; Associate Professor of the Chair of Health Care and Emergency Management of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Candidate of Historical Sciences (Ufa)*

А. Г. ФЕДОРОВ, *начальник отдела «А» Управления по контролю за оборотом наркотиков МВД по Республике Башкортостан (г. Уфа)*

A. G. FEDOROV, *Head of the «A» Department of the Drug Control Board of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan (Ufa)*

СОСТОЯНИЕ НАРКОСИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН В 2018 ГОДУ

STATE OF DRUG SITUATION IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN 2018

Аннотация. В статье на основе анализа официальных статистических данных, результатов мониторинга наркоситуации, социологических исследований и экспертных оценок авторами исследованы особенности наркоситуации в России, в том числе в Республике Башкортостан.

стан. Также в данной работе отражены основные тенденции ее развития. В целях повышения эффективности антинаркотической деятельности на территории Республики Башкортостан авторы статьи предлагают меры, кроме активизации правоохранительной составляющей по пресечению тяжких и особо тяжких наркопреступлений.

Ключевые слова и словосочетания: незаконный оборот наркотиков, наркопреступность, мониторинг наркоситуации, Государственный антинаркотический комитет, антинаркотическая комиссия.

Annotation. Based on the analysis of official statistics, the results of drug situation monitoring, sociological research and expert judgment, the authors investigated the features of drug situation in Russia, including the Republic of Bashkortostan. Besides, this paper shows the main trends of its development. In order to increase efficiency of anti-drug activities in the territory of the Republic of Bashkortostan, the authors of the article propose some measures in addition to activating the law enforcement component to prevent serious and especially serious drug crimes.

Keywords and phrases: illicit drug trafficking, drug crime, monitoring of drug situation, State Anti-drug Committee, Anti-drug Commission.

В современных условиях процессом наркотизации населения охвачены практически все страны и регионы земного шара. Незаконный оборот наркотиков (далее – НОН) подрывает фундаментальные основы безопасности человечества, общества и государства: разрушает генофонд человечества, нравственные, социальные, экономические и политические устои, становится одной из первопричин военных конфликтов, техногенных аварий и катастроф. По данным ООН, количество людей, употребляющих наркотики минимум один раз в год, в мире составляет приблизительно 275 млн человек, что соответствует примерно 5,6 % мирового населения в возрасте от 15 до 64 лет [1]. По данным Государственного антинаркотического комитета (далее – ГАК), в 2018 г. наркологической службой РФ зарегистрировано 250,6 тыс. пациентов с диагнозом «синдром зависимости от наркотиков» и 172,8 тыс. человек с диагнозом «пагубное (с вредными последствиями) употребление наркотиков». По результатам социологических опросов, 1,9 млн (1,3 %) граждан России употребляют наркотики регулярно [2, с. 11, 14].

В выступлениях и официальных документах Президента РФ, руководства Государственной Думы РФ, ГАК,

МВД России неоднократно отмечалось, что НОН представляет собой угрозу национальной безопасности РФ [3, с. 4]. Актуальность всестороннего изучения наркоситуации в России и её регионах, а также путей ее реализации возрастает в условиях обновления государственной антинаркотической политики, в том числе в условиях передачи МВД России функций и полномочий упраздненной Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков в соответствии с Указом Президента РФ от 05.04.2016 № 156.

Отечественная наука накопила значительный опыт комплексного изучения противодействия НОН в России. Различные аспекты данной проблемы отражены в работах А. И. Алексеева, Я. И. Гилинского, А. Н. Бабая, А. В. Бакушева, М. Ю. Воронина, Г. В. Зазулина, В. В. Зиновьева, Б. Ф. Калачаева, Т. М. Клименко, В. В. Лошкарева, А. В. Малько, И. Н. Пятницкой, А. И. Ролика, А. И. Сергеева, Г. Г. Силасте, С. И. Спектора, А. Н. Сунами, Е. Е. Тонкова, А. В. Федорова, Н. А. Фроловой и др.

Для Республики Башкортостан (далее – РБ) проблема НОН также актуальна: если в 1976 г. на территории региона на наркологическом учете состояло 183 наркозависимых лица, то в 1990 г. их численность составила 715, к 2019 г. – бо-

лее 8 тыс. [4, л. 88]. По данным антинаркотической комиссии РБ, с учетом латентности реальное количество наркопотребителей в республике может достигать 40 тыс. человек [5, с. 17]. В связи с этим органами власти РБ, правоохранительными органами и научной общественностью республики принимаются активные меры по широкому обсуждению состояния наркоситуации и проблем противодействия НОН. Так, в 2003 г. и 2009 г. вопросы приоритетных направлений антинаркотической деятельности обсуждались на парламентских слушаниях в Государственном Собрании – Курултае Республики Башкортостан [6, 7]. В 2005–2016 гг. в г. Уфе проводились научно-практические конференции по вопросам совершенствования антинаркотической деятельности. В РБ в 2005 г. был объявлен Годом профилактики наркомании, алкоголизма и табакокурения. В целях защиты населения РБ от дальнейшего распространения наркотиков Государственным Собранием – Курултаем РБ принят Закон РБ от 15 июля 2005 г. № 202-з «О профилактике алкоголизма, наркомании и табакокурения в Республике Башкортостан».

Те или иные аспекты НОН и его последствия в РБ изучаются научным сообществом республики с 1980-х годов (В. Л. Юлдашев, М. Д. Киекбаев, Д. М. Абдрахманов, Ю. Н. Дорожкин, Т. А. Ибрагимов, Р. Г. Исмагилов, Ю. Л. Казаринов, Р. Р. Каримов, А. Ю. Кийко, А. Ф. Арсланов, А. В. Гаврикова, В. А. Колесников, В. И. Кокин, Э. А. Нигамедзянов, Т. Н. Нуркаева, Н. Р. Асмандиярова, Г. М. Мустафина, С. В. Егорышев, Н. И. Журавленко, Р. И. Загидуллин, Н. Е. Хабибова, З. А. Хуснутдинова, Е. Г. Костырева и др.) [2, с. 505–511; 4; 8–11]. Однако динамично меняющаяся ситуация с НОН требует постоянной коррекции форм и методов антинаркотической деятельности, что предусматривает более детальный анализ ее

криминологических и социологических аспектов. В связи с этим в данной статье предпринята попытка на основе анализа официальной статистики, результатов мониторинга наркоситуации, социологических исследований и экспертных оценок более детально рассмотреть состояние наркоситуации в РБ, выявить основные тенденции ее развития и сформулировать конкретные меры по стабилизации ситуации с НОН в регионе. В методологическом плане исследование основывалось на системном и диалектическом подходах, а также на логическом анализе развивающегося анализируемого феномена. Синтезирующий характер исследования обусловил сочетание отдельных методов различных уровней криминологического (методы уголовной статистики и др.) и социологического (опрос, контент-анализ и др.) знания.

С 2011 г. наркоситуация в РФ и её регионах оценивается по единой методологии по пяти шкалам («удовлетворительная», «напряженная», «тяжелая», «предкризисная» и «кризисная»), формируемым по 10 расчетным формулам, включающим 4 показателя («масштабы незаконного оборота наркотиков», «масштабы немедицинского потребления наркотиков», «обращаемость за наркологической медицинской помощью», «смертность от употребления наркотиков»). В соответствии с «Докладом о наркоситуации в Республике Башкортостан в 2018 году», утвержденным протоколом заседания антинаркотической комиссии РБ от 19 марта 2019 г. № 52, наркоситуация в РБ сложилась следующим образом. В контексте тематики исследования представляется целесообразным рассмотреть отдельные индикаторы, характеризующие те или иные аспекты состояния наркоситуации в регионе, в сравнении с 2017 г.:

– удельный вес наркопреступлений в общем количестве зарегистрированных

преступных деяний за 2018 г. увеличился с 9,5 % до 9,7 %, что соответствует «тяжелой» оценке (средний показатель по РФ – 10,1 %, по Приволжскому федеральному округу (далее – ПФО) – 9,1 %);

– вовлеченность наркопотребителей в незаконный оборот наркотиков увеличилась с «предкризисного» (11,9 %) до «кризисного» (18,2 %) состояния, что свидетельствует о значительном количестве состоящих на наркологическом учете лиц, совершивших преступления и административные правонарушения (РФ – 9,5 %, ПФО – 13,5 %);

– криминогенность наркомании (влияние наркотизации на криминогенную обстановку) ухудшилась с «напряженного» (25 %) до «тяжелого» (30,4 %) состояния (РФ – 32,9 %, ПФО – 30,9 %);

– удельный вес в общем числе лиц, осужденных за совершение наркопреступлений, принципиально не изменился и оценивается как «напряженное» – 10,3 % (9,8 %) (РФ – 14,1 %, ПФО – 10,1 %);

– удельный вес молодежи в общем числе лиц, осужденных за совершение наркопреступлений, улучшился с «тяжелого» (46,4 %) до «напряженного» (44,9 %) состояния (РФ – 43,9 %, ПФО – 45,6 %);

– оценочная распространенность употребления наркотиков (по данным социологических исследований, на 100 тыс. населения) составляет 1,7 %, что соответствует «напряженной» оценке (РФ – 1,3 %, ПФО – 1,1 %);

– общая заболеваемость наркоманией и обращаемость лиц, употребляющих наркотики с вредными последствиями, в абсолютном выражении (238,7 % в расчете на 100 тыс. населения) несколько улучшилась и оценивается как «удовлетворительное» (РФ – 288,5 %, ПФО – 285,3 %), что соответствует уровню 2017 г. (257,6 %);

– первичная заболеваемость наркоманией оценивается как «удовлетворительная» – 6,5 % на 100 тыс. населения (РФ – 10,2 %, ПФО – 7,9 %), как и в 2017 г. (5,6 %);

– первичная обращаемость лиц, употребляющих наркотики с вредными последствиями, изменилась с «кризисного» (21,4 % на 100 тыс. населения) до «тяжелого» (33,2 %), что свидетельствует об определенной активизации заинтересованных ведомств в деятельности по раннему выявлению наркопотребителей и организации с ними профилактической работы (РФ – 22,9 %, ПФО – 25,5 %). Обращаемость за наркологической медицинской помощью за 2018 г. в Башкортостане принципиально не изменилась и остается «напряженной»;

– смертность от употребления наркотиков в 2018 г., как и в 2017 г. (1,6 %), оценивается «удовлетворительно» (1,33 % случаев смертельных отравлений в расчете на 100 тыс. населения, РФ – 3,9 %, ПФО – 1,6 %).

Согласно сводной оценке в РБ в течение 2018 г. не допущено ухудшения наркоситуации, которая характеризуется как «напряженная», что соответствует оценке предшествующих 2011–2017 гг. «Кризисное» состояние наркоситуации не отмечено ни в одном муниципальном образовании РБ, «предкризисное» – в Туймазинском районе, «тяжелое» – в городах Уфе, Кумертау, Нефтекамске, Октябрьском, Салавате, Стерлитамаке и Белорецком районе. В Буздякском районе отмечено «удовлетворительное» состояние наркоситуации. В остальных 54 муниципалитетах РБ наркоситуация «напряженная» [12, с. 64–65]. Данная оценка состояния наркоситуации в регионе обуславливается всей совокупностью исторических, политических, географических, экономических, социальных условий, а также внешних и внутренних факторов, характерных для РБ.

В ходе анализа официальных статистических данных, результатов мониторинга наркоситуации и экспертных оценок отмечены отдельные криминологические и социологические особенности складывающейся наркообста-

новки. Так, уровень регистрируемой наркопреступности в РБ постепенно снижается и в 2018 г. составил 13,7 % на 10 тыс. постоянного населения (РФ – 13,6 %, ПФО – 11,8 %). Следует отметить, что на фоне снижения уровня общеуголовной преступности доля выявленных наркопреступлений в общем

количестве регистрируемой преступности постоянно возрастает (см. табл. 1). Данные показатели свидетельствуют о нарастающих усилиях правоохранительных органов, прежде всего органов внутренних дел, по борьбе с наркопреступностью, которая носит латентный, скрытый характер.

Таблица 1

Сведения о наркопреступлениях,
выявленных правоохранительными органами в Республике Башкортостан

	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Количество наркопреступлений	6 108	5 765	5 577
Доля наркопреступлений в общем количестве зарегистрированных преступлений (в %)	9,3	9,5	9,7

В 2018 г. на территории Республики Башкортостан зарегистрировано 5 577 наркопреступлений (–188 к показателю 2017 г.), в том числе тяжких и особо тяжких – 4 300 (–223). 64 % всех совершаемых наркопреступлений связано со сбытом запрещенных к обороту веществ (3 621).

В 2018 г. отмечена положительная динамика по выявлению и пресечению преступлений, связанных с содержанием наркопритонов – 35 (+2), с оборотом сильнодействующих веществ – 43 (+12), с легализацией доходов, полученных преступным путем, – 7 (+4), с контрабандой психоактивных веществ – 16 (+14), с организацией преступного сообщества – 1 (+1).

В состоянии наркотического опьянения совершено 294 преступления (–759), лицами с диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ («наркомания») – 1403 (+13). Ежегодно судами выносятся обвинительные приговоры в отношении порядка 2 тыс. наркопреступников, при этом с 2013 г. количество лиц, осужденных за преступления в сфере НОН, постоянно сни-

жается. Также отмечается активизация работы органов правопорядка по изъятию из незаконного оборота наркотиков.

Так, масса изъятых в 2018 г. наркотиков составила 240 (+31) кг, в том числе 20 кг маковой соломы, 173 кг каннабиса, 10 кг гашиша и 32,5 кг синтетических наркотиков. При этом анализ наркоситуации показывает, что доля синтетических веществ в общем объеме изъятых наркотиков за год увеличилась с 14 % до 22 %, что соответствует общероссийской и мировой тенденции изменения структуры нелегального наркорынка за счет расширения ассортимента синтетических аналогов наркотиков и их суррогатных заменителей.

За последние 30 лет в РБ доля наркопотребителей среди контингента лиц, состоящих на наркологическом учете в органах здравоохранения РБ (включая алкоголезависимых и токсикоманов), возросла с 0,9 % до 14,9 % (см. табл. 2).

Численность и общая структура контингента лиц,
состоящих на наркологическом учете в органах здравоохранения РБ

	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2018 г.
Общее количество лиц, состоящих на наркологическом учете	77 487	77 995	80 722	54 577
Из них состоящих на учете в связи с потреблением наркотических средств	715	6 108	9 303	8 121
Доля лиц, состоящих на учете в связи с потреблением наркотиков, от общего количества состоящих на наркологическом учете (в %)	0,9	7,8	11,5	14,9

Количество острых и смертельных отравлений за последние годы снижается. Управлением Роспотребнадзора по РБ в 2018 г. зарегистрировано 115 острых отравлений наркотиками (–9), большинство – в городах Уфе (49), Октябрьском (23), Стерлитамаке (13). Зарегистрировано 54 (–12) отравления наркотическими средствами и психотропными веществами с летальным исходом.

В целях определения реальных масштабов и структуры наркотизации общества, а также определения отношения населения РБ к проблемам распространения незаконного оборота и потребления наркотиков в рамках осуществления мониторинга наркоситуации в 2018 г. по заказу Министерства молодежной политики и спорта РБ за счет средств бюджета РБ, предусмотренных на реализацию подпрограммы «Противодействие злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту» государственной программы «Обеспечение общественной безопасности в Республике Башкортостан» на 2015–2020 гг. (утв. постановлением Правительства РБ от 31.12.2014 № 670), проведен социологический опрос 4 тыс. жителей РБ с использованием типового опросного листа, указанного в Методике и порядке осуществления мониторинга, а также критериях оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах

(утв. протоколом заседания ГАК от 15.02.2017 № 32, с изменениями и дополнениями от 11.12.2017) [12].

Как установлено в ходе опроса, наркомания как проблема для населения РБ занимает седьмую позицию в списке наиболее острых социальных проблем (после безработицы, алкоголизма, качества медицинского обслуживания, дорог, нехватки жилья и состояния жилищно-коммунальной сферы). Стоит отметить, что в 2012, 2014 и 2016 гг. проблема наркомании в общественном сознании по актуальности занимала 5 место, в 2017 г. – 6 место. Основными факторами распространения наркомании население региона считает моральную деградацию общества и вседозволенность (20,6 %), недостатки в работе правоохранительных органов (19,7 %), безработицу и экономические проблемы (17,1 %).

Необходимыми мерами для решения проблем наркомании население РБ считает повышение доступности помощи специалистов (18,5 %), расширение работы с молодежью (18,4 %), ужесточение мер наказания за совершение преступлений, связанных с наркотиками (14,6 %). Учитывая достаточно жесткое российское уголовное право, предусматривающее максимальное наказание за участие в незаконном обороте наркотиков в виде пожизненного лишения свободы (ч. 5

ст. 228.1 УК РФ), возможно, респонденты предполагают более жесткую правоприменительную судебную практику в отношении наркоторговцев. Анализ количественных и качественных показателей наркоситуации позволяет обозначить следующие тенденции наркоситуации в РБ:

– отмечается интенсивная трансформация нелегального наркорынка, опиаты активно вытесняются синтетическими наркотиками, а также новыми потенциально опасными психоактивными веществами, что обуславливается их относительной доступностью, дешевизной и возможностью изготовления в подпольных условиях;

– усложняются схемы легализации доходов, приобретенных в результате НОН;

– сохраняется тенденция активного применения современных информационно-коммуникационных технологий в НОН. Серьезное беспокойство вызывают такие современные высокотехнологические угрозы, как «Даркнет», где организаторы наркобизнеса пользуются возможностью анонимно осуществлять сделки с использованием электронных средств платежей.

В целом оценка состояния наркоситуации в РБ, как и во всех регионах ПФО («напряженная»), несколько лучше, чем в целом по РФ («тяжелая») [3, с. 14]. Проведенный анализ ситуации с незаконным оборотом наркотиков позволяет предположить, что при сохранении имеющихся тенденций состояние наркоситуации в РБ останется «напряженным». В то же время при наличии определенных положительных результатов в сфере антинаркотической деятельности для недопущения ухудшения наркоситуации до «тяжелого» состояния необходима дальнейшая целенаправленная работа правоохранительных органов по пресечению организованных форм наркопреступности, подрыву ее экономических основ, совершенствованию профилактической деятельности профильных ведомств и общественных организаций, в том чис-

ле в сфере раннего выявления наркопотребителей с целью своевременного оказания им качественной медицинской и социальной помощи. Для повышения эффективности антинаркотической деятельности на территории РБ авторы предлагают, кроме активизации правоохранительной составляющей по пресечению тяжких и особо тяжких наркопреступлений, следующие меры:

1. В муниципальных образованиях РБ с «тяжелой» и «предкризисной» наркоситуацией принять комплекс дополнительных мер, направленных на улучшение ситуации с НОН.

2. В большей степени учитывать результаты ежегодного мониторинга наркоситуации и социологических исследований при разработке дифференцированных программ профилактики наркопотребления по муниципальным образованиям, ориентируясь на специфику восприятия населением общей картины наркотизации.

3. Усилить и проводить на системной основе профилактическую и информационно-разъяснительную работу в сети «Интернет» и на региональном телевидении, нацеленную на молодежную аудиторию (с акцентом на молодежь в возрасте 17–25 лет).

4. Разработать и внедрить цикл мероприятий по профилактике употребления так называемых «легких» (курительных) наркотиков, которые на данный момент ошибочно воспринимаются молодежью как невызывающие привыкания.

5. Обеспечить убедительное и научно обоснованное информационное противодействие усилившимся в последнее время попыткам легализации некоторых видов наркотиков на территории Российской Федерации, в том числе в РБ.

6. Продолжить нарабатанную за 2008–2016 гг. практику проведения в г. Уфе ежегодных Всероссийских научно-практических конференций, посвященных актуальным вопросам противодействия НОН.

Таким образом, необходимым условием стабилизации наркоситуации в РБ является дальнейшая целенаправленная реализация запланированных на федеральном, региональном и муници-

пальном уровнях антинаркотических мероприятий с максимальным учетом изменений, выявленных в ходе анализа оперативной обстановки и мониторинга наркоситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всемирный доклад о наркотиках 2018. URL: www.unodc.org/wdr2018/index.html (дата обращения: 15.09.2019).
2. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2018 году (выдержка). М., 2019. 17 с.
3. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2017 году. М., 2018. 37 с.
4. НАРБ. Ф. 122. Оп. 190. Д. 127.
5. Доклад о наркоситуации в Республике Башкортостан по итогам 2013 г. // Управление Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по Республике Башкортостан. Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2014. 202 с.
6. О приоритетных направлениях профилактики наркомании и актуальных проблемах совершенствования антинаркотического законодательства: материалы парламентских слушаний. Уфа, 2009. 168 с.
7. Материалы парламентских слушаний о состоянии и проблемах борьбы с незаконным оборотом наркотиков и наркоманией в Республике Башкортостан. Уфа, 2003, 128 с.
8. Абдрахманов Д. М., Исмагилов Р. Г. Основы профилактики наркотизма. Уфа: РГСУ, 2010. 250 с.
9. Асмандиярова Н. Р. Состояние наркоситуации в Республике Башкортостан // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2013. № 1 (59). С. 34–39.
10. Ибрагимов Т. А., Абдрахманов Д. М., Максимов К. В. Вклад научного сообщества Башкортостана в изучение проблем наркомании // Вестник Башкирского государственного университета. 2013. Т. 18. № 2. С. 505–511.
11. Нигамедзянов Э. А., Киекбаев М. Д., Абдрахманов Д. М. Наркотизм в Республике Башкортостан (опыт социологического исследования). Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2006. 184 с.
12. Доклад о наркоситуации в Республике Башкортостан в 2018 году. Антинаркотическая комиссия Республики Башкортостан. Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2019. 192 с.

© Максимов К. В.
© Федоров А. Г.

УДК 343.97:343.911(470)

Л. М. ЩЕРБАКОВА, профессор кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь)

L. M. SHERBAKOVA, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of North Caucasian Federal University, Doctor of Law, Professor (Stavropol)

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

TO THE QUESTION ABOUT THE ASSESSMENT OF THE CURRENT CRIMINAL SITUATION

Аннотация. В статье автором раскрывается вопрос об оценке современной криминальной ситуации, рассматриваются статистические данные, полученные из различных источников, свидетельствующие о высокой латентности преступности и наличии тенденции снижения количества большинства официально зарегистрированных показателей, отражающих современный уровень преступности. На основе проведенного анализа действующего законодательства, статистических данных, а также доктринальных точек зрения автор дает определение таким понятиям, как «криминальная ситуация», «криминологическая ситуация». Данная статья в теоретическом плане направлена на уточнение обозначенных категорий, позволяющих глубже понять рассматриваемые проблемы, и подтверждает необходимость точной реальной оценки современной криминальной ситуации в России.

Ключевые слова и словосочетания: преступность, криминальная ситуация, криминогенность, криминализация, криминологически значимые обстоятельства, криминальная субкультура, рецидив, молодежь.

Annotation. In the article, the author opens the question of assessing the current criminal situation, examines statistical data obtained from various sources, indicating a high latency of crime and a tendency to reduce the number of most officially recorded indicators that reflect the current crime rate. Based on the analysis of the current legislation, statistical data, as well as doctrinal points of view, the author defines such concepts as «criminal situation», «criminological situation». This article is theoretically aimed at clarifying the designated categories, allowing a deeper understanding of the problems under consideration, and confirms the need for an accurate real assessment of the current criminal situation in Russia.

Keywords and phrases: crime, criminal situation, criminogenicity, criminalization, criminologically significant circumstances, criminal subculture, relapse, youth.

Понятие «криминальная ситуация» в отечественной криминологии трактуется и как ситуация при совершении конкретного преступления, и как положение дел в целом с преступностью на разных уровнях: в государстве, регионе, на конкретном объекте и т. п. Криминологи практически единодушны во мнении о том, что в статистике отражается

далеко не вся преступность, даже не все ее проявления, существует латентная (скрытая, внешне не проявляющаяся) ее часть. Поскольку при криминологическом исследовании преступности необходимо оценивать реальную, а не только официально зарегистрированную преступность, следует иметь в виду целый комплекс криминологически значимых

обстоятельств, среди которых можно выделить: просчеты государственного реагирования на преступность; особенности реагирования населения и его структурных формирований на проявления преступности; имеющие место процессы криминализации, когда важно получить и оценить информацию о том, как распространен в стране определенный вид деяний, представляющий общественную опасность, изучить причины его возникновения, основные признаки и социальные последствия, определить перспективы борьбы с ним и т. д.

Примечательно, что само появление понятия «криминальная ситуация» было продиктовано необходимостью при криминологическом исследовании преступности предполагать комплекс указанных и иных криминологически значимых обстоятельств. Считаем необходимым обратить внимание, что, наряду с понятием «криминальная ситуация», существует иное понятие – «криминологическая ситуация», которое иногда употребляется как синоним другого: «криминологически значимая ситуация», т. е. имеется в виду одновременно и криминальная ситуация, и криминогенная ситуация, и ситуация борьбы с преступностью. Важно правильно оперировать терминами «криминогенность» (свойство создавать вероятность преступного поведения, порождать преступность) и «криминальность» (преступность, преступный характер чего-либо, кого-либо), не смешивать их. Следует различать термины «криминогенная ситуация» и «криминальная ситуация». Заметим, что нередко говорят о «криминогенной ситуации», но подразумевают состояние преступности. Правильно в этом случае говорить о «криминальной ситуации» [1, с. 290–292, 298].

В криминологических и все чаще в социологических исследованиях рассматривается такое понятие, как «криминализация». При этом если в уголовно-правовой литературе указанное понятие трактуется как «процесс и результат

установления уголовной наказуемости деяний», соответственно, «декриминализация – исключение уголовной наказуемости деяний», то политологи, социологи, журналисты речь, как правило, ведут о криминализации современного российского общества, представляя ее как сложное явление, определяющееся как результат действия многих обстоятельств, различных социальных причин, которые в свою очередь оказывают влияние на состояние ценностей и установок общества. Характерно, что, например, согласно толковому словарю обществоведческих терминов «криминализация – это усиление влияния преступного мира (криминалитета) на все сферы общественной жизни» [2, с. 240].

Криминальная субкультура является одним из источников криминализации общества. Понятие «криминальная субкультура» можно трактовать следующим образом: «совокупность ценностей, обычаев, традиций, норм и правил поведения, направленных на наиболее рациональную организацию жизнедеятельности, целью которой является совершение преступлений, их сокрытие и уклонение от ответственности» [3, с. 17].

Культура преступного мира, являясь специфической составной частью общей культуры общества, представляет собой одну из самых серьезных угроз криминологической безопасности государства, общества и граждан. По мнению И. М. Мацкевича, криминальная субкультура не проникает в культуру, а уничтожает ее. Безусловно, важно отметить, что носители криминальной субкультуры – это люди, для которых преступное поведение является составной и неотъемлемой частью как жизненного процесса, так и образа жизни. Мощным источником распространения культуры преступного мира, наряду с профессиональной преступностью, является среда рецидивистов.

Как отмечает М. М. Бабаев, «рецидивизм – это «инструмент» двойного негативного действия, когда, с одной

стороны, в процессе совершения новых преступлений происходит накопление криминального опыта и навыков, совершенствование «мастерства», приоритет отдается наиболее опасным – групповым преступным действиям. С другой стороны, рецидивная преступность не только аккумулирует в себе традиции, обычаи и нормы криминальной субкультуры, но и становится одновременно источником все более активного негативного влияния на общество» [4, с. 429].

Отметим, что понятие «рецидив преступлений» разрабатывается как в криминологии, так и в уголовном праве (ст. 18 УК РФ). Если в криминологии понятие рецидива служит средством изучения причин и условий, способствующих совершению повторных преступлений, принципиально важным является наличие, следовательно, и выявление у рецидивиста устойчивой антиобщественной направленности (ориентации, установки), то в уголовном праве указанное понятие необходимо для установления правовых последствий за повторное совершение преступления лицом, ранее судимым, включая увеличение наказания. Между тем во всех случаях можно утверждать, что рецидивная преступность как составная часть всей преступности существенным образом раскрывает ее сущность и закономерности. Поскольку рецидив является интегрирующим элементом преступности, то рост рецидивизма может оказывать негативное влияние на степень тяжести и общественной опасности преступности, усиливать криминальный профессионализм и организованные формы преступной деятельности.

Разделяем мнение о том, что криминологический анализ преступности в целом и различных ее видов в частности подразумевает единство процессов ее познания (получения фактических, отраженных в системе показателей, данных о преступности) и оценки (выявление фактического и статистического положения

дел). Решение указанных задач как раз и происходит при оценке криминальной ситуации. При исследовании преступности и более широко – криминальной ситуации, могут и должны использоваться не только методики получения данных, но и методики оценки, т. е. обобщения таких данных. Как справедливо отмечает А. И. Долгова, обобщение может осуществляться по следующей схеме:

1. Изучаются статистические данные, уголовные дела, другие документы, проводятся опросы, ведутся наблюдения, происходит обработка полученных сведений.

2. На базе полученных статистических, документальных и иных данных вычленяется эмпирический факт.

3. На эмпирической базе (совокупности полученных фактов) формируется теоретический вывод, в целях чего анализируются эмпирические факты, которые в динамике отражают характеристику преступности, касаются криминологически значимых особенностей, связанных со средой, населением, состоянием социального контроля в обществе, на этой основе дается заключение о закономерностях преступности, криминальной ситуации и на ее изменениях делаются теоретические выводы [5, с. 7–8].

Проведенный в данном аспекте анализ современной преступности в России позволяет сформулировать такие положения. Уже длительный период времени, практически с 2006 г., имеет место тенденция снижения большинства официально зарегистрированных характеризующих преступность показателей. Так, в соответствии с ведомственными статистическими данными в 2014–2018 гг. отмечается снижение как абсолютных, так и относительных показателей преступности. Число зарегистрированных преступлений с 2014 г. сократилось к 2018 г. на 9,1 %, количество лиц, совершивших преступления, уменьшилось с 1 006 003 до 931 107 человек (на 7,4 %). Удельный вес тяжких и особо тяжких преступле-

ний в 2018 г. в числе всех зарегистрированных преступлений составил 22,5 %, в 2014 г. этот показатель составлял 24,3 %. По сравнению с аналогичным периодом 2014 г., количество тяжких преступлений увеличилось на 1,1 %, количество зарегистрированных особо тяжких преступлений уменьшилось на 1,6 %. Между тем особое внимание обращают на себя следующие факты: впервые за всю историю изучения преступности в 2014 г. повторные деяния в общей структуре составили более половины всех преступлений – 50,7 %, в 2015 г. – 51,8 %, в 2016 г. – 54,0 %, в 2017 г. – 56,0 %, что дает основание утверждать, что рецидивоопасность преступности является одной из значимых ее качественных характеристик современного периода.

Для сравнения отметим, что в 60-е гг. прошлого века уровень рецидивной преступности составлял 28 %, в 70-е гг. – 33 %, в 80-е гг. – 21 %, в 90-е гг. – 24 %. В начале XXI в. доля ранее судимых среди осужденных составляла в среднем около 15 %. Как и любой другой вид преступности, рецидивная преступность подвержена колебаниям, а на современном этапе имеет место фаза ее подъема. Полагаем важным обратить внимание на то, что в настоящее время рост удельного веса повторной преступности происходит на фоне либерализации общественных отношений и, как результат, продолжающихся тенденций снижения числа осужденных. При этом не приходится говорить о снижении интенсивности преступной деятельности лиц, ранее совершавших преступления, поскольку среди осужденных преобладают категории судимых два раза и более.

В современных научных исследованиях [6] отмечается повышение уровня многократного, пенитенциарного, постпенитенциарного, особо опасного и опасного рецидива. В зависимости от вида уголовно-правовых мер воздействия по-прежнему наиболее высок рецидив со стороны лиц, осужденных к лишению

свободы, составляющих в среднем свыше 70 % всех рецидивистов. Обращает на себя внимание тот факт, что примерно треть осужденных к лишению свободы освобождаются условно-досрочно или в связи с заменой лишения свободы более мягким наказанием. Как следствие, увеличивается число лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (далее – УИИ), что происходит при одновременном сокращении числа инспекций в стране (с 2013 по 2017 гг. сокращена почти половина инспекций). Как отмечают исследователи, в среднем около 6 % условно осужденных лиц ежегодно совершают повторные преступления после постановки на учет в УИИ (в 2014 г. условно осужденные совершили 23 289 повторных преступлений, в 2017 г. – 24 570; в 2018 г. – 27 300).

Современный (за последние 5 лет) анализ структуры преступности лиц, ранее совершавших преступления, показывает преобладание общеуголовных составов, в основном против личности (16,6 %), здоровья населения (11,9 %) и собственности (42,7 %). Как показывают выборочные исследования, доля рецидивистов в числе лиц, совершающих умышленные убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, разбои, грабежи, составляет не менее одной трети. Преступления, совершаемые рецидивистами, в большинстве случаев тщательно готовятся (в том числе предварительно распределяются роли между соучастниками), характеризуются сокрытием орудий и следов преступлений, успешной реализацией похищенных ценностей и т. д. Такие преступления, по сравнению с преступлениями, совершаемыми впервые, имеют более тяжкие последствия.

Повышенная общественная опасность рецидивной преступности обусловлена, в частности, тем, что рецидивист, совершая преступление очередной раз, демонстрирует определенного рода стремление продолжать преступную деятельность, при этом укрепляет в своем

сознании преступные навыки, а его антиобщественные взгляды и убеждения приобретают стойкость. Рецидивная преступность свидетельствует о неумении государства и общества исправлять, а иногда, когда нужно, и помогать людям, совершившим преступление. Имеющиеся трудности и недостатки в социальной адаптации лица после отбытия им наказания в виде лишения свободы или иной уголовно-правовой меры зачастую и во многом способствуют совершению рецидива. Общественная опасность рецидивной преступности проявляется и в том, что преступники-рецидивисты оказывают исключительно вредное влияние на неустойчивых лиц, особенно из числа несовершеннолетних и молодежи, втягивают их в преступную активность, а современному обществу по-настоящему не получается этому препятствовать.

Полученные и нашедшие отражение в научных исследованиях сведения о лицах, совершивших преступления при рецидиве, позволяют выделить наиболее типичные черты личности современного рецидивиста, прежде всего это отчуждение от позитивной среды: имеет место частичная или даже полная дезадаптация (отсутствие семьи, профессии, постоянного места работы и места жительства и т. д.). При этом не всегда такие лица находятся в постоянной оппозиции к обществу, иногда они готовы на некоторое сотрудничество. Их характеризует бедность потребностно-мотивационной сферы, преобладание материальных потребностей. У некоторых рецидивистов, и они представляют весьма большую общественную опасность, имеются лидерские способности. В целом идет деградация личности по мере роста числа осуждений и лет, проведенных в местах лишения свободы. Характерно, что у рецидивистов утрачивается страх перед наказанием, многие из них плохо адаптированы к условиям свободы, им даже комфортнее находиться в местах лишения свободы. С увеличением числа су-

димостей растет удельный вес лиц, страдающих психическими расстройствами. По мнению исследователей, в настоящее время примерно половина всех пенитенциарных преступлений совершается осужденными с психическими девиациями. В большинстве случаев это преступления, характеризующиеся особой жестокостью, что также свидетельствует о криминогенной пораженности и повышенной общественной опасности совершающих их лиц [7, с. 3–4].

Рецидивистам, которые являются организаторами и используют в качестве исполнителей преступлений ранее несудимых лиц, удается довольно часто избежать разоблачения. При этом преступные группы, состоящие из рецидивистов или ими возглавляемые, являются наиболее устойчивыми.

В настоящее время одним из важных обстоятельств, которое констатируется в специальных современных исследованиях [8, с. 4], является высокая адаптированность преступности к происходящим в социуме изменениям, новейшим достижениям научно-технического прогресса. Происходит процесс перерождения преступности в новых формах, методах и способах совершаемых преступных посягательств в сферах, сложных для осуществления социального контроля. Из 90 587 преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, например в 2017 г., раскрыта лишь четвертая часть.

К сожалению, в современном обществе сложился значительно широкий комплекс криминологически значимых обстоятельств. В частности, одним из значимых агентов социализации, прежде всего молодежи, в условиях современного информационного общества являются средства массовой информации, в том числе сеть «Интернет». При этом приходится констатировать, что именно средства массовой информации в процессе модернизации российского общества распространяют культ

денег, силы и гламура, навязывают потребительскую психологию. Все это не может не ориентировать молодежь на асоциальные формы жизни, поскольку способствует появлению нелегитимных культурных ориентаций в ее жизненных стратегиях.

Неслучайно опрошенные респонденты из числа молодых людей от 18 до 22 лет в качестве обстоятельств, способствующих криминализации молодежной среды, называют следующие: пропаганда культа денег – 75,4 %; массовая культура, ее распространенность – 89,1 %; насаждение культа силы – 67,3 %; реклама гламурной жизни – 51,2 %; переоценка ценностей – 69,2 %; бюрократизм в государственных структурах – 49,1 %; неэффективная воспитательная работа в образовательных организациях – 65,1 %; сложность получения качественного образования – 61,2 %; доступность алко-

голя – 86,2 %; сложность в трудоустройстве молодежи – 72,1 %; распространение наркотиков – 75,5 %; неблагополучная семья – 53,2 %; материальное расслоение молодежи – 34,2 %; снижение материального благосостояния населения – 74,4 %.

Безусловно, любая субкультура, в том числе и криминальная, действует во взаимодействии с другими обстоятельствами, многие из которых способны образовывать причинный блок преступности. Известно, что последний включает в себя несколько составляющих. Это могут быть социально-экономические, социально-политические, организационно-управленческие и другие факторы, где, по нашему мнению, особое место принадлежит блоку социально-психологических детерминант. Каждый из них должен подлежать детальному исследованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская криминологическая энциклопедия / под общ. ред. А. И. Долговой. М.: НОРМА, 2000. 808 с.
2. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. М., 1999. 527 с.
3. Корецкий Д. А., Тулегенов В. В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 243 с.
4. Причины преступности в России: материалы Международной научно-практической конференции. М.: ВНИИ МВД России, 2014. 266 с.
5. Долгова А. И. Криминальная ситуация в России: оценка изменений // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование / под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2009. С. 5–20.
6. Макарова В. В. Преступления, совершаемые условно осужденными: современное состояние и основные направления профилактики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2019. 24 с.
7. Кулаков А. В. Предупреждение преступного поведения осужденных с психическими девиациями в местах лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 26 с.
8. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова [и др.]. М.: ВНИИ МВД России, 2018. 86 с.

© Щербакова Л. М.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 351.741.081.716(470)

А. С. ХАНАХМЕДОВ, начальник Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

A. S. KHANAHMEDOV, Chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

А. И. ПОПОВ, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент (г. Рязань)

A. I. POPOV, Professor of the Chair of State and Civil Law Disciplines of Ryazan branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, Candidate of Law, Docent (Ryazan)

**КОНТРАКТ О СЛУЖБЕ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ:
ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ**

**CONTRACT OF SERVICE IN THE INTERNAL AFFAIRS AGENCIES:
MAIN APPROACHES TO DEFINING THE LEGAL NATURE**

Аннотация. В статье исследуются различные подходы к определению правовой природы контракта о службе в органах внутренних дел, подвергаются анализу точки зрения, имеющиеся в науке и касающиеся административно-договорной природы контракта о службе в органах внутренних дел, а также его соотношение с трудовым договором. Авторами поддерживается концепция относительно комплексной правовой природы контракта о службе в органах внутренних дел, позволяющей сочетать частноправовые и публично-правовые элементы правового регулирования. В правовом регулировании государственно-служебных отношений на службе в органах внутренних дел предлагается выделить два блока правовых норм, воздействующих на правовой статус сотрудника, к которым следует отнести административно-служебные и служебно-трудовые нормы.

Ключевые слова и словосочетания: контракт, служба в органах внутренних дел, сотрудник органов внутренних дел, административный договор, трудовой договор, административно-договорные правоотношения, трудовые отношения.

Annotation. The article examines different approaches to defining the legal nature of service contract in the Internal Affairs Agencies and focuses on the analysis of the currently available scientific viewpoints concerning in particular its administrative and contractual nature, as well as its relationship with the employment contract. The authors support the concept of relatively complex legal nature of the service contract in the Internal Affairs Agencies, making it possible to combine private and public law elements of the legal regulation. It is suggested to single out in the legal regulation of state and work relationship in the service in the Internal Affairs Agencies two blocks of legal norms affecting the legal status of the employee, which should include administrative and service and service and labor standards.

Keywords and phrases: *contract, service in the Internal Affairs Agencies, employee of the Internal Affairs Agencies, administrative contract, labor contract, administrative contractual legal relationship, labor relations.*

Совершенствование правового регулирования государственно-служебных отношений в сфере деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) обуславливает определенную трансформацию представлений о правовой природе опосредующих указанные правоотношения актов. В данном случае речь идет о контракте о службе в ОВД (далее – контракт о службе). Актуализация основных элементов прохождения службы в ОВД, а также определение правовой природы акта, опосредующего государственно-служебные отношения между гражданином и ОВД, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. От этого решения будет зависеть возможность применения той или иной отрасли законодательства при решении возникающих споров. Установление правовой сущности контракта о службе в ОВД во многом предопределяет подходы к организации кадрово-воспитательной работы и ее эффективность в деятельности ОВД.

Формирование законодательства, регулирующего государственно-служебные отношения в сфере ОВД, несколько по-иному, чем ранее действующее, регулирует вопросы опосредования государственно-служебных правоотношений. Применительно к службе в ОВД данные правоотношения опосредуются контрактом о прохождении службы. Федеральный закон № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] (далее – Закон о службе в ОВД), являющийся базовым нормативным правовым документом в сфере регулирования порядка прохождения службы в ОВД, упоминает о контракте более 120 раз.

Статья 21 указанного федерального закона признает контрактом соглашение

между руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченным руководителем и гражданином, поступающим на службу в ОВД, или сотрудником ОВД о прохождении службы в ОВД и (или) замещении должности в ОВД, в котором устанавливаются права и обязанности сторон. Данное определение позволяет прийти к выводу о том, что контракт имеет, безусловно, договорную природу. Вот только открытым остается вопрос: «Трудовому или административному праву присуща договорная природа?».

Правоотношения, обусловленные прохождением службы в ОВД, относятся к самостоятельной разновидности правоотношений в системе государственной службы Российской Федерации. Указанное позволяет говорить о взаимосвязи и взаимозависимости между законодательством о службе в ОВД и положениями законодательства, закрепляющими общие принципы государственной службы в Российской Федерации. В юридической науке при определении правовой природы контракта о службе исходят из следующих основных концепций:

- 1) контракт о службе представляет собой административный договор;
- 2) контракт о службе отождествляют с трудовым договором;
- 3) контракт о службе имеет сложную правовую природу, основанную на возможности субсидиарного применения норм трудового и административного права.

Указанные позиции подкрепляются соответствующей аргументацией, подтверждающей правоту той или иной точки зрения. В рамках настоящего исследования следует тезисно рассмотреть каждую из концепций. Наиболее часто в научно-публицистической литературе и, в частности, диссертационных иссле-

дованиях находит свое отражение идея отождествления контракта о службе с административным договором. Актуальность и значимость исследуемого правового института предопределяется еще и тем фактором, что в современных условиях законодательство и правоприменительная практика начинают оперировать такими категориями, как «административно-договорные правоотношения», «служебные контракты», «административно-договорные обязательства» и т. п. [2, с. 51].

В административно-правовой науке утверждается, что основанием договорных правоотношений на государственной службе выступает служебный контракт, пришедший на смену трудовому договору [3, с. 12]. Основной причиной отказа от применения термина «трудовой договор» является необходимость подчеркнуть принципиальную разницу между возникающими государственно-служебными и трудовыми отношениями, а также желанием отграничить эти понятия.

Действующее законодательство, регулирующее государственно-служебные и трудовые отношения, по-разному определяет правовую природу трудового договора и контракта о службе, несмотря на то, что, по сути, указанные конструкции регулируют реализацию трудовых прав граждан. Контракт о службе С. С. Курпеев относит к наиболее распространенным видам административно-правовых договоров, встречающихся в административной деятельности ОВД, представляющим соглашение между ОВД и гражданином о прохождении службы или замещении должности в ОВД [4, с. 32–33].

И. Н. Горячук выделяет следующие признаки государственного контракта, позволяющие отнести его к административному договору:

– это двухсторонний, добровольный, основанный на волеизъявлении сторон акт, который не находится в равном с точки зрения системы государственного управления положении;

– служебно-контрактные не подлежат регулированию нормами трудового или гражданского права, поскольку возникают в сфере государственного управления;

– в качестве обязательной стороны контракта о службе выступает государство (наниматель) в лице соответствующего представителя (лица, замещающего государственную должность, либо должностного лица государственной службы) [5, с. 10].

Следует также отметить, что контракт о службе в ОВД имеет схожую правовую природу с контрактом о прохождении военной службы. При этом в юридической литературе под контрактом о прохождении военной службы понимается такая правовая дефиниция, как административный договор, являющийся формой государственного управления в сфере военно-служебных правоотношений [6, с. 824]. Действующая в Вооруженных Силах РФ контрактная система замещения должностей базируется на административно-правовом регулировании, поскольку из содержания контракта вытекают соответствующие исполнительные функции и полномочия.

Заключая контракт о службе в ОВД, гражданин в первую очередь реализует свое конституционное право на свободу распоряжения своими способностями к труду, выбор рода деятельности и профессии. И в процессе указанного волеизъявления возникают государственно-служебные отношения. Законодательство о службе в ОВД определяет порядок заключения контракта о службе, принимая во внимание особенности правового статуса сотрудника ОВД, обуславливающего уровень представляемых гарантий, а также устанавливающего определенные ограничения и запреты. Аналогичные ограничения не предусмотрены трудовым законодательством для работников, за исключением специально предусмотренных случаев.

Признание контракта о службе самостоятельной разновидностью адми-

административного договора предполагает необходимость применения в его регулировании приемов и способов, характерных для административного права. Определение административно-правовой природы контракта о службе позволяет уяснить сущность всех государственно-служебных отношений в ОВД. Деятельность гражданина на службе в ОВД представляет собой разновидность реализации трудовой функции. Однако существенное отличие от отношений, входящих в предмет трудового права, в системе государственной службы заключается в наделении сотрудника ОВД государственно-властными полномочиями.

Место и роль контракта о службе предопределяется принадлежностью сотрудников ОВД к представителям государственной власти, наделенным соответствующими полномочиями, в том числе и по применению отдельных мер государственного принуждения. Порядок их применения в рамках реализации задач, возложенных законодательством на полицию, регулируется административно-правовыми нормами. Анализ изложенных точек зрения на административно-договорную природу контракта о службе позволяет прийти к выводу о том, что последний имеет следующие отличительные признаки от трудового договора:

- существование специального правового института государственной службы;
- особый субъектный состав, включающий в качестве обязательной стороны соответствующий орган государственной власти в лице его руководителя;
- строго определенная форма, как правило, типовая, имеющая нормативное правовое закрепление;
- наличие особого предмета – прохождение службы в ОВД.

Сторонники второй концепции исходят из трудоправовой природы контракта о службе, поскольку отношения между ОВД и гражданином возникают в процессе организации труда последнего. Справедливо указывается, что граждане,

проходящие службу в ОВД, фактически реализуют свое право на труд.

Регулирование государственно-служебных и трудовых отношений осуществляется базовыми положениями Конституции РФ, которые признают человека, его права и свободы высшей ценностью, их соблюдение и защиту, равенство, свободу труда, а также запрет дискриминации и принудительного труда. Данные положения находят свое отражение в Трудовом кодексе РФ [7], а также в нормативных правовых актах, непосредственно осуществляющих регулирование государственно-служебных отношений [8, с. 3–4]. В качестве основных аргументов принадлежности контракта о службе к самостоятельной разновидности трудового договора приводятся следующие тезисы:

- контракт о службе обладает такими конструктивными признаками трудового договора, как личный характер, реализация трудовой функции и необходимость подчинения правилам трудового распорядка;

- юридически равное положение сторон контракта о службе, а также общность правового регулирования трудовых отношений работников и государственных служащих;

- общие положения трудового законодательства оказывают существенное влияние на специальные нормы, формируемые для регулирования трудовых отношений государственных служащих в части динамики контракта о службе, выражающейся в закреплении общих оснований для заключения, изменения и расторжения контракта о службе, совпадающих с соответствующими основаниями трудового договора [9, с. 6–8];

- служебный распорядок представляет собой аналог внутреннего трудового распорядка, а понятия трудовой и служебной дисциплины практически идентичны [9, с. 24].

Указанные характеристики в целом позволяют определить соответствие от-

ношений государственной службы совокупной характеристике наемного труда. При прохождении службы сотрудники могут потенциально стать участниками отношений, возникающих при возмещении вреда за причиненный материальный ущерб ОВД, а также отношений по разрешению споров, правовое регулирование которых выходит за пределы сферы действия административного права и относится к предмету трудового и гражданско-процессуального законодательства [10].

Общие черты трудового договора и контракта о службе позволяют говорить о договорном регулировании реализации гражданами трудовой функции, а также о том, что возникающая в процессе труда деятельность вне зависимости от сферы, в которой она возникает, основана на конституционных принципах и международных правовых актах, Конвенциях МОТ, а также соответствующих федеральных законах [8, с. 7]. Служебные отношения в целом признаются разновидностью трудовых отношений, выделенных с учетом их реализации в сфере государственного управления при наделении соответствующих субъектов государственно-властными полномочиями. Представители науки трудового права, активно исследующие проблематику соотношения государственно-служебных договорных отношений и отношений, в основе которых лежит трудовой договор, предлагают трудовые отношения государственных служащих выделить в самостоятельную главу Трудового кодекса РФ [9, с. 6].

Наиболее распространенной в юридической литературе является точка зрения относительно контракта о службе как сложном правовом явлении, сочетающем в себе как административно-договорные, так и трудоводоговорные начала. Именно такой подход в последнее время преобладает в административно-правовой науке. В качестве исходной идеи в рамках рассматриваемого подхода используются

следующие положения действующего законодательства. В соответствии с абз. 7 ст. 11 Трудового кодекса РФ на государственных служащих распространяется действие трудового законодательства с особенностями, предусмотренными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации о государственной службе. В свою очередь, законодательство о службе в ОВД предоставляет возможность применять нормы трудового законодательства к правоотношениям, связанным со службой в ОВД, но только лишь в тех случаях, которые не урегулированы специальным законодательством (ч. 2 ст. 3 Закона о службе в ОВД).

Вопрос о применении в правовом регулировании к государственно-служебным отношениям в ОВД норм различных отраслей права является достаточно дискуссионным и обусловлен, согласно точке зрения С. П. Матвеева, такими причинами, как сложившийся дефицит нормативной базы, регулирующей функционирование ОВД, а также не в полном объеме сформированность института государственной службы в системе ОВД, неопределенность правового статуса сотрудников ОВД, а также компиляция трудового законодательства в нормах специального законодательства, регулирующих службу в ОВД [11, с. 160–161].

Отличия в правовой природе контракта о службе и трудового договора обуславливают необходимость указания на разноотраслевую принадлежность указанных правовых институтов. Выполняемая ими роль также различна: с одной стороны, это регулирование отношений в сфере государственной службы, с другой – в трудовой сфере. Однако существующие различия позволяют в отдельных случаях субсидиарно применять нормы законодательства о труде в регулировании государственно-служебных отношений [8, с. 7].

В. М. Манохин, характеризуя отношения на государственной службе, указывает на то, что в процессе ее прохождения между участниками службы складываются отношения двоякого рода – между лицом, осуществляющим служебную деятельность, и другим лицом (объектом воздействия), а также отношения, складывающиеся по поводу труда служащего (с бухгалтерией, кадровой службой и другими структурами) [12, с. 6]. Р. Р. Галимов справедливо утверждает о необходимости выявления оптимального варианта сочетания механизмов публично-правового и договорного регулирования государственно-служебных отношений на государственной службе [3, с. 12]. Вместе с тем применительно к контракту о службе в ОВД, в основе которого лежат договорные правоотношения, следует говорить о возможности сочетания в договорном регулировании двух начал – трудовых и административно-правовых.

А. В. Гусев дифференцирует правоотношения на служебно-трудовые (отношения по поводу применения труда), возникающие в процессе выполнения профессиональных функций государственных служащих, а также правоотношения государственно-служебные, являющиеся публично-правовыми связями государственных служащих с государством, посредством которых определяется государственно-служебный статус служащих и их место в системе служебной иерархии, в государственном аппарате [13].

Следует отметить, что происходит конвергенция трудовых правоотношений на основе норм трудового права. Данный процесс является объективно необходимым с точки зрения правового демократического государства, основной целью которого является защита прав и свобод граждан, в том числе и создание возможности реализации трудовых прав граждан в государственно-управленческой системе. Законодатель четко определяет критерии возможности использования

трудового законодательства к служебным правоотношениям – отсутствие закрепления соответствующего правила в специальной норме. Таким образом устанавливаются границы проникновения трудовых норм.

Контракт о службе в ОВД затрагивает две системы отношений: во-первых, государственно-управленческие отношения, связанные с наделением государственно-властными полномочиями в рамках административно-правового статуса сотрудника; во-вторых, внутриорганизационные (служебно-трудовые) отношения, которые обусловлены условиями и порядком прохождения службы в ОВД, а также связаны с реализацией трудовых прав граждан (на отдых, оплату за труд и т. п.).

Дифференциация правоотношений на внешние и внутренние применительно к государственной службе дает возможность отнести внешние государственно-служебные правоотношения к административно-служебным отношениям, а внутренние – к трудовым [3, с. 20]. Разделение указанных групп правоотношений, различных по своей правовой природе, требует применения разноотраслевых норм. Сложность и комплексность отношений в системе государственной службы в ОВД позволяют обосновать правомерность применения разноотраслевых по своей природе норм. Сотрудники в данном случае становятся участниками двух систем правоотношений – в системе государственной службы и в трудовой сфере.

Административно-трудовая природа контракта о службе позволяет комплексно применять нормы как трудового, так и административного законодательства, регламентирующего государственно-служебные отношения. Определение границ между контрактом о службе и трудовым договором преследует такую цель, которая должна заключаться, по нашему мнению, в необходимости формирования в законодательстве оптимальных и эффек-

тивных норм, опосредующих государственно-служебные отношения в ОВД.

Вопросы определения порядка и пределов применения норм трудового законодательства к государственно-служебным отношениям в сфере ОВД являются не только предметом научных дискуссий, но и не находят однозначного толкования в правоприменительной практике. Отмечается, что нормы законодательства о труде могут использоваться для регулирования государственно-служебных отношений в следующих случаях:

– в период замещения аттестованной должности до присвоения специального звания (испытательный срок);

– если нормы специального законодательства носят бланкетный (отсылочный) характер в отношении трудового законодательства;

– если какие-либо отношения в процессе службы в ОВД не урегулированы специальным законодательством [11, с. 172–173].

Субсидиарный характер применения норм трудового права в регулировании служебно-трудовых отношений сотрудников ОВД позволяет говорить об определенной трансформации положений трудового законодательства к отношениям на службе в ОВД. Проведенный анализ различных подходов к определению правовой природы контракта о службе позволяет прийти к выводу о том, что большинство ученых-правоведов идут по пути отнесения его к трудовому либо к административному договору, не принимая во внимание его комплексный характер. При

этом каждая точка зрения находит свое подкрепление соответствующими аргументами. Вполне оправданным, как нам представляется, является современная тенденция в административно-правовой науке по отнесению контракта о службе к комплексному правовому институту, базирующемуся на возможности межотраслевого влияния норм трудового права на государственно-служебные отношения.

Комплексный подход к определению правовой природы контракта о службе позволяет сочетать частноправовые и публично-правовые элементы правового регулирования. Использование механизмов правового регулирования частных отраслей права способствует преодолению одностороннего подхода к пониманию контракта о службе как административного договора. Данный подход также усложняет структуру государственно-служебных отношений отношениями, основанными на трудовом законодательстве.

Таким образом, представляется возможным говорить о сложной системе правового регулирования взаимоотношений, возникающих у ОВД с проходящими в них службу гражданами. Данную систему можно представить как совокупность двух модулей, воздействующих на правовой статус сотрудника с позиций норм как административного права, так и норм трудового права. Нормы трудового законодательства могут subsidiarily применяться к отношениям, возникающим на службе в ОВД.

ЛИТЕРАТУРА

1. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Климкин Н. С. Административный договор в системе договорных отношений Российской Федерации // *Общественные науки. Политика и право*. 2014. № 2. С. 43–55.

3. Галимов Р. Р. Публично-правовое и договорное регулирование отношений на государственной гражданской службе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 31 с.
4. Купреев С. С. Административная деятельность ОВД: учебник для вузов / отв. ред. М. В. Костенников, А. В. Куракин. М.: Юрайт, 2015. 521 с.
5. Горячук И. Н. Административно-правовое регулирование служебного контракта на государственной гражданской службе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 26 с.
6. Красавина Ю. В. Контракт о прохождении военной службы как административный договор // Аллея Науки. 2018. № 10. С. 53–58.
7. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
8. Ульянова А. В. Служебный контракт и трудовой договор: общие черты и отличия (сравнительно-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 22 с.
9. Колomoец Е. Е. Общее и особенное в трудовом договоре и служебном контракте, заключаемом с государственными гражданскими служащими: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 26 с.
10. Анисимов А. Л. Особенности регулирования труда сотрудников органов внутренних дел // Трудовое право. 2009. № 1 (107). С. 98–104.
11. Матвеев С. П. Служба в органах внутренних дел: проблемы субсидиарного применения трудового законодательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 2. С. 159–173.
12. Манохин В. М. Нужны основы законодательства о службе Российской Федерации // Государство и право. 1997. № 9. С. 6–9.
13. Гусев А. В. Особенности метода правового регулирования труда на российской государственной службе // Вестник Уставного суда Свердловской области. 2002. № 1. С. 16–21.

© **Ханахмедов А. С.**
© **Попов А. И.**

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.98

А. С. АНДРЕЕВ, профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону)

A. S. ANDREEV, Professor of the Chair of Criminalistics and Operative-Detective Activity of Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Law, Docent (Rostov-on-Don)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УЧЕНИЯ О ДЕТЕРМИНИЗМЕ
В ФОРМИРОВАНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОЗНАНИЯ
ПОСТКРИМИНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЦ**

**THE USE OF THE DOCTRINE OF DETERMINISM
IN THE FORMATION OF THE FORENSIC CONCEPT OF COGNITION
OF POST-CRIMINAL ACTIVITIES OF PERSONS**

***Аннотация.** Криминалистика как специальная юридическая наука изучает весьма специфические закономерности объективной действительности, так или иначе связанные с преступной и посткриминальной деятельностью (поведением) лиц. Формирование посткриминальной деятельности подчинено объективным и субъективным факторам, детерминирующим посткриминальную деятельность (поведение) не только субъекта преступления, но и иных лиц. Объект статьи – проблемные ситуации в познании посткриминальной деятельности (поведения) лиц и формировании криминалистической концепции познания посткриминальной деятельности. Предметом статьи выступили, с одной стороны, закономерности формирования посткриминальной деятельности (поведения) лиц как системы факторов объективного и субъективного характера, а с другой – закономерности развития криминалистической науки, связанные с решением задач познания новых закономерностей преступной и посткриминальной действительности. Цель статьи – рассмотреть особенности использования учения о детерминизме в формировании криминалистической концепции познания посткриминальной деятельности и поведения лиц. Результаты исследования, проведенного автором, показывают, что построение и развитие концепции познания посткриминальной деятельности в криминалистике основывается на учении о детерминизме с учетом ряда особенностей.*

***Ключевые слова и словосочетания:** предмет криминалистики, закономерности посткриминальной деятельности, концепция, детерминизм, криминалистическая концепция.*

***Annotation.** Criminalistics as a special legal science studies very specific laws of objective reality, one way or another, related to criminal and post-criminal activity (behavior) of persons. The Formation of post-criminal activity is subject to objective and subjective factors that determine post-criminal activity (behavior) not only the subject of the crime, but also other persons. The results of the study conducted by the author show that the construction and development of the concept of knowledge of post-criminal activities in criminalistics is based on the doctrine of determinism, which has a number of features. The object of the article is the problem situations in the knowledge of post – criminal activity (behavior)*

of persons and the formation of the forensic concept of knowledge of post-criminal activity. The subject of the article were, on the one hand the laws of formation of post-criminal activity (behavior) of persons as a system of factors of objective and subjective nature, and on the other laws of development of forensic science related to the solution of problems of knowledge of new laws of criminal and post-criminal reality. The purpose of the article is to consider the features of the use of the doctrine of determinism in the formation of the forensic concept of knowledge of post-criminal activities and behavior of persons.

Keywords and phrases: *the subject of criminalistics, patterns of post-criminal activities, the formation, determinism, forensic concept.*

Детерминизм – это учение о всеобщей обусловленности объективных явлений. В криминалистике детерминация преступной деятельности рассматривается, прежде всего, при исследовании способов преступления. Как отмечает Б. М. Кедров, детерминизм есть «общее учение, признающее существование закономерной связи всех вещей и явлений мира и отрицающее существование каких-либо явлений и вещей в мире вне этой связи» [1, с. 8]. Закономерности формирования посткриминальной деятельности и поведения следует рассматривать с учетом теоретико-прикладных аспектов учения о детерминации. Проблема детерминизма занимает основополагающее место в криминалистической науке. Актуальность темы статьи предопределяется ее объектом, предметом и поставленной целью.

На проблему детерминированности способов сокрытия преступления ученые обратили свое внимание лишь в середине 1980-х годов. Наряду с причинными связями, детерминизм отражается в функциональных, корреляционных и структурных взаимозависимостях. Любая закономерность, изучаемая криминалистикой, должна характеризоваться необходимостью, устойчивостью и повторяемостью. Устойчивость, так или иначе, обуславливает повторяемость действия [2, с. 11–14].

В системе криминалистических знаний диалектический метод познания преступной и посткриминальной действительности является основополагающим на протяжении многих десятилетий. Отношения детерминации выступают фундаментальной характеристикой пре-

ступной и посткриминальной действительности. Теоретико-прикладное исследование посткриминальной деятельности основывается на предпосылках, которые выражают наличие существенных признаков данного явления объективной действительности и, соответственно, его познания. Такой предпосылкой является объективная детерминация и генезис явлений, процессов, событий, ситуаций, с одной стороны, преступной, посткриминальной деятельности и поведения, предупреждения, раскрытия и расследования преступления, судебного разбирательства и иных видов правоприменительной деятельности – с другой. Именно использование положений философского учения о детерминизме позволяет ученым-криминалистам оперировать теми или иными явлениями, процессами, ситуациями объективной действительности, судить об их закономерном характере и, соответственно, решать задачи криминалистической науки в контексте познания предмета в целом и отдельных закономерностей объективной действительности в частности.

Положение о том, что любое преступление является следствием множества объективных и субъективных факторов, принято научным сообществом криминалистов. Основываясь на многообразии, устойчивости, повторяемости, отражаемости, управляемости посткриминальной деятельности, нами выявлена необходимость углубления учения о причинной обусловленности явлений объективной действительности на основе конкретизации принципа детерминизма в криминалистической науке с учетом

классификационных концепций детерминации.

В связи с разбросом точек зрения была использована классификация детерминизма Л. А. Микешиной по: феноменологическому (М. Бунге, Н. Поликаров и др.) и теоретическому направлению (С. Амстердамский, В. Краевский, А. Ивин, М. Молчанов, Л. Лемшина и др.) [3, с. 37]. Представляется, что для развития систем знаний о посткриминальной деятельности наиболее подходящей является классификация, предложенная М. Ю. Молчановым, поддержанная многими учеными:

- а) каузальный детерминизм;
- б) каузальный индетерминизм;
- в) акаузальный детерминизм;
- г) акаузальный индетерминизм.

Каузальный детерминизм проявляется тогда, когда явления следуют друг за другом во времени, протекают точно определенным образом, взаимно связаны друг с другом. Закономерности объективной действительности, познанные на основе теории каузального детерминизма, являются стержнем предмета криминалистической науки как и посткриминальной деятельности и поведения, поскольку не только влияют на содержание внутри одной системы закономерностей (например, закономерности, действующие внутри сложной динамической системы – механизм преступления), но и внешне, между элементами различных систем (закономерности механизма преступления, возникновения информации о преступлении и формирования исходных следственных ситуаций).

Подчеркнем, что посткриминальная деятельность лиц, связанных с событием преступления, не всегда является его механизмом. Это возможно только при объединении единым замыслом способ совершения преступления с действиями после его совершения. Посткриминальное противодействие расследованию

также не во всех случаях выступает элементом механизма преступления, поскольку для субъекта неумышленного преступления вряд ли правильно говорить о посткриминальном противодействии расследованию, как о части механизма преступления. Противодействие расследованию со стороны свидетелей и жертвы не всегда связано с механизмом преступления, включающим до- и посткриминальное воздействие, оно может происходить по иным причинам. Некоторые формы противодействия не запрещены законом (довод об алиби), но при этом в конечном итоге направлены на ненадлежащее уголовное преследование и правоприменение.

По результатам нашего исследования, среди способов посткриминальной деятельности субъекта преступления непосредственно после совершения преступления наиболее распространены и носят повторяющийся, устойчивый характер способы негативной посткриминальной деятельности (от 68,9 % до 90,4 %, в среднем – 77,2 %). Количество лиц, участвовавших в первоначальной посткриминальной деятельности, в среднем превышает количество лиц, совершивших преступление. Если лица, совершившие общественно опасное деяние, неизбежно и из раза в раз продолжают свою деятельность (поведение) и после совершения (т. е. посткриминальную, постпреступную, посткриминальную), то на одно уголовное дело в процессе криминалистической деятельности обнаруживается в среднем не менее 3,9 лиц (жертв и очевидцев), реализующих первоначальную посткриминальную деятельность. Тогда как на одного выявленного участника первоначальной посткриминальной деятельности субъектами раскрытия и расследования обнаруживается в среднем 0,77 способа посткриминальной деятельности.

При этом следует иметь в виду, что посткриминальное противодействие расследованию – не единственный вид

посткриминальной деятельности. Кausalный индетерминизм предполагает, что явления следуют друг за другом во времени неопределенным, неоднозначным образом и подчиняются статистическим закономерностям. Данный вид детерминизма используется в качестве допущения как исключение из правила, дополнения и включается в содержание закономерностей механизма преступления в качестве закономерностей поведения лиц, случайно оказавшихся на месте преступления. О специфике и особенностях данного вида деятельности (поведения) свидетельствуют результаты авторского исследования.

Количество лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события на месте происшествия, в различные периоды отличаются: в докриминальный период – в среднем 1,2 человека; криминальный период – в среднем 1,6 человека; посткриминальный период – в среднем 3,2 человека. Особенности изученных нами тяжких насильственных преступлений заключаются в том, что 100 % лиц – это очевидцы, поскольку потерпевший и так находится на месте преступления, хотя мы не исключаем возможности случайного появления потерпевшего и вызванного этим фактом его поведения. По данной категории поведение лиц, случайно оказавшихся участниками (активными и пассивными) преступного события, в количественном соотношении наиболее часто проявляется в посткриминальный период.

Изученные эпизоды, как правило, включают способы тяжкого насильственного преступления: заранее подготовленный характер – 41 %, без подготовки – 53 %, не установлено – 6 %; с наличием сокрытия тяжкого насильственного преступления – 48 %, без такового – 24 %, не установлено – 28 %. По времени исследованные эпизоды протекают от 5 секунд до 1,5 часов. Среднее время эпизода составляет 5 минут 57 секунд (кри-

минальный – 1 минута 5 секунд и посткриминальный – 4 минуты 52 секунды). Две трети изученных эпизодов совершены на открытой местности.

В вечернее и ночное время совершено 65 % изученных эпизодов. В 9 % случаев тяжкое насильственное преступление осуществлено в условиях полной неочевидности (например, обнаружение очевидцами трупа). Очевидцы наблюдают: на расстоянии от 3 до 7 метров – 71 % (наибольшее количество); на расстоянии более 7 метров – 23 %; на расстоянии от 1 до 3 метров – 6 %. Лица, случайно оказавшиеся участниками (активными и пассивными) тяжкого насильственного преступления, в большинстве случаев воспринимают в полном объеме не только механизм преступления, но и идентификационные признаки виновных, места нахождения материальных следов, у таких лиц возникают идеальные следы. Активность поведения (деятельности) изучаемых лиц в различные периоды неодинакова, как правило, они только наблюдают за подготовкой к преступной деятельности, не препятствуют совершению и не скрываются: в докриминальный период – в 92 % случаев; в криминальный период – в 64 % случаев; в посткриминальный период – в 31 % случаев.

Таким образом, с каждым из этапов на треть в процентном соотношении изменяется поведение лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события тяжкого насильственного преступления: оно превращается и видоизменяется от наблюдения на расстоянии к препятствованию совершению, собственному бегству с места преступления, вызову «подмоги», оказанию помощи потерпевшему, вызову скорой помощи и полиции, установлению лиц, совершивших преступление, и материальных следов. Поведение лиц, случайно оказавшихся на месте преступления [4], как и других участников, опосредованно связанных с преступной деятельностью и ее расследованием, возможно рассматривать с позиций не только

каузального детерминизма, как собственно любого вида человеческого поведения и деятельности, но и по отношению к преступной деятельности как каузальной индетерминации в условиях цифровизации общества [5].

Акаузальный индетерминизм стал актуализироваться в криминалистической науке лишь в последнее время. Хотя некоторые виды уликового поведения (эмоции, проговорки, негативные обстоятельства) выступают объектами криминалистических исследований с момента зарождения науки [6].

Акаузальный детерминизм связан с закономерностями исчезновения и/или уничтожения информации, а в некоторых случаях и ее возникновения. Поскольку данные закономерности следует рассматривать не только и не столько с позиций казуальной детерминации, сколько акаузальной детерминации, то есть когда явления сменяют друг друга в определенной однозначной последовательности, но связь между ними определяется нематериальным воздействием прошлых событий и состояний, а другими способами и состояниями, напрямую не связанными с механизмом преступления. К примеру, требование родителей к виновному сознаться в содеянном. Именно такой подход позволит изучить новые грани предмета криминалистики, касающиеся посткриминальной деятельности лиц, связанных с событием преступле-

ния, с учетом надлежащей доктрины методико-криминалистического обеспечения [7].

Считаем возможным использовать философское учение о детерминации применительно к разрабатываемой концепции познания посткриминальной деятельности как основе мировоззренческой позиции автора. Прикладной аспект познавательной проблемы заключается в изучении объективных и субъективных факторов, детерминирующих посткриминальную деятельность.

О необходимости самостоятельного решения вопроса о закономерностях посткриминальной деятельности и в целом посткриминального периода свидетельствуют серьезные изменения, которые вызваны трансформацией беспрецедентного противодействия расследованию, появлению его адаптивных форм или новых способов и приемов, изменением российского законодательства, регулирующего посткриминальное поведение, достаточно низкой раскрываемостью преступлений, рецидивом и латентностью преступления и многими другими обстоятельствами и факторами. Закономерности функционирования посткриминальной деятельности имеют свою стадийность и механизм. Наиболее сложной и динамической системой по сравнению с преступлением выступает механизм посткриминальной деятельности и поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кедров Б. М. Научная концепция детерминизма. В кн.: Современный детерминизм. Законы природы. М., 1973. 435 с.
2. Лавров В. П. Противодействие расследованию и меры по его преодолению: курс лекций. М.: Академия управления МВД России, 2011. 147 с.
3. Диалектика и частные науки / под ред. Н. М. Дмитриенко [и др.]. Ленинград-Брянск, 1972. 340 с.
5. Андреев А. С. Поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события как элемент механизма преступления: от постановки научной проблемы к результатам исследования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 27. С. 5–22.

6. Варданян А. В., Андреев А. С. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 6. С. 785–794.

7. Варданян А. В., Андреев А. С. Эмоциональные переживания и суицидальные поступки как часть посткриминального поведения лиц и их значение для раскрытия и расследования убийств (криминалистические и психологические аспекты) // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 74–77.

8. Варданян А. В., Грибунов О. П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 23–35.

© Андреев А. С.

УДК 343.14(470)

А. Ю. АФАНАСЬЕВ, ученый секретарь
ученого совета Нижегородской академии
МВД России, кандидат юридических наук
(г. Нижний Новгород)

A. YU. AFANASJEV, Scientific Secretary
of the Academic Council of Nizhny Novgorod
Academy of the Interior Ministry of Russia,
Candidate of Law (Nizhny Novgorod)

ВОСХОЖДЕНИЕ К МЕХАНИЗМУ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

ASCENT ASCENSION TO THE MECHANISM OF CRIMINAL PROCEDURAL PROOF

Аннотация. Настоящая статья призвана обосновать значимость исследования механизма уголовно-процессуального доказывания для уголовно-процессуальной науки и практики. Автором в этих целях выстраивается логическая цепь суждений и аргументов, указывающая на необходимость установления ряда взаимосвязей: «механизм преступной деятельности – механизм доказывания», «функционирование преступной деятельности – функция доказывания», «закономерности механизма преступной деятельности – закономерности механизма доказывания», «предмет доказывания – средства доказывания».

Ключевые слова и словосочетания: механизм доказывания, уровни доказывания, закономерности механизма доказывания, функция доказывания, предмет доказывания, средства доказывания.

Annotation. The present article is designed to prove the importance of a research of the mechanism of criminal procedural proof for criminal procedural science and practice. The author builds a logical chain of judgments and arguments pointing to the need to establish a number of relationships: «the mechanism of criminal activity – the mechanism of proof», «the functioning of criminal activity – the proof function», «the regularities of the mechanism of criminal activity – the regularities of the mechanism of proof», «a subject of proof – means of evidence».

Keywords and phrases: the mechanism of proof, levels of proof, the regularities of the mechanism of proof, the proof function, a subject of proof, means of evidence.

Многие ученые-процессуалисты прямо или косвенно затрагивали проблемы, связанные с уголовно-процессуальным доказыванием и доказатель-

ственным правом, и это обоснованно, так как процедура доказывания составляет ядро уголовного процесса. Истинность данного положения уже давно ни-

кем не оспаривается, оно аксиоматично. Однако, несмотря на значительное развитие разработок в этой сфере, остается нерешенным ряд вопросов. При этом в большей степени указанные вопросы располагаются в радиусе проблем определения достаточности доказательств для принятия уголовно-процессуальных решений.

В доктрине уголовного процесса для обозначения достаточности либо недостаточности доказательств часто используется термин «пределы доказывания». Очевидно, каких-либо точных пределов доказывания не существует, и никто их предложить не может, так как каждый случай индивидуален. Полагаем, в каждом случае свой предел доказывания, свой набор доказательств. В связи с этим возникает вопрос, связанный с характером доказательств в каждом отдельном случае, в каждом уголовном деле: есть ли какая-либо специфика по различной категории расследуемых преступлений или набор доказательств идентичен во всех уголовных делах? Является ли уголовный процесс универсальной «машинной»? Полагаем, что не является. Как минимум один контраргумент против сторонников универсализма лежит на поверхности. В частности, заметное различие в наборе следственных и иных процессуальных действий, следовательно, и в наборе доказательств, получаемых при их производстве, можно обнаружить в зависимости от категории преступлений. Например, если иметь в виду общеуголовные и экономические преступления:

- осмотр места происшествия как следственное действие по экономическим преступлениям перемещается на второй план либо вообще не проводится, а по общеуголовным – без данного следственного действия не начинается ни одно расследование (по преступлениям в сфере экономики зачастую осмотр места происшествия подменяется обыском);
- по экономическим преступлениям в ходе допроса могут выясняться такие

обстоятельства (например, о финансово-хозяйственной деятельности организации), которые по общеуголовным не ставятся для выяснения;

– набор судебных экспертиз также явно контрастирует: если при расследовании экономических преступлений крайне редки судебно-биологические, судебно-медицинские экспертизы, то по общеуголовным практически не проводятся судебно-бухгалтерские, финансово-экономические и др.

Это лишь часть параметров, демонстрирующих расхождения, проявляющиеся при первом восприятии, с которыми даже при явном их непринятии приходится соглашаться. Кроме этого, на наш взгляд, в преступлениях экономической направленности, как и общеуголовной, может проследиваться различный набор доказательств и средств для их получения по отдельным видам и группам преступлений. В частности, будут различаться процедуры доказывания не только между отдельными преступлениями той или иной категории (например, между убийством (ст. 105 УК РФ) и легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ)), но и внутри каждой из категорий (например, между мошенничеством в сфере кредитования (ст. 159.2 УК РФ) и преднамеренным банкротством (ст. 196 УК РФ)). И таких примеров немало. Их достаточно также для выдвижения рабочей гипотезы: процедура доказывания для каждого преступления различна. Некоторые ученые-процессуалисты могли бы здесь возразить и указать на то, что принципиальных отличий не имеется и перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, один и тот же. Предполагая подобный исход, хотелось бы напомнить оппонентам, что не следует свято верить в истинность и совершенство норм закона, в частности, уголовно-процессуального. Нет никаких бесспорных доводов в пользу имеющей-

ся системы обстоятельств, образующих предмет доказывания.

Идеи о необходимости пересмотра законодательной системы предмета доказывания высказывались и ранее, но до сих пор они не реализовались. Так, Е. Н. Петухов при исследовании особенностей досудебного производства по уголовным делам, связанным с преступлениями в финансово-кредитной сфере, приблизился к крайне значимой закономерности: у каждого преступления имеется своя уголовно-процессуальная характеристика, предполагающая свои обстоятельства, подлежащие доказыванию. Хотя сам автор прямо на это не указывает, но он приводит следующее положение: «Специфика преступной деятельности в финансово-кредитной сфере проявляется и в том, что предмет доказывания по делам об этих преступлениях гораздо шире, чем по делам общеуголовной направленности. Кроме определенных ст. 73 УПК РФ обстоятельств, подлежащих обязательному установлению и доказыванию, еще необходимо устанавливать дополнительный круг таких же обязательных обстоятельств:

- последствия совершенного преступления;
- использование угроз и подкупа должностных лиц, представителей власти;
- способы легализации денежных средств (в нашем случае, незаконно полученных в виде кредитов)» [1, с. 78].

Очевидно, аналогичную специфику можно выделить и по другим преступлениям. От чего же зависит процедура доказывания? Чем определяется подобная специфика, если по обстоятельствам, подлежащим доказыванию, и по перечню доказательств не проводится никакого разграничения? Точный ответ трудно сформулировать и приводить его в качестве единственно возможного утверждения. Более того, даже наличие стремления исследователя расставить процедуру доказывания на четко определенную

«полку» науки уголовного процесса не позволит это сделать. Мнимая простота уголовно-процессуального доказывания многих увела по ложному пути: либо исследуется то, что уже было исследовано предшественниками (хождение по тропам), либо процедура доказывания так и остается непознанной, отпугивая зыбкостью материи тех, кто уловил тонкости этой процедуры. Но мы все-таки рискнем.

По нашему мнению, если по ряду признаков доказывание и выглядит однородной, одинаковой для всех случаев процедурой, то относительно механизма доказывания такая позиция становится невозможной. Это исходит из того, что не может быть идентичных механизмов преступления, следовательно, не может быть и универсальных механизмов доказывания. Механизм преступления определяет механизм доказывания, который направлен на установление первого. Именно механизм доказывания нами ставится во главу угла, что вновь может вызвать шквал негодования. Отчасти к этой группе можно отнести позицию А. С. Александрова, высказанную относительно криминалистической науки, где он указывает, что всё («уровни доказывания», «алгоритмы», «методики» и пр.), с чем носятся криминалисты как некими «объективностями», есть производное от структуры уголовного процесса. Изменится структура, предположим, досудебного производства, и весь рой криминалистических построений относительно доказывания (типа пресловутых «уровней») «превратится в хлам» [2, с. 280]. Во-первых, мы не согласны с тем, что «уровни доказывания» есть исключительно криминалистическая категория, она также относится и к уголовному процессу, вероятно, даже в большей степени. Во-вторых, «уровни доказывания» должны находиться в неразрывной связи с закономерностями доказывания, а не со структурой уголовного процесса (какова бы ни была структура уголовно-

го процесса, закономерности доказывания неизменны). Хотя автор уже в другой работе говорит об уголовном судопроизводстве как о механизме, призванном дифференцированно управлять противозаконностями, а не уничтожать их [3, с. 58], в целом он отрицает всё, что не укладывается в собственной системе координат, где царит «состязательность» англосаксонского типа. Несмотря на эти отрицания, очевидно, что и в такой системе существует механизм доказывания. Любой тип уголовного процесса предполагает процедуру доказывания, где реализуется соответствующая функция, которая и говорит о наличии механизма доказывания.

Б. Г. Розовский, частично соглашаясь с тем, что в криминалистике наблюдается тенденция навязывания абстрактных псевдофилософских умствований о предмете, методах, закономерностях и т. п., подчеркивает, что эффективность разработок криминалистической науки в противодействии преступлениям не может быть незамеченной [4, с. 190]. Не исключая того, что ряд ученых-криминалистов могут себе позволить излишнее философствование по отдельным вопросам криминалистической науки, считаем, что исследования объекта, предмета (закономерностей объекта), методов должны составлять фундамент любой науки.

Полагаем, что у различных специалистов и исследователей данной проблемы подобные умозаключения рождаются вследствие размытия границ между криминалистической наукой и криминалистической практикой, а также уголовно-процессуальной наукой и уголовно-процессуальной практической деятельностью. Несмотря на то, что уголовно-процессуальная наука, как и криминалистическая, должна служить нуждам практики, не следует отождествлять науку и практику. Именно неверная расстановка акцентов в данном вопросе делает ничтожной практическую

значимость уголовно-процессуальной (криминалистической) науки, превращая ее в суррогат. В конечном итоге нецелесообразные мнения по поводу одних и тех же идей, отказ от исследования межотраслевых проблем обостряют эту ситуацию, деформируя форму и содержание наук антикриминального цикла.

Противники теоретизации науки, как бы противоречиво это не звучало, в этом могут заметить наше стремление к искусственному осложнению науки. В действительности, все совсем наоборот. Наша позиция напрямую связана с желанием самим понять процедуру уголовно-процессуального доказывания и попытаться ее объяснить другим, при этом ни в коем случае не примеряя на себе мантию проповедника. В реализации этой затеи мы не одиноки, хотя большинство обходило эту проблему стороной.

Наши мысли совпадают с точкой зрения В. А. Новицкого, который относительно понятия «механизм доказывания» отмечал: «Казалось бы, зачем усложнять процессуальное доказывание, вводя для его толкования новые теоретические понятия. Но именно предлагаемые нововведения позволяют проникнуть в глубину процессуального доказывания, а значит, упорядочить сознательное отношение к доказыванию и не только процессуальному» [5]. Кроме этого, подтверждение данной мысли можно обнаружить и в более ранних работах. Так, В. Я. Колдин отмечал, что правильное выяснение вопросов, связанных с уровнями доказывания, должно иметь не только теоретическое, но и непосредственное практическое значение, будет способствовать более детальной разработке «технологии» мыслительной деятельности следователя, прокурора и судей при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел [6, с. 86–91].

Несмотря на то, что все основания для исследования механизма уголовно-процессуального доказывания уже

были сформированы, современная уголовно-процессуальная наука практически не содержит фундаментальных трудов, посвященных исследованию этой проблемы. Известны лишь отдельные диссертации и публикации, так или иначе затрагивающие проблемы в указанной области научных знаний. В частности, если говорить о диссертационных исследованиях, то здесь представляются интересными кандидатские диссертации И. В. Круглова «Уголовный иск и механизм его доказывания» (2001 г.), О. С. Ерашовой «Организационно-правовой механизм доказывания в отечественном досудебном производстве» (2010 г.). В первой работе предпринимается попытка представить механизм доказывания уголовного иска в виде технологической (общеметодической, универсальной) стороны доказывания и иерархии уровней доказывания [7, с. 21–22], во второй – организационно-правовой механизм доказывания представляется как взаимосвязь и взаимообусловленность между субъектами, средствами и целями доказывания [8, с. 4]. На наш взгляд, обе работы своей идеей и содержанием отсекают значительную часть механизма уголовно-процессуального доказывания, поскольку в их понимании механизм сводится либо к некой абстракции (И. В. Круглов), либо к элементарному процессу доказывания (О. С. Ерашова).

Несомненно, заслуживает внимания и докторская диссертация М. А. Фокиной «Механизм доказывания по гражданским делам», которая, несмотря на принадлежность к другой научной специальности, содержит ряд универсальных положений, затрагивающих юридическое доказывание. Так, в данной работе установлено, что механизм доказывания по гражданским делам есть «... реально функционирующая, динамически развивающаяся система правовых средств и действий субъектов доказывания, включающая как регулирующее воздействие норм доказательственного права на об-

щественные отношения, так и практическую деятельность субъектов доказывания по установлению фактических обстоятельств дела из предусмотренных законом доказательств с применением специфических средств и способов доказывания в целях обеспечения доказывания обстоятельств дела, имеющих значение для правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дела» [9, с. 8–9]. Признавая ценность приведенной трактовки, представляется возможным указать на ее чрезмерную перегруженность тавтологичными, а местами даже алогичными формулировками.

На наш взгляд, не характеризуются оригинальностью и содержательностью отдельные научные статьи, посвященные анализируемой нами тематике. Например, А. В. Антипов в статье, посвященной механизму доказывания в суде с участием присяжных заседателей, приводил структуру механизма доказывания, состоящую из самостоятельных этапов, каждый из которых имеет свои собственные элементы [10, с. 429]. Автором статьи механизм доказывания рассматривался лишь как определенный порядок деятельности. Одним из немногих, кто ближе всего приблизился к механизму уголовно-процессуального доказывания, является В. А. Новицкий, который в статье «Механизм процессуального доказывания» указывал, что механизм процессуального доказывания находит проявление во взаимодействии субъективных и объективных признаков доказывания субъекта [11, с. 183, 185]. Полагаем, что предложенная идея весьма значима, но требуется ее корректировка, поскольку механизм доказывания сводился автором лишь к субъекту доказывания и его деятельности без учета закономерностей доказывания.

Наше наблюдение за проблемой механизма доказывания показывает следующее: общее упущение механизма доказывания большинством исследователей (их крайне мало) состоит в огра-

ниченном восприятии закономерностей уголовно-процессуального доказывания. Причем это зависит не от уровня самих ученых-процессуалистов, а от сложности установления взаимосвязи (взаимозависимости) между отдельными доказательствами и обстоятельствами, подлежащими доказыванию, между средствами доказывания и предметом доказывания. Выявление этих моментов – задача трудная. Попытаемся рассмотреть механизм доказывания именно с позиции закономерностей.

Учитывая незначительную научную разработанность данной проблемы, весьма полезными выступают работы по теории доказательств и доказательственному праву. Здесь следует иметь в виду труды следующих авторов: А. С. Александрова, Б. Т. Безлепкина, В. В. Вандышева, Н. А. Громова, М. В. Духовского, З. З. Зинатуллина, Н. В. Жогина, Л. Д. Кокарева, А. Ф. Лубина, Н. С. Мановой, А. В. Победкина, И. В. Решетниковой, М. С. Строговича, Ф. Н. Фаткуллина, М. А. Чельцова, М. Л. Шифмана, П. С. Элькин, и др.

Общепринято считать, что понятие «механизм» должно трактоваться в двух смыслах: во-первых, как внутреннее устройство машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие; во-вторых, как система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности [12, с. 292]. Такое толкование и легло в основу множества исследований в области социальных и гуманитарных наук, предметом которых выступал какой-либо механизм – «механизм государства», «механизм правового регулирования», «механизм слеодообразования», «механизм преступной деятельности», «механизм управления», «механизм финансового планирования», «механизм экономического роста» и т. д. Считаю неверным использовать такое стереотипное понимание понятия «механизм». Каждая исследуемая сфера или процедура должна предполагать свое содержатель-

ное наполнение понятия «механизм». В связи с этим истинный смысл данного понятия гораздо глубже, чем его стереотипно представляют. Разумеется, традиционное понимание данного понятия очень важно.

Известный российский учёный-энциклопедист А. А. Богданов указывал на то, что «... всякий раз, как в живом организме удается объяснить какую-нибудь его функцию, она уже рассматривается как «механическая». «Механическая сторона жизни» – это просто все то, что в ней объяснено. «Механизм» – понятая организация и только» [13, с. 137]. Следовательно, объяснение какой-либо функции живого организма и есть механизм. Полагаем, что А. А. Богданов весьма тонко и верно распознал сущность понятия «механизм». Об этом также свидетельствуют работы ученых, которые успешно восприняли его идеи. А. Ф. Лубин, основываясь именно на подобном понимании механизма, успешно исследовал методологию исследования механизма преступной деятельности. Им справедливо отмечалось, что «механизм преступной деятельности – не что иное, как функциональная сущность этой деятельности. Механизм в целом – это и функция деятельности, и форма проявления функций» [14, с. 103]. Такая экстраполяция убедительно доказывает возможность использования приведенного смысла в рамках исследования механизма уголовно-процессуального доказывания. Это также объясняется следующими положениями.

Во-первых, уголовный процесс справедливо можно признать «живым организмом». Такое признание уголовного процесса позволяет сделать не только наше субъективное понимание принципов диалектики, динамичность и постоянное развитие данного процесса, но и уже имеющиеся в доктрине уголовного процесса подходы к особому методологическому духу уголовного процесса под наименованием «живой уголовный процесс» [4, с. 21].

Во-вторых, у уголовного процесса имеются свои функции. Традиционно выделяются уголовно-процессуальные функции, связанные с основными направлениями деятельности: обвинением, защитой и разрешением дела [15, с. 105]. Однако есть мнения, согласно которым можно выделить и другие функции уголовного процесса. Так, к ним относятся функция доказывания и функция принятия уголовно-процессуальных решений [16, с. 7–9]. Подобная бифункциональность уголовного процесса была поддержана нами ранее [17, с. 18], и в данной статье мы вновь подтверждаем это, поскольку считаем, что представление уголовного процесса и поддержание его цели исключительно двумя функциями относится к феномену самой функциональной природы человеческой деятельности: доказывание – решение. Тем самым функция доказывания будет выступать той функцией уголовного процесса, которую следует объяснить.

Для того чтобы говорить о сущности и содержании механизма уголовно-процессуального доказывания, необходимо понять, о чем идет речь, и как данная функция реализуется в уголовном процессе. Как только указанный механизм станет нам известен, то можно судить о его существовании. Интуитивно, разумеется, мы осознаем, что этот механизм существует: раз существует «живой уголовный процесс», в котором есть функция доказывания, должен быть и механизм доказывания. Однако научно-обоснованной аргументации для такого утверждения пока не имеется.

В 2015 году в одной из публикаций, посвященных именно механизму доказывания, нами приводилось положение о том, что механизм доказывания следует рассматривать:

– как систему, которой присущи закономерности: 1) образования разнородных доказательств; 2) формирования и оценки отдельных доказательственных систем; 3) установления обстоятельств,

подлежащих доказыванию; 4) представления и оперирования доказательственными системами;

– через ее структуру, которая может быть представлена как по «вертикали» (по уровням уголовно-процессуального доказывания), так и по «горизонтали» (по элементам, находящимся на каждом уровне уголовно-процессуального доказывания) [18, с. 47–52].

Наша позиция на тот момент строилась на имеющихся в уголовно-процессуальной науке подходах. Так, выделением уровней уголовно-процессуального доказывания занимались такие ученые-процессуалисты и ученые-криминалисты, как В. Я. Колдин, А. Ф. Лубин, В. С. Балакшин, Ю. К. Орлов и др. В. Я. Колдин изначально выделял информационный и логический уровни доказывания [6, с. 86–91], а позже остановился на уровнях: собирание доказательств, установление доказательственных фактов, установление главного факта [19]; А. А. Давлетов указывал на эмпирический и логический пути познания при доказывании [20, с. 136–138]; А. Ф. Лубин – на информационный уровень, уровень доказательств, доказательственных фактов и главного факта [21, с. 39–55]; В. С. Балакшин – на информационно-накопительный, факто-синтезирующий, логико-аналитический уровни [22, с. 100–104]; А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский – на информационный, логический и юридический уровни [23]; Ю. К. Орлов – на доказывание-познание, доказывание-удостоверение, доказывание-обоснование, а также информационный и логический пути познания [24, с. 31–37].

Помимо уровней доказывания, некоторые авторы приводили элементы механизма доказывания (нормы доказательственного права и правоположения судебной практики; гражданские процессуальные и арбитражные процессуальные правоотношения и их субъекты; юридические процессуальные факты;

правосознание субъектов доказывания; методы (способы, приемы) доказывания; доказательства) [9, с. 9], уровни организации доказывания в досудебном производстве (типовой (статический) – содержит теоретический алгоритм организации доказывания; видовой (родовой) – в зависимости от категории уголовных дел; динамический – учитывается место, время, способ совершения конкретного преступления), а также этапы организационно-правового механизма доказывания в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования [8, с. 6–9].

Нами также были сформулированы и предложены собственные уровни доказывания: уровень установления источников информации; информационно-аналитический уровень; уровень доказательств; уровень установления обстоятельств, подлежащих доказыванию; уровень установления предмета доказывания [25]. На тот момент казалось, что такой формат представления уровней доказывания и образует соответствующий механизм. В настоящее время признавать эту позицию верной нельзя, но и признавать ошибочной, вероятно, не стоит, так как для этого недостаточно оснований, хотя их достаточно для того, чтобы переосмыслить и пересмотреть ранее предложенную нами точку зрения. Причиной такой, не совсем верной, интерпретации уровней доказывания и механизма доказывания выступает отсутствие единообразия во мнениях по поводу их сущности и соотношения между собой.

В частности, Д. В. Бахтеев под уровнями доказывания понимает «... выработанные оперативной, следственной, прокурорской и судебной практикой представления о совокупности доказательств, достаточных для вынесения процессуального акта, продвигающего расследование преступления на следующий этап или оканчивающего его» [26, с. 95]. Исходя из приведенной трактовки, можно обнаружить, что данным

автором уровни доказывания сводятся лишь к совокупности доказательств, отличающихся степенью достаточности в зависимости от стадии уголовного производства. Полагаем, что здесь автор говорит об уровнях достаточности доказательств, чем об уровнях доказывания. Судя по логике Д. В. Бахтеева, данные категории тождественны, что, на наш взгляд, выступает недопустимым, поскольку они раскрывают несколько разные стороны процесса доказывания: уровни достаточности доказательств отражают количественную характеристику процесса доказывания, уровни доказывания – качественную характеристику процесса доказывания. Подобных подходов значительное количество. Большинство авторов обходят стороной вопросы соотношения уровней доказывания и механизма доказывания, не говоря уж о закономерностях доказывания.

И. В. Круглов, несмотря на то, что структуру механизма доказывания также предлагает рассматривать по «вертикали» – по уровням доказывания, и по «горизонтали» – по элементам, находящимся на каждом уровне, выделяет в механизме доказывания определенные закономерности. Речь идет о специфических закономерностях (доказывание в рамках определенной уголовно-процессуальной формы; доказывание по отдельным категориям уголовных дел (отдельным видам уголовных исков)), а также об общих закономерностях (возникновение доказательств-источников различного вида; формирование и оценка частных доказательственных систем; установление доказательственных фактов; представление и оперирование частными доказательственными системами) [7, с. 21–22]. Более того, данным автором выявлена гораздо существенная взаимосвязь. Им установлено, что «механизм преступления» и «механизм доказывания» соотносятся как «отражение» и «отражение отражения» [7, с. 10]. Сначала преступная деятельность отражается в окружающей

обстановке, а после – в сознании субъекта доказывания. По этой же причине доказывание субъективно, хотя само отражение преступной деятельности объективно. Следовательно, восстановление картины преступления происходит по-разному не только в виду разной категории преступлений, но и в силу субъективности восприятия произошедшего. Субъект доказывания сам выбирает методы и средства доказывания. Механизм доказывания «... реализуется в досудебном и судебном процессах через стратегию субъекта. Механизм процессуального доказывания необходим для достижения целей, определенных субъектом процессуального доказывания» [11, с. 183]. Отсюда и разный механизм доказывания.

Таким образом, зная, как совершалось преступление (механизм преступ-

ной деятельности), мы можем выяснить, как его доказать (механизм доказывания), то есть при объяснении функционирования преступной деятельности объясняется и функция доказывания. Поэтому для того, чтобы установить закономерности уголовно-процессуального доказывания, следует исследовать закономерности механизма преступной деятельности, а для установления предмета доказывания необходимо найти ее связь со средствами доказывания. Несмотря на то, что объект доказывания определяет предмет доказывания, средства доказывания, субъект доказывания и способ совершения им действий, субъект доказывания самостоятельно выбирает методы и средства доказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петухов Е. Н. Досудебное производство по уголовным делам, связанным с преступлениями в финансово-кредитной сфере: монография. Барнаул: Барнаульский ЮИ МВД России, 2003. 187 с.
2. Александров А. С. Семь смертных грехов современной криминалистики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2. С. 300–303.
3. Александров А. С. Цель и средства аргументации в уголовном судопроизводстве // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 1). С. 52–59.
4. Уголовный процесс России. Проблемные лекции: учебное пособие (для студентов высших юридических учебных заведений) / науч. ред. В. Т. Томин, А. П. Попов и И. А. Зинченко. Петитгорск: РИА-КМВ, 2014. 412 с.
5. Новицкий В. А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения: монография. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. 584 с.
6. Колдин В. Я. Уровни уголовно-процессуального доказывания // Советское государство и право. 1974. № 11. С. 86–91.
7. Круглов И. В. Уголовный иск и механизм его доказывания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001. 26 с.
8. Ерашова О. С. Организационно-правовой механизм доказывания в отечественном досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с.
9. Фокина М. А. Механизм доказывания по гражданским делам: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 62 с.
10. Антипов А. В. Понятие и структура механизма доказывания в суде с участием присяжных заседателей // Бизнес в законе. 2007. № 4. С. 429–431.
11. Новицкий В. А. Механизм процессуального доказывания // Вестник Ставропольского государственного университета. 2002. № 30. С. 183–188.
12. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Оникс; Изд-во Мир и Образование, 2010. 1375 с.

13. Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука: в 2 кн. М., 1989. Кн. 1. 351 с.
14. Лубин А. Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. Н. Новгород: НЮИ МВД России, 1997. 53 с.
15. Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. 152 с.
16. Гончан Ю. А., Пиксин Н. Н. Функции доказывания и принятия решений в уголовном процессе // Российский следователь. 2007. № 3. С. 7–9.
17. Афанасьев А. Ю. Коррупционные риски доказательственного права в уголовном процессе (досудебное производство): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 33 с.
18. Афанасьев А. Ю. Механизм уголовно-процессуального доказывания: особенности функционирования на досудебном производстве // Наука. Мысль. 2015. № 2. С. 47–52.
19. Колдин В. Я. Судебная идентификация: учебное пособие / науч. ред. В. В. Крылов. М.: ЛексЭст, 2003. 528 с.
20. Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. 152 с.
21. Лубин А. Ф., Круглов И. В. Источники доказательств и уровни доказывания // Современные проблемы уголовного процесса России. Н. Новгород: НЮИ МВД России, 1999. С. 39–56.
22. Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК РФ): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 533 с.
23. Смирнов А. В., Калиновский, К. Б. Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. А. В. Смирнова. СПб.: Питер, 2005. 699 с.
24. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе: монография. М.: Юристъ, 2009. 175 с.
25. Афанасьев А. Ю. К вопросу об уровнях доказывания по уголовному делу // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 7. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/07/56683> (дата обращения: 25.03.2019).
26. Бахтеев Д. В. Уровни (стандарты) доказывания как этапы перехода от вероятности к достоверности информации // Российский юридический журнал. 2014. № 3 (96). С. 94–98.

© Афанасьев А. Ю.

УДК 343.121.4(470)

А. В. НИКИТИН, начальник кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск)

A. V. NIKITIN, Head of the Department of Criminal Procedure of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Candidate of Law, Docent (Irkutsk)

Г. Н. КУДРЯВЦЕВА, старший следователь следственного отделения линейного отдела МВД России на ст. Иркутск-пассажирский (г. Иркутск)

G. N. KUDRYAVTSEVA, Senior Investigator of the Ministry of the Interior of the Russian Federation at the Station «Irkutsk-passagirsky» (Irkutsk)

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

PROBLEMATIC ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE DEFENDER'S POWERS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В представленной статье автором рассмотрены некоторые проблемные вопросы баланса прав и обязанностей сторон защиты и обвинения в процессе реализации права на защиту подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Также затронут весьма проблематичный вопрос ненадлежащего извещения защитника о дате и времени производства следственного или процессуального действия, судебного заседания.

Ключевые слова и словосочетания: право на защиту, вызов защитника, извещение, производство следственных действий, производство процессуальных действий, правовое регулирование.

Annotation. In the presented article, some problematic issues of the balance of rights and obligations of the parties to the defense and the prosecution in the process of exercising the right to defense of suspects and accused of committing a crime at the pre-trial stages of criminal proceedings are considered. The actual question of inadequate notification of the defender of the date and time of the investigative or procedural action, court hearing is also discussed.

Keywords and phrases: the right to defense, defender's call, notice, production of investigative actions, production of procedural actions, legal regulation.

В современном демократическом обществе адвокатура является государственной гарантией права человека на получение квалифицированной юридической помощи. В Федеральном законе от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской

деятельности и адвокатуре в РФ» законодательно закреплено, что адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законом средствами [1]. Добросовестное осу-

ществование защитником возложенной на него процессуальной функции зависит не только от объема процессуальных прав, которыми УПК РФ наделяет защитника, но и от обязанностей, которые на него возлагаются законом. Однако на практике весьма актуальной становится проблема злоупотребления защитником и его доверителем правами, которыми их наделил законодатель, зачастую ведущими к затягиванию сроков следствия и нарушению конституционных прав потерпевшего.

Учитывая сложившуюся за последнее десятилетие следственную практику и доводы многих сотрудников следственных органов, приходится констатировать факт, что наблюдается неравноправие стороны защиты и стороны обвинения: превалирующее большинство прав приходится на сторону защиты, которыми, к сожалению, нередко злоупотребляют защитники и их подзащитные. Изучение работ О. Р. Скопенко [2] и О. В. Отчерцовой [3] в рамках написания данной статьи позволило выявить сложившееся мнение о том, что в большинстве случаев следственные органы якобы практикуют отказы в допуске защитников к уголовному процессу, в частности, не информируют последних о проведении следственных действий; несвоевременно предоставляют защитников в случаях, когда лицо, подвергшееся уголовному преследованию, не располагает возможностью заключить соглашение с адвокатом по выбору; создают препятствия к самостоятельному осуществлению подозреваемым (обвиняемым) комплекса процессуальных прав, закрепленных в ст. 47 УПК РФ. В связи с этим целью настоящей статьи является опровержение указанных доводов путем раскрытия происходящих реальностей, связанных с реализацией права на защиту подозреваемых и обвиняемых лиц на этапе досудебного производства по уголовному делу.

Первой и одной из самых главных проблем, существующих в ходе досудеб-

ного производства по уголовному делу, является вызов адвоката для участия в следственных действиях. По информации Адвокатской палаты Иркутской и Омской областей, в 2018–2019 гг. участились сообщения судей, следователей и дознавателей о том, что адвокаты не приходят в назначенное время для участия в судебных заседаниях и проведения следственных действий, несмотря на то, что были заранее извещены о месте, дате и времени их проведения. Такого рода сообщения следователей и дознавателей на практике оформляются представлением в Адвокатскую палату с просьбой наказать адвоката за неявку на следственное действие и сообщить о принятых мерах в орган предварительного расследования в месячный срок. В ответ на данного рода представления следователям разъясняется, что в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 158 УПК РФ представление вносится только по фактам установления обстоятельств, способствующих совершению преступления, а неявка адвоката на проведение следственного действия не относится к таковым. Кроме того, п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката [4] содержит исчерпывающий перечень субъектов, наделенных правом подачи жалобы, внесения представления, направления сообщения в Адвокатскую палату на действия (бездействия) адвоката, выразившиеся в нарушении норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и соответственно Кодекса.

Таким образом, сегодня поводами для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвокатов являются:

- 1) жалоба, поданная в Адвокатскую палату другим адвокатом, доверителем адвоката или его законным представителем;
- 2) жалоба лица, которому адвокат отказал в бесплатной юридической помощи без достаточных оснований;
- 3) представление, внесенное вице-президентом Адвокатской палаты;

4) представление, внесенное в Адвокатскую палату государственным органом, уполномоченным в области адвокатуры;

5) сообщение суда (судьи).

Несмотря на вышеизложенное, эти обстоятельства не освобождают адвокатов от неукоснительного выполнения требований п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому при невозможности по уважительной причине прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании или следственном действии, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для их проведения адвокат должен заблаговременно уведомить об этом суд или следователя (дознателя), сообщить об этом другим адвокатам, участвующим в процессе, и согласовать с ними время совершения процессуальных действий.

В свое оправдание основной причиной неявки защитники указывают ненадлежащее извещение адвоката о времени следственного действия или судебного процесса и ссылаются в своих объяснениях на ч. 4 ст. 231 УПК РФ, которая определяет, что стороны должны быть извещены о месте, дате и времени судебного заседания не менее чем за 5 суток до его начала. Несоблюдение этого требования судом является основанием для отказа в возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката.

Что касается предварительного расследования, то действующим УПК РФ установлен порядок вызова на допрос свидетеля и потерпевшего (ст. 188 УПК РФ), вызова обвиняемого для предъявления обвинения (чч. 3–4 ст. 172 УПК РФ). К сожалению, процессуальный порядок извещения адвоката о необходимости явки для производства следственного действия никаким нормативно-процессуальным актом сегодня не регламентирован. Возникает закономерный вопрос: почему? Не должен ли подозреваемый или обвиняемый самостоятельно уведомить и обеспечить явку

своего защитника с учетом ч. 1 ст. 50 УПК РФ, указывающей на то, что защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем. Налицо пробел в уголовно-процессуальном законодательстве, предусматривающем порядок вызова защитника в суд и непредусматривающем порядок вызова защитника для участия в производстве следственных действий.

По сложившейся многолетней практике приемлемой является передача следователем (дознателем) для адвоката информации о дате, времени и месте проведения следственного действия любыми средствами связи, в том числе через почтовое уведомление, телефонное сообщение, личное вручение. Для следователя (дознателя) в данном случае важно, чтобы указанная информация своевременно дошла до адвоката, он имел реальную возможность спланировать график своей работы и в случае реальной занятости по иным делам иметь возможность заблаговременно уведомить орган предварительного расследования о том, что по уважительной причине не может прибыть в назначенное время, согласовать со следователем (дознателем) другое время для проведения этих действий. При возникновении претензий к адвокату со стороны следствия по его неявке следствие должно документально подтвердить факт своевременного извещения адвоката о времени и месте проведения следственного действия, подтверждение того факта, что данное сообщение было получено адвокатом. Таким образом, документально подтвердить факт надлежащего уведомления адвоката возможно только при направлении телеграммы о вызове либо письменного уведомления с подписью защитника о получении. На практике это реализуется очень проблематично в связи с тем, что по каждому уголовному делу, находящемуся в производстве следователя (дознателя), слишком затратно обойдется вызов телеграммами, а письменные уведомления не

всегда возможно вручить адвокату, так как при наличии у защитника цели затянуть срок следствия адвокат не называет своего местонахождения, а в арендуемом им офисе никто не находится. Действующее уголовно-процессуальное законодательство, Федеральный закон «О судах общей юрисдикции», Закон «О статусе судей» не предоставляют следователям, дознавателям, судьям право проверки подлинности сведений, сообщенных адвокатами в обоснование уважительности причины неявки для проведения процессуального действия. Никто не вправе требовать от адвоката представления документов, подтверждающих его нетрудоспособность, с указанием диагноза заболевания, проездных документов, подтверждающих факт выезда адвоката в отпуск либо в командировку.

В соответствии с ч. 3 ст. 50 УПК РФ в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов. Если участвующий в уголовном деле защитник в течение 5 суток не может принять участие в производстве конкретного процессуального действия, а подозреваемый (обвиняемый) не приглашает другого защитника и не ходатайствует о его назначении, то следователь (дознаватель) вправе произвести данное процессуальное действие без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пп. 2–7 ч. 1 ст. 51 УПК РФ.

Из буквального смысла данной статьи следует, что при неявке защитника в течение 5 суток следователь (дознаватель) должен вновь разъяснить подозреваемому (обвиняемому) его право на защиту. Следует ли из этого, что следователь должен уведомить подозреваемого (обвиняемого) за 5 суток до плани-

руемой даты проведения следственного действия?

Так, в производстве следственного отделения линейного отдела МВД России на ст. Иркутск-пассажирский находилось уголовное дело № 621037 в отношении П., обвиняемого по ч. 4 ст. 159 УК РФ. На 5 февраля 2018 г. было запланировано следственное действие – предъявление обвинения, о чем П. и его защитник И. были надлежащим образом уведомлены за 5 суток путем вручения им письменного уведомления. 5 февраля 2018 г. П. явился на следственные действия один и предъявил ходатайство, что от услуг своего защитника И. он отказывается, желает, чтобы его интересы представлял другой защитник – С. В связи с заявленным ходатайством следователем были предприняты меры по уведомлению защитника И. о необходимости явки для участия в следственном действии в соответствии с ч. 3 ст. 50 УПК РФ до 10 февраля 2018 г. Гражданин П. ежедневно в период с 5 по 10 февраля уведомлялся о явке на следующий день (на тот случай, если прибудет защитник С.). При этом в уведомлении П. ежедневно разъяснялось его право на защиту и последствия неявки избранного им защитника. До 10 февраля П. не изъявлял желания заменить своего защитника. 10 февраля 2018 г. П. вновь явился без защитника, в связи с чем следователем ему вновь было разъяснено право на защиту и было предложено пригласить другого защитника, на что П. отказался, указав на то, что желает, чтобы его интересы представлял адвокат С. В связи с чем следователем был назначен защитник А. в соответствии с графиком дежурств адвокатов по району, с участием которого П. было предъявлено обвинение. Впоследствии обвиняемый П. и его защитник С. обратились в Ленинский районный суд г. Иркутска с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ о признании действий следователя по назначению защитника А. незаконными. Суд данную жалобу удовлет-

ворил и признал решение следователя о назначении защитника А. незаконным, мотивируя тем, что при ежедневной явке П. по вызову в полицию у него не было возможности избрать себе иного защитника.

Представим вашему вниманию еще один пример из практики: 3 сентября 2016 г. Ленинским районным судом г. Иркутска было принято постановление о возвращении уголовного дела прокурору. Так, в ходе судебного разбирательства адвокат, представляющий защиту О., обвиняемого вместе с М. в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «б», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, заявил ходатайство о возвращении дела прокурору в связи со следующими обстоятельствами. В ходе предварительного следствия следователь (с его слов) уведомил 18 июня 2016 года адвокатов, действующих по соглашению, что 23 июня 2016 г. намерен предъявить обвиняемому О. обвинение. В связи с тем, что в назначенный срок, то есть 23 июня 2016 г., адвокаты не явились, несмотря на возражения О., следователь назначил адвоката и предъявил О. обвинение. Заявляя суду ходатайство, адвокат У. сообщил, что следователь грубо нарушил право О. на защиту, а именно требования ч. 3 ст. 50 УПК РФ: «... если участвующий в уголовном деле защитник в течение 5 суток не может принять участие в производстве конкретного процессуального действия», а следователь

произвольно трактует данную норму как обязанность уведомления защитника за 5 дней о назначенном следственном действии. Суд счел доводы адвоката обоснованными и возвратил дело прокурору для устранения допущенных нарушений.

Приведенные примеры еще раз подтверждают, что до настоящего времени в следственных органах остается открытым и весьма проблематичным вопрос о порядке извещения защитника для участия в следственных действиях. Данная проблема возникает ввиду умышленного затягивания проведения следственных действий адвокатом и его подзащитным, чем существенно нарушаются права потерпевшего, прежде всего на разумный срок уголовного судопроизводства. В этой связи считаем необходимым:

1. Законодательно закрепить порядок вызова защитников в следственные органы для участия в следственных действиях.
2. Более детально регламентировать порядок замены защитника в случае его неявки по неуважительным причинам.
3. Обязать защитника заблаговременно предоставлять следователю документы, подтверждающие уважительность причины его неявки для участия в следственных действиях.
4. Включить следователя в перечень субъектов, наделенных правом внесения представления в Адвокатскую палату на действия (бездействия) адвокатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.01.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Скопенко О. Р. Проблема нарушения права на защиту подозреваемого (обвиняемого) на стадии предварительного расследования: сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции. СПб., 2015. № 2. С. 76–78.
3. Отчерцова О. В. Проблема допуска адвоката к участию в уголовном деле // Вопросы российского и международного права. 2016. № 2. С. 107–123.
4. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 20.04.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (в ред. от 01.01.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

© Никитин А. В.
© Кудрявцева Г. Н.

УДК 343.123:342.924.03(470)

Ю. В. ОВСЯННИКОВ, доцент кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Красноярск)

YU. V. OVSYANNIKOV, Associate Professor, Department of Criminal Procedure Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Krasnoyarsk)

Н. Н. ЦУКАНОВ, заместитель начальника института (по научной работе), профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Сибирского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск)

N. N. TSUKANOV, deputy head of the Institute (for scientific work) Professor, Department of Administrative Law and administrative activities internal affairs bodies Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Docent (Krasnoyarsk)

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНЫХ АЛЬТЕРНАТИВАХ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

ON THE QUESTION OF POSSIBLE ALTERNATIVES TO THE MODERN MODEL OF THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

Аннотация. В данной статье в обобщенном виде отмечаются возможные альтернативы закрепленной в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации модели стадии возбуждения уголовного дела. По мнению авторов, существующая модель стадии возбуждения уголовного дела сформировалась с учетом приоритетного ориентира на защиту граждан от необоснованного применения мер уголовно-процессуального воздействия. Тем не менее аргументируется, что отдельные её элементы все же имеют возможные альтернативы, в том числе и из сферы производства по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова и словосочетания: возбуждение уголовного дела, стадия уголовного судопроизводства, модель, этап предварительной проверки, производство по делам об административных правонарушениях.

Annotation. This article summarizes possible alternatives to the model of the stage of criminal proceedings enshrined in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. According to the authors, the existing model of the stage of initiating a criminal case was formed taking into account the priority benchmark for protecting citizens from unjustified application of criminal procedural measures. Nevertheless, it is argued that some of its elements still have possible alternatives, including from the sphere of administrative offense proceedings.

Keywords and phrases: initiation of a criminal case, stage of criminal proceedings, model, stage of preliminary inspection, proceedings on administrative offenses.

В научной литературе актуальность проблематики стадии возбуждения уголовного дела не ставится под сомнение. Одним из направлений научного осмысления этой категории может служить оценка возможных альтернатив модели, закрепленной в УПК РФ. Ценность закрепленной модели стадии возбуждения дела принято связывать со следующими аспектами.

1. Социальное значение установленного механизма заключается в его способности служить, с одной стороны, гарантом защиты граждан от преступных посягательств, с другой – средством обеспечения государственного реагирования на каждое преступление. В то же время юридически правильно принятое решение об отказе в возбуждении уголовного дела освобождает лицо от необоснованного вовлечения в сферу уголовного судопроизводства, а правоохранные органы – от ненужной работы. Возбуждение уголовных дел на основе вероятного установления события преступления не может носить характер общего правила [1, с. 25].

2. Юридическое (правовое) значение включает два компонента:

а) уголовно-процессуальный: в частности, с моментом возбуждения уголовного дела связано появление возможности проведения большинства следственных действий (кроме осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов (ст.ст. 144, 176 УПК РФ), получения образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ), назначения и производства судебной экспертизы (ст. 195 УПК РФ), освидетельствования (ст. 179 УПК РФ)), а также начало тече-

ния процессуальных сроков. В силу особенностей правовой регламентации этапа предварительной проверки сообщений о преступлениях этот аспект в юридической литературе заслуживает неоднозначной оценки. Например, высказывается предложение возложить задачу раскрытия преступления на производство неотложных процессуальных действий – преобразованный этап первоначальной стадии процесса [2, с. 180–183; 3, с. 87];

б) уголовно-правовой: в постановлении о возбуждении уголовного дела впервые правоприменителем в установленной форме фиксируются обстоятельства выявленного преступления и исходная квалификация деяния [4]. Безусловно, содержание рассматриваемой стадии шире принятия решений, перечисленных в ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

Принято считать, что данная стадия может быть реализована в следующих формах:

а) основная форма (главы 19 и 20 УПК РФ);

б) возбуждение уголовных дел частного обвинения (ст. 147 УПК РФ);

в) возбуждение уголовного дела в отношении отдельных категорий лиц (ст.ст. 447–448 УПК РФ).

Считаем необходимым уточнить, что в связи с современным пониманием и нормативным закреплением принципа состязательности (ст.ст. 10, 46, 49, 120, ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ст. 15 УПК РФ) возбуждение уголовного преследования и поддержание обвинения перед судом является задачей специальных органов – дознания, предварительного следствия, прокуратуры, ее выпол-

нение не может быть возложено на суд. Конституционный Суд РФ в связи с этим «заблокировал» действие ряда нормативных предписаний, в том числе и содержащихся в ст. 256 УПК РСФСР, признав их несоответствующими Основному закону страны. При этом за судом оставлены полномочия по возбуждению дел частного обвинения [5].

Для сравнения, в КоАП РФ закреплена модель производства по делам об административных правонарушениях, предполагающая активную роль судьи или иного правоприменителя, уполномоченного рассматривать дело по существу, их инициативность, в том числе в сборе доказательств по делу. Тем не менее суд является единственным субъектом, которому законодателем запрещено принимать решения о возбуждении дел об административных правонарушениях.

Существующая модель стадии возбуждения уголовного дела не является единственно возможной. Как известно, дореволюционное законодательство не выделяло возбуждение уголовного дела в качестве самостоятельной стадии. Порядок принятия решения о начале производства не носил универсального характера, а во многом зависел от того, какой субъект первым реагировал на факт выявленного преступления. В частности, если таким субъектом оказывалась полиция, то ее должностные лица не позднее суток сообщали об этом судебному следователю, прокурору либо его товарищу. Если таковые «на месте» отсутствовали, начиналось производство дознания, в ходе которого полиция устанавливала необходимые сведения «посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах» (ст. 254 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС)). Кроме этого, существовала возможность производства необходимых для закрепления доказательств «по горячим следам» следственных действий, если до «прибытия на место судебного

следователя следы преступления могли бы изгладиться» (ст. 258 УУС). В ст. 260 УУС указывалось: «При прибытии судебного следователя полиция передает ему все производство и прекращает свои действия по следствию до получения особых о том поручений».

Похожий порядок присутствует и в современном уголовно-процессуальном законодательстве многих зарубежных государств. Так, в США при установлении оснований для привлечения к уголовной ответственности полицейский составляет заявление о выдаче ордера на арест лица или обыск занимаемых им помещений. Этот момент можно рассматривать в качестве формального начала уголовного преследования, а сам ордер на арест или на обыск служит первоначальным (а по менее серьезным преступлениям – единственным и окончательным) актом обвинения.

В Германии решение об уголовном преследовании принимается прокуратурой, в том числе по материалам, собранным полицией. При этом отдельное постановление не выносится, а так называемое достаточное подозрение является не только поводом для публичного обвинения, но и содержанием публичного обвинения в форме обвинительного акта.

Некоторой альтернативой закреплённому УПК РФ может служить и порядок возбуждения дел, установленный КоАП РФ. Вопросам возбуждения дела об административном правонарушении посвящена глава 28 КоАП РФ. Данный термин получил «прописку» в законодательстве не без влияния теории уголовного процесса, тем не менее многие положения института возбуждения дела об административном правонарушении могут представлять интерес в контексте сравнительного анализа с правовой моделью стадии возбуждения уголовного дела.

Решение о возбуждении дела об административном правонарушении принимается в формах, предусмотренных ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ. Закон предусма-

тривает возможность вынесения постановления о возбуждении дела об административном правонарушении, однако ограничивает эту возможность теми немногочисленными случаями, когда решение о возбуждении дела принимает прокурор (ч. 4 ст. 28.4 КоАП РФ).

Большинство предусмотренных ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ форм оказываются доступными для правоприменителя при наличии данных о правонарушителе либо предполагаемом нарушителе – объекте применения соответствующих мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях (доставление, личный допрос, административное задержание и т. д.). Возможность возбуждения дела о «темном» административном правонарушении ограничена проведением административного расследования либо осмотра места совершения административного правонарушения – мер, не носящих универсальный характер, а ограниченных определенным перечнем категорий административных правонарушений.

КоАП РФ не устанавливает общий срок принятия решения о возбуждении дела об административном правонарушении. В конечном итоге этот вопрос решается исходя из сроков давности привлечения лица к административной ответственности (ст. 4.5 КоАП РФ). При этом отсутствует правило о недопустимости производства процессуальных действий до принятия решения о возбуждении дела об административном правонарушении. Нельзя не обратить внимание на тот факт, что одной из наиболее распространенных форм принятия решения о возбуждении дела об административном правонарушении служит составление протокола об административном правонарушении – документа, являющегося аналогом обвинительного заключения; в КоАП РФ отсутствует элемент, аналогичный предъявлению обвинения.

В отличие от уголовно-процессуальной практики, где свидетель вначале опрашивается, а затем допрашивается, объяснения свидетеля по делам об административных правонарушениях с самого начала берутся «на чистовик» и не требуют переоформления после принятия решения о возбуждении дела об административном правонарушении. В КоАП РФ нет стадии предварительного расследования, стадия возбуждения дела об административном правонарушении охватывает все процессуальные действия, необходимые для подготовки дела к рассмотрению по существу. Даже в тех случаях, когда производство ведется в форме административного расследования, речь идет не о самостоятельной стадии, а лишь об одной из возможных правовых форм одного из этапов стадии возбуждения дела об административном правонарушении.

Производство по одному и тому же делу может осуществляться одновременно несколькими должностными лицами, при этом последние могут быть очевидцами правонарушения и даже родственником установленного правонарушителя. Последнее обусловлено инструментальным предназначением административно-деликтного законодательства в контексте государственной управленческой деятельности.

Существующая модель стадии возбуждения уголовного дела сформировалась с учетом приоритетного ориентира на защиту граждан от необоснованного применения мер уголовно-процессуального воздействия. Полагаем, что в историко-политических условиях современной России этот порядок уголовного судопроизводства может сохраняться еще долгие годы. Тем не менее его отдельные элементы, в первую очередь этап предварительной оценки сообщений о преступлениях, и в настоящее время могут рассматриваться как имеющие альтернативу. При этом объектом для соответствующих исследований могут

выступать не только установленный порядок действий полиции зарубежных государств, но и установленный КоАП РФ

порядок производства по делам об административных правонарушениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1985. 193 с.
2. Муравьев К. В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона: монография. М., 2019. 264 с.
3. Судницын А. Б. Задачи предварительного расследования: правовая природа, система, проблемы реализации и пути совершенствования: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019.
4. Досудебное производство в уголовном процессе: учебное пособие для вузов / Б. Б. Булатов [и др.]; под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 567 с.
5. По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П // Российская газета. 2000. 2 февраля.

© Овсянников Ю. В.

© Цуканов Н. Н.

УДК 343.985.7:343.61(470)

И. Ф. ПАТРАШ, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

I. F. PATRASH, Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure Law Crimean Branch of the Russian State University of Justice (Simferopol)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ПРИЗНАКА «НЕОЧЕВИДНОСТИ» ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

THE FORENSIC NATURE OF FEATURES «UNOBVIOUSNESS» BY THE CRIME INVESTIGATION

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы относительно определения признака «очевидности» и «неочевидности» для всех категорий преступлений, но особое внимание уделено преступлениям, представляющим наибольшую общественную опасность – убийствам. Дана оценка различным точкам зрения и определения понятия «неочевидность». Изучается понятие неочевидных преступлений, особенно убийств. Раскрыта криминалистическая сущность признака «неочевидности» при расследовании убийств, совершенных в условиях неочевидности.

Разграничены очевидные убийства и убийства, совершенные в условиях неочевидности. Обращено внимание на значительную сложность при расследовании и раскрытии неочевидных убийств в отличие от очевидных.

Ключевые слова и словосочетания: очевидные убийства, неочевидные убийства, раскрытые преступления, нераскрытые преступления, криминалистическая сущность, признак «неочевидности», раскрытие убийств, расследование убийств.

Annotation. *The author in the article describes main positions about the determination of features «obviousness» and «unobviousness» for all categories of crimes, but special consideration is given to the crimes which have the greatest social danger its murder. The author considered different points of view and definitions of the concept «unobviousness». In the article is studied the determination of unobviousness crimes, especially the murders. The paper discloses the key notions of crime nature of features «unobviousness» by investigation of murders which were committed under conditions of unobviousness. There are differentiated obviousness murders and murders which were committed under conditions of unobviousness. It was also noticed there is some complication by the crime investigation and disclosing unobviousness murders in contrast to obviousness murders.*

Keywords and phrases: *obvious killings, non-obvious killings, disclosed crimes, unsolved crimes, forensic essence, a sign of «non-obviousness», disclosure of murders, investigation of murders.*

Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в значительной степени определяет эффективность уголовно-правовых средств в обеспечении прав и законных интересов в обществе. Надлежащее криминалистическое обеспечение значительно сокращает интеллектуальные, материальные и организационные затраты следственной деятельности. Особенно важное значение криминалистическое обеспечение расследования преступлений приобретает в случаях, когда преступление совершено в условиях неочевидности. Это может быть и убийство, и террористический акт, и диверсия, и разбойное нападение, и дорожно-транспортное происшествие с гибелью людей, когда водитель скрылся с места ДТП, да и обычные кражи, которые в общей совокупности преступлений и часто совершаются в условиях неочевидности. У каждого из этих и многих других видов преступлений свои особенности в расследовании и раскрытии, свои типовые алгоритмы действий.

Представляется верным мнение Ю. Л. Дябловой, которая полагает, что неочевидные преступления – это межвидовая группа преступлений, объединенных по признаку неочевидности лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности на момент поступления

информации о преступлении в правоохранительный орган и возбуждения уголовного дела [1, с. 14–27]. Безусловно, особо тяжким преступлением и представляющим наибольшую общественную опасность является убийство. В настоящей статье о криминалистической сущности признака «неочевидности» речь будет идти об этом составе преступления.

В начале статьи необходимо отметить, что в специальной криминалистической литературе не так много исследований, посвященных рассмотрению проблем расследования убийств, совершенных в условиях неочевидности. А наиболее известные труды относятся еще к советскому периоду развития криминалистической науки и не учитывают существенное изменение не только содержания общественных отношений, но и научно-техническое развитие общества, распространённость средств фиксации и контроля. Разработку основ расследования и раскрытия убийств, совершенных в условиях неочевидности, необходимо начинать с уточнения понятийного аппарата. И если понятие «убийство» нашло достаточно единообразное понимание его содержания, то этого нельзя сказать в отношении понятия «неочевидность».

В юридической литературе возникали различные мнения относительно по-

нения неочевидности при расследовании убийств. Как отмечал А. Н. Васильев, «по способу совершения убийств их можно классифицировать на открытые и тайные». Под тайными автор понимал убийство, «совершенное в отсутствие свидетелей и с активными попытками преступника скрыть свою вину» [2, с. 417]. Большинство криминалистов в качестве критерия неочевидности называют наличие свидетелей. Вероятно, такое понимание неочевидности в современных условиях будет недостаточным. Вполне возможны ситуации, когда и свидетели будут отсутствовать, и преступник всячески будет пытаться скрыть свою вину, но факт преступления будет зафиксирован камерами видеонаблюдения, автомобильными видеорегистраторами и другими средствами пассивной фиксации.

Некоторые авторы понятие неочевидности совершения преступления связывают с наличием или отсутствием виновного. Так, Р. С. Белкин отмечает, что очевидным считается преступление, совершенное в условиях очевидности, когда имеется информация о событии и виновном. Неочевидными, по его мнению, являются преступления, исходная информация о которых не содержит данных о событии и виновном либо содержит данные только о событии преступления [3, с. 182]. Бесспорно, с таким ученым-криминалистом невозможно не согласиться, хотя есть мнение, что относительно очевидности данное определение не лишено некоторых недостатков. Так, наличие в исходной информации данных о виновном в совершении преступления не всегда является истинной. В некоторых случаях даже признание лица в совершении преступления в последующем может не подтвердиться, и преступление из категории очевидных перейдет в категорию неочевидных.

Примером могут служить 14 незаконных приговоров, в том числе один к высшей мере, впоследствии оправданных и

реабилитированных по уголовному делу по обвинению Г. Михасевича в совершении 36 убийств женщин. Это было одно из самых громких и скандальных уголовных дел 90-х годов прошлого столетия.

Кроме того, способствовать этому могут допущенные в ходе производства первоначальных следственных и оперативно-разыскных действий ошибки. Порой даже при наличии свидетелей преступление может быть не раскрытым, а значит, будет неочевидным. «Неочевидное преступление – это деятельность в расследовании по исследованию наличия или отсутствия события преступления, когда все признаки состава преступления не установлены или имеют предположительный характер вне зависимости, есть ли подозреваемый или обвиняемый и выявлены ли при этом другие соучастники», – полагает В. А. Мазурский [4, с. 35–40]. Думаю, что нельзя согласиться с данным мнением, поскольку раскрывать понятие неочевидного преступления через деятельность в расследовании представляется не совсем правильным.

Еще более, на мой взгляд, запутанное понятие, определяемое через мало относящиеся к неочевидным преступлениям слова, приводят М. В. Давыдов и А. Ю. Харыбин: «Преступления, совершенные в условиях неочевидности, есть не что иное, как *результат* (выделено мной – И.П.) сложившихся в конкретных условиях времени и места совокупности элементов преступной деятельности и элементов объективной реальности, которую следователь и иные участники доказывания должны постичь. Иными словами, это *обстановка* (выделено мной – И.П.), отражающая реальное положение вещей, наступившая сразу после совершения преступления. Такое состояние называется *следственной ситуацией* (выделено мной – И.П.)» [5, с. 174]. Попытка определения понятия неочевидного преступления через понятие и следственной ситуации, и обста-

новки, наступившей после совершения преступления, и результата совокупности элементов преступной деятельности представляется не совсем верной.

Понятие «неочевидность» как признак совершенного преступления рассматривают, сравнивая с понятием «раскрытие» преступления. Более того, некоторые авторы предлагают ввести в научный оборот и следственную практику понятие «предварительное раскрытие», под которым понимается этап окончания предварительного расследования и направления дела в суд с обвинительным заключением либо обвинительным актом. Обосновывается это тем, что в современных ведомственных нормативных правовых актах понятия «раскрытие преступления» и «раскрываемость преступлений» не используются. В межведомственном приказе «О едином учете преступлений» от 29.12.2005 № 7339 (далее – приказ № 7339) раскрываются понятия «предварительно расследованное преступление» (п. 2.10) и «нераскрытое преступление» (п. 2.11) [6].

Нераскрытым считается такое преступление, уголовное дело по которому приостановлено по пп. 1, 2 или 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. То есть раскрытие преступления с правовой точки зрения в настоящее время практически совпадает с понятием расследования, так как «преступления, предварительное следствие по уголовным делам о которых ранее было приостановлено на основании пп. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, исключаются из числа нераскрытых после принятия решения о направлении уголовного дела в суд либо его прекращении» (п. 2.11 приказа № 7339). Этот вывод подкрепляется и анализом п. 2.10 приказа № 7339, в соответствии с которым «предварительно расследованное преступление – преступление, по которому вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, а также преступление, по уголовному делу о ко-

тором окончено предварительное расследование, и уголовное дело направлено в суд либо прекращено».

А. Г. Гельманов предлагает соотносить понятие неочевидного с понятием нераскрытого преступления, аргументируя это переходом от незнания к знанию о том, кто является субъектом преступления [7, с. 89–90]. Данный критерий предлагается использовать в качестве одной из предварительных, промежуточных оценок состояния расследования по делу, а именно момент получения данных, достаточных для предъявления обвинения установленному лицу, и степень доказанности его вины. Следует отметить, что, с точки зрения уголовного процесса, очевидным является преступление, если дело возбуждено по факту преступления и в отношении конкретного лица. Например, «Таким образом, И. И. Иванов совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ». Раскрытым оно будет считаться после принятия уголовно-процессуального решения – предъявления обвинения и далее утверждения обвинительного заключения.

Условно очевидные убийства можно разделить на совершенные:

- на почве личных неприязненных взаимоотношений в бытовой среде;
- в результате семейных конфликтов;
- когда убийца задержан на месте преступления;
- когда труп опознан, установлены свидетели, очевидцы и личность преступника;
- когда убийца признал вину в содеянном преступлении, имеются достаточные доказательства, подтверждающие его признание.

Подобные убийства характеризуются отсутствием предварительной подготовки по поиску орудий, способа подготовки, совершения и сокрытия следов преступления. Субъектами очевидных убийств могут выступать родственники, соседи, супруги, их дети, родители, сослуживцы, знакомые и др. Орудиями убийства чаще

всего могут быть различные бытовые предметы (камень, палка, молоток, лом, лопата, топор и др.), которые случайно оказались под рукой в момент убийства, а также предметы кухонной утвари (вилка, скалка и др.). Чаще всего они совершаются без отягчающих обстоятельств и являются результатом конфликта между членами семьи, знакомыми или неправильного поведения самих потерпевших в общественных местах. В большинстве случаев во время распития спиртных напитков возникают ссоры, переросшие в драку с применением предметов, имеющих под рукой (ножи, вилки, бутылки и др.). Эта категория убийств не представляет собой особой сложности в расследовании, потому как они очевидны.

Особую сложность в расследовании и раскрытии представляют собой умышленные убийства, совершенные в условиях неочевидности. Они, как правило, совершаются с применением специально приспособленного орудия для убийства, взрывных устройств и веществ, на сексуальной почве, с расчленением трупа и т. д. Такие убийства, как отмечает В. А. Образцов, происходят с заранее обдуманном умыслом, по тщательно разработанному плану, преследуют четкую цель и сопровождаются системой действий, направленных на сокрытие самого факта убийства или участия в нем конкретного лица [8, с. 57].

В ходе расследования убийств, совершенных в условиях неочевидности, следователь и оперативные работники ощущают активное противодействие следствию в установлении преступника, а система действий преступника по достижению цели сопровождается исключительно по подготовке, совершению и сокрытию убийства. К убийствам, совершенным в условиях неочевидности, можно отнести и те, в которых отсутствуют существенные фактические данные:

– исчезновение человека, при наличии сведений, которые свидетельствуют об убийстве;

– отсутствие идентификационных следов преступления;

– выявление останков или частей расчлененного трупа;

– обнаружение трупа со следами насильственной смерти, но без установления личности трупа;

– отсутствие свидетелей и очевидцев преступления;

– инсценировка убийства под некриминальное происшествие.

На такие факты следователь может натолкнуться как на начальном, так и на последующих этапах расследования убийства. Например, когда исчезновение человека связано с розыскными мероприятиями, и факт убийства пока неизвестен или под вопросом. Следственные действия по уголовному делу могут иметь фрагментарный характер и будут направлены в первую очередь на установление местонахождения и обнаружения трупа, затем к его идентификации и лишь потом на установление личности преступника.

Случаи, когда отсутствуют идентификационные следы преступления (отпечатки пальцев, маркированное оружие, следы выделений организма и т. п.), личность жертвы не установлена или выявлены фрагменты или части расчлененного трупа, труп неопознан либо обезображен с целью значительного затруднения установления личности потерпевшего, расчленен или обнаружены одна или несколько его частей либо два и более трупа с признаками насильственной смерти и др., необходимо отнести к неочевидным убийствам.

Лица, совершившие подобные убийства, как правило, к ним весьма тщательно готовятся, а после совершения предпринимают все возможные меры к сокрытию следов преступления, самого трупа и, естественно, своей причастности к убийству, создают различные инсценировки с целью ввести следствие в заблуждение и направить расследование в нужном ими ложном для следствия направлении. Такие убийства являются за-

казными, совершаются чаще всего из корыстных или сексуальных побуждений, а также при разбойных нападениях или с целью скрыть другое, уже совершенное преступление, либо для облегчения его совершения и др.

Первоначальные следственные и оперативно-разыскные мероприятия направлены в основном на установление личности потерпевшего, если труп не опознан или его нет. Все начинается с осмотра на месте происшествия. С целью дальнейшей идентификации личности потерпевшего необходимо весьма тщательно описывать в протоколе осмотра внешние признаки – пол, рост, вес, телосложение, форма и тип лица, вид и состояние зубов, волос, физические аномалии, индивидуальные приметы тела и др. Кроме того, тщательно осматривается и описывается каждый предмет одежды. При судебно-медицинском исследовании трупа в морге и после соответствующего туалета обязательно производится его дактилоскопирование и опознавательная фотосъемка. Но это уже из области тактики осмотра места происшествия по убийствам в условиях неочевидности.

По всем уголовным делам об убийствах, в которых труп неопознан, убийство будет неочевидным, пока мы не установим личность потерпевшего и не

сможем ответить на вопрос: «Кому нужна была его смерть?». Разграничение убийств на очевидные и неочевидные позволяет уже на стадии возбуждения уголовного дела избрать соответствующее направление расследования, планировать расследование и выдвигать различные версии исходя из первоначальной информации, имеющейся у следователя, с целью надлежащего расследования и раскрытия преступления.

Таким образом, по моему мнению, под неочевидными понимаются убийства, информация о которых на момент возбуждения уголовного дела не содержит сведений о событии и виновном или содержит сведения только о событии преступления (в том числе вследствие применения виновным активных мер по их сокрытию) либо содержит информацию о событии и виновном, но не содержит информацию о жертве убийства, а также убийства в случаях, когда данная информация не подтвердилась или была опровергнута впоследствии. Затронутая тема относительно криминалистической сущности признака неочевидности, разграничения убийств на очевидные и неочевидные, на мой взгляд, была, есть и будет весьма актуальной как в теоретическом – дискуссионном, так и в практическом аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дяблова Ю. Л. Информационные технологии моделирования личности неустановленного преступника при расследовании неочевидных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Тула, 2008. 228 с.
2. Криминалистика / под ред. А. Н. Васильева. М., 1980. 620 с.
3. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.
4. Мазурский В. А. Понятие неочевидных преступлений, их учет, систематизация и совершенствование расследования уголовных дел // Российский следователь. 2014. № 14. С. 35–40.
5. Давыдов М. В., Харыбин А. Ю. Криминалистическое понятие неочевидного преступления // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017. С. 38–41.

6. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 (ред. от 20.02.2014) // Российская газета. 2006. № 13. 25 января.

7. Гельманов А. Г. К вопросу о криминалистическом понятии неочевидного преступления // Межвузовский сборник научных трудов. Омск: Высшая школа милиции МВД СССР, 1989. С. 80–90.

8. Образцов В. А. Криминалистика: учебное пособие. М.: БЕК, 1994. 208 с.

© Патраш И .Ф.

УДК 343.123.11(470)

М. Ю. ТЕРЕХОВ, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (г. Москва)

M. YU. TEREKHOV, Deputy Head of the Chair of Criminal Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Candidate of Law (Moscow)

О. В. ХИМИЧЕВА, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

O. V. HIMICHEVA, Head of the Chair of Criminal Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Doctor of Law, Professor (Moscow)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

SOME TOPICAL ISSUES OF CRIME REPORT VERIFICATION PROCEDURE

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые проблемные правовые и правоприменительные вопросы, возникающие при рассмотрении сообщений о преступлениях, в частности, о возможности производства органом дознания в ходе проверки сообщения следственных и иных процессуальных действий на основании отдельного поручения следователя, дознавателя. По мнению авторов, неурегулированность на законодательном уровне правоотношений по даче поручений в ходе проверки сообщения о преступлении приводит к отсутствию единообразия в правоприменительной практике. В связи с чем предлагают при проверке сообщения о преступлении уполномочить дознавателя, орган дознания, следователя, руководителя следственного органа давать

поручения органу дознания не только о проведении оперативно-разыскных мероприятий, но и разрешенных на данном этапе следственных и иных процессуальных действиях.

Ключевые слова и словосочетания: проверка сообщения о преступлении, возбуждение уголовного дела, отдельное поручение следователя, отдельное поручение дознавателя, следственные действия, иные процессуальные действия.

Annotation. *This article discusses some topical legal and law enforcement issues arising from the consideration of crime reports, specifically of the possibility during report verification for the agency of inquiry of conducting preliminary investigation of investigatory and other procedural actions, based on the particular instruction of the investigator or the inquiry officer. According to the authors, the unresolved legal relationships in giving instructions during crime report verification results in the lack of uniformity in law enforcement practice. In this connection, it has been suggested that the inquiry officer, the agency of inquiry, the investigator and chief investigative officer be authorized when verifying a particular crime report to give instructions to the agency of inquiry to conduct not only operational search actions, but also allowed at this stage investigatory and other procedural actions.*

Keywords and phrases: *crime report verification, initiation of a criminal case, a particular instruction of the investigator, a particular instruction of the inquiry officer, investigatory actions, other procedural actions.*

Процессуальная деятельность должностных лиц по проверке сообщения о преступлении занимает важное место в уголовном судопроизводстве и необходима для установления наличия или отсутствия основания для возбуждения уголовного дела. В связи с этим уголовно-процессуальный закон наделяет лицо, производящее проверку сообщения о преступлении, значительным объемом полномочий, необходимых для принятия по ее результатам законного и обоснованного процессуального решения. Однако законодательная регламентация проверки сообщений о преступлениях, особенно в части собирания доказательств, далека от совершенства и характеризуется постоянными изменениями.

Обращаясь к совсем недавней истории, отметим, что УПК РСФСР [1] предусматривал процессуальные действия, с помощью которых проводилась проверка сообщения о преступлении (осмотр места происшествия, истребование необходимых материалов, получение объяснений), однако не регламентировал процедуру их производства (исключение составлял осмотр места происшествия). На этом основании некоторые авторы по-

лагали, что проверка, предшествующая решению вопроса о возбуждении уголовного дела, находится за рамками уголовного процесса [2, с. 231] и является административной по своей природе [3].

УПК РФ в первоначальной редакции указал на обязательность проверки каждого сообщения о преступлении, но в то же время вопрос о ее средствах практически не урегулировал, не предусмотрев даже перечня проверочных действий (исключениями были предусмотрены ч. 2 ст. 144 и ч. 4 ст. 146 УПК РФ). Разрешив производство до возбуждения уголовного дела отдельных следственных действий (осмотра места происшествия, освидетельствования, назначения судебной экспертизы), закон однозначно их не урегулировал (ст.ст. 176, 179, 195–207 УПК РФ). Коллизии правовых предписаний привели некоторых ученых к выводу о том, что отсутствие в УПК РФ четких указаний о способах предварительной проверки – это не просто пробел в законе, а результат переосмысления законодателем сущности такой проверки, признание наряду с процессуальным ее непроцессуального содержания [4, с. 26–27].

Дальнейшее развитие уголовно-процессуального закона, на наш взгляд, вполне закономерно привело к расширению средств проверки сообщения о преступлении. Различными федеральными законами в УПК РФ были введены: требование производства документальных проверок, ревизий и привлечения к участию в них специалистов (2003 г.); производство исследований документов, предметов, трупов (2010 г.); дача письменного поручения органу дознания о проведении оперативно-разыскных мероприятий (2010 г.); получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование предметов и документов, изъятие их в порядке, предусмотренном УПК РФ, назначение и производство судебной экспертизы, осмотр документов, предметов, трупов (2013 г.).

Таким образом, современная правовая регламентация первоначальной стадии уголовного процесса, на наш взгляд, не дает никаких оснований для утверждения о непроцессуальном характере проверки сообщений о преступлениях. Эту деятельность нельзя не признать процессуальной, поскольку, во-первых, она предусмотрена в уголовно-процессуальном законе; во-вторых, УПК РФ регламентирует перечень проверочных средств, а также процедуру их проведения; в-третьих, УПК РФ устанавливает обязанность и обязательность проведения проверки сообщения о преступлении участниками уголовного судопроизводства, на которых уголовно-процессуальным законом возлагаются соответствующие процессуальные полномочия (следователь, дознаватель, орган дознания).

Тем не менее проверка сообщения о преступлении может проводиться не только путем следственных и иных процессуальных действий. Мнения об использовании непроцессуальных средств проверки придерживаются многие исследователи [5, с. 28; 6, с. 11]. Полагаем, что проверке сообщения о преступлении

в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ (т. е. процессуальной деятельности) могут предшествовать административная или оперативная проверки, которые осуществляются соответствующим участником уголовного судопроизводства – органом дознания, соответственно, по отдельному поручению дознавателя, следователя, руководителя следственного органа (ч. 1 ст. 144, ч. 4 ст. 21 УПК РФ).

Согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 и п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ следователь, дознаватель обладают полномочием давать органу дознания в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, исполнении постановлений о задержании, приводе, аресте, производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении. Как видим, эти нормы предоставляют следователю, дознавателю правомочие давать отдельное поручение органу дознания на любом этапе досудебного производства.

Применительно к предварительному расследованию данное полномочие дополнено нормой, определяющей место производства (ст. 152 УПК РФ), согласно которой в случае необходимости производства следственных или розыскных действий в другом месте следователь вправе поручить производство этих действий следователю или органу дознания, а дознаватель – дознавателю или органу дознания. Но может ли распространяться это предписание на стадию возбуждения уголовного дела? Законодатель несколько иначе регулирует этот вопрос.

Так, согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ на дознавателя, орган дознания, следователя, руководителя следственного органа возлагается право при проверке сообщения о преступлении давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение лишь о проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Такая коллизия правовых предписаний п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 1.1 ч. 3 ст. 41 и ч. 1 ст. 144 УПК РФ ставит вопрос о легитимности поручения органу дознания производства следственных и иных процессуальных действий в ходе проверки сообщения о преступлении.

Так, в городскую прокуратуру г. В. поступила жалоба от сотрудников страховой компании «Ю.» на нарушение уголовно-процессуального законодательства при изъятии компьютерной техники в связи с рассмотрением сообщения о преступлении, предусмотренном ст. 183 УК РФ «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну». Сотрудница страховой компании «Ю.» использовала клиентскую базу, к которой имела доступ, работая ранее в страховой компании «Р.», в результате чего данные о клиентах, у которых заканчивается срок действия договоров страхования на имущество, стали известны третьему лицу. Исходя из содержания жалобы, в рамках проверки сообщения о преступлении следователь вынес отдельное поручение органу дознания о производстве следственных действий (оперативно-разыскных мероприятий), а именно осмотреть компьютерную технику, принадлежащую страховой компании «Ю.», при необходимости провести исследования данной техники с участием специалиста, установить и опросить страховых агентов, которых привлекали к деятельности страховой компании «Ю.». На основании данного поручения сотрудники органа дознания провели осмотр с участием понятых, специалиста и представителей страховой компании «Ю.», составили протокол осмотра места происшествия и изъяли системный блок компьютера.

В своей жалобе сотрудники страховой компании «Ю.» указывают, что такое поручение противоречит нормам УПК РФ, т. к. ст. 144 УПК РФ не предусматривает поручение органу дознания

производства следственных и иных процессуальных действий в ходе проверки сообщения о преступлении, и, соответственно, изъятие компьютера произведено незаконно. Прокурор, рассмотрев жалобу, удовлетворил ее частично: с одной стороны, констатировано, что сотрудниками органа дознания при производстве осмотра предметов допущены нарушения положений ч. 2.1 ст. 82, чч. 2–3 ст. 177 УПК РФ, которые выразились в незаконном изъятии компьютерной техники при наличии возможности копирования информации в процессе осмотра, с другой – на основании п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ дача следователем поручения органу дознания о проведении отдельных следственных действий признана правомерной.

В связи с этим возникает вопрос: «Допускается ли производство органом дознания следственных и иных процессуальных действий на основании отдельного поручения следователя, дознавателя на этапе проверки сообщения о преступлении?». Если следовать правилу «*lex specialis derogate lex generalis*», то при наличии специальной нормы, регулирующей конкретные отношения (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), не совпадающей с общей нормой (п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ), применяются правила специальной нормы. Иными словами, уголовно-процессуальный закон не предусматривает возможности делегирования полномочия по проведению проверки сообщения о преступлении, поручения органу дознания производства на данном этапе следственных и иных процессуальных действий.

Однако если углубиться в сущность института поручения в уголовном судопроизводстве, то становится очевидным, что это ведущий способ взаимодействия следователя, дознавателя с иными субъектами уголовно-процессуальной деятельности в рамках досудебного производства по уголовному делу, который способствует более эффективному ре-

шению задач данного этапа (установлению лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, формированию доказательственной базы и т. п.) [7, с. 33]. Анализ правовых норм позволяет сделать вывод о том, что отдельное поручение может иметь несколько разновидностей:

– во-первых, отдельное поручение является способом делегирования следователем, дознавателем полномочий по производству конкретных следственных и иных процессуальных действий. В этом случае адресатом поручения выступает как орган дознания, так и следователь (ч. 1 ст. 152 УПК РФ);

– во-вторых, отдельное поручение выступает способом обеспечения надлежащего хода досудебного производства. Исходя из п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, отдельное поручение может быть дано для исполнения процессуальных решений о применении мер процессуального принуждения (задержания, привода и т. п.), проведения оперативно-разыскных мероприятий и розыскных действий, направленных на получение информации, необходимой для производства процессуальных действий и принятия процессуальных решений по уголовному делу, оказания необходимого содействия в производстве следственных и иных процессуальных действий. В данном случае такое поручение адресуется только органу дознания;

– в-третьих, отдельное поручение служит основанием для проведения оперативно-разыскных мероприятий. Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ в рамках проверки сообщения о преступлении органу дознания может направляться отдельное поручение о проведении оперативно-разыскных мероприятий. В такой ситуации адресатом отдельного поручения выступает лишь тот орган дознания, который наделен полномочиями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности (ч. 1 ст. 40 УПК РФ, ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной

деятельности» [8]). В этом смысле предусмотренное в ч. 1 ст. 144 УПК РФ полномочие лица, проводящего проверку сообщения о преступлении, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-разыскных мероприятий корреспондирует предписаниям ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», согласно которой основаниями для проведения оперативно-разыскных мероприятий являются и поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания или определения суда по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве.

Форма поручения – исключительно письменная (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ) – имеет существенное значение с точки зрения наделения полномочиями орган, которому поручение адресуется. На основании отдельного поручения соответствующее должностное лицо становится надлежащим субъектом доказывания при производстве конкретного следственного или иного процессуального действия. Как справедливо отмечают авторы «Курса уголовного процесса», с точки зрения определения пределов компетенции лица, исполняющего отдельное поручение, и, как следствие, законности производимых им процессуальных действий, в том числе оценки допустимости доказательств, полученных в ходе производства следственных действий, письменная форма отдельного поручения имеет принципиальное значение [7, с. 32].

По нашему мнению, неурегулированность правоотношений по даче поручений в ходе проверки сообщения о преступлении на законодательном уровне приводит к отсутствию единообразия в правоприменительной практике. Так, порученное следователем органу дознания получение объяснений осуществляется в различных процедурах: в одних случаях – на основании ч. 1 ст. 144

УПК РФ, в других – в соответствии со ст. 13 Федерального закона «О полиции» или ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В связи с этим полагаем необходимым согласовать предписания п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 1.1 ч. 3 ст. 41 и ч. 1 ст. 144 УПК РФ таким образом, чтобы при проверке сообще-

ния о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа был уполномочен давать поручения органу дознания не только о проведении оперативно-розыскных мероприятий, но и разрешенных на данном этапе следственных и иных процессуальных действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
2. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1962. 503 с.
3. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / отв. ред. Б. А. Золотухин. М.: Республика, 1992. 111 с.
4. Прохорова Е. А. Правовая природа стадии возбуждения уголовного дела в свете УПК РФ // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью в современных условиях: материалы Межвузовской научно-практической конференции. Выпуск 7. Орел: ОрЮИ МВД России, 2003. С. 25–29.
5. Макаренко М. М., Ермаков С. В. Возбуждение уголовного дела: проблемные вопросы // Российский следователь. 2015. № 6. С. 27–31.
6. Волынский В. В. Судебный контроль на стадии возбуждения уголовного дела как гарантия защиты конституционных прав и свобод // Российский следователь. 2012. № 8. С. 11–15.
7. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян [и др.]; под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016. 1278 с.
8. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

© Терехов М. Ю.
© Химичева О. В.

**СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 351.753.3:351.741.08(470)

О. С. НОСКОВ, начальник кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

O. S. NOSKOV, Head of the Department of Fire and Tactical and Special Training of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ЧАСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО
ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ**

**ACTUAL ASPECTS OF LAW ENFORCEMENT IN TERMS OF LEGAL
REGULATION USE OF FIREARMS BY LAW ENFORCEMENT OFFICERS**

Аннотация. Право на применение огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов является одним из инструментов правоохранительной деятельности, решения задач по защите жизни и здоровья человека, а также гарантией обеспечения личной безопасности самого сотрудника. В то же время анализ нормативных правовых актов в части оснований и порядка применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции, Росгвардии и ФСБ России выявляет неоднозначный подход законодателя к регулированию данной сферы. Несмотря на то, что именно сотрудники полиции чаще всего первыми оказываются на месте происшествия, а характер решаемых ими задач в ситуациях, связанных с применением оружия, мало отличается от аналогичных задач сотрудников Росгвардии и ФСБ России, объем прав сотрудника полиции в части применения оружия более ограничен. В связи с этим предлагается внести в ст. 23 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» ряд изменений.

Ключевые слова и словосочетания: огнестрельное оружие, основания применения оружия, предотвращение террористических актов, правоохранительные органы, сравнительно-правовой анализ.

Annotation. The right to use firearms by law enforcement officers is one of the tools of law enforcement, solving problems to protect human life and health, as well as a guarantee of personal safety of the employee. At the same time, the analysis of normative legal acts regarding the grounds and procedure for the use of firearms by police officers, the Federal Guard service and the FSB of Russia reveals an ambiguous approach of the legislator to the regulation of this sphere. Despite the fact that police officers most often first appear on the scene, and the character of their tasks in situations involving the use of weapons differs little from similar tasks of employees of the Federal Guard service and the FSB of Russia, the scope of rights of the police officer in terms of the use of weapons is more limited. In this regard, it is proposed to make a number of changes to article 23 of the Federal law of 07.02.2011 No. 3-FZ «On police».

Keywords and phrases: firearms, grounds for the use of weapons, prevention of terrorist acts, law enforcement agencies, comparative legal analysis.

Реализация правоохранительной деятельности может быть связана с выполнением правоохранительных задач

в ситуации повышенной опасности для жизни и здоровья. В связи с этим сотрудникам правоохранительных органов

законом предоставлено право на применение в необходимых случаях огнестрельного оружия. Предоставленное право налагает и большую ответственность на сотрудников правоохранительных органов по поддержанию высокой профессиональной компетентности в данной сфере (как в плане умения метко стрелять, так и в плане психологической устойчивости, правовой грамотности, развития тактических навыков).

В то же время следует отметить, что на готовность сотрудника правоохранительных органов четко выполнять требования закона, регулирующего порядок и основания применения оружия, самое непосредственное влияние оказывает совершенство указанных правовых положений, уровень их юридической проработанности. Проведенный сравнительно-правовой анализ положений о применении оружия сотрудниками таких правоохранительных органов, как органы внутренних дел, войска национальной гвардии Российской Федерации (далее – Росгвардии), Федеральной службы безопасности России (далее – ФСБ), позволяет выявить некоторые проблемы правовой регламентации применения оружия сотрудниками полиции и различия в регулировании этой сферы, невызванные объективной потребностью.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 23 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон «О полиции») сотрудник полиции имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять огнестрельное оружие для защиты другого лица либо себя от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья. С учетом требования о минимизации любого ущерба и положений о необходимой обороне применение оружия с причинением гибели нападающему допустимо исключительно в случае применения им насилия, опасного для

здоровья, использование оружия допустимо с причинением вреда здоровью нападающему не большего, чем вред предотвращенный.

Таким образом, производство выстрела в область головы или туловища допустимо производить при применении нападающим насилия, опасного для жизни сотрудника полиции или иного лица. При применении насилия, способного причинить тяжкий вред здоровью, выстрел целесообразно производить по конечностям нападающего. При применении насилия, способного причинить вред здоровью легкой или средней тяжести, целесообразно применить иные способы защиты.

Указание на то, что посягательство должно представлять опасность для жизни и здоровья содержится также в аналогичной норме Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (п. «а» ч. 1 ст. 14) (далее – Закон «О ФСБ»). Однако аналогичная норма Федерального закона от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (п. 1 ч. 1 ст. 21) (далее – Закон «О Росгвардии») не требует наличия указанного признака, ограничиваясь широким для понимания термином «для защиты», что представляется не вполне обоснованным.

Основание применения оружия, предусмотренное п. 2 ч. 1 ст. 23 Закона «О полиции», не вызывает особых затруднений в правоприменительной деятельности и имеет прямую взаимосвязь с гарантиями личной безопасности вооруженного сотрудника полиции, установленными в ст. 24 Закона «О полиции». При сравнении данного положения с аналогичной нормой Закона «О Росгвардии» (п. 2 ч. 1 ст. 21) обращает на себя внимание тот факт, что сотрудникам Росгвардии предоставлено право применения оружия для отражения попытки завладения любым оружием, а сотрудникам полиции – только при попытке завладе-

ния оружием, состоящим на вооружении полиции. Иначе говоря, из буквального толкования закона следует, что если сотрудник полиции станет свидетелем попытки завладения оружием, например, вооруженных сил, то возможность применения оружия для пресечения такой попытки у него ограничена.

Пункт 3 ч. 1 ст. 23 Закона «О полиции» предоставляет сотруднику полиции право применить огнестрельное оружие для освобождения заложников, аналогичные нормы соответствующих законов для сотрудников Росгвардии и ФСБ России предоставляют возможность применения оружия для пресечения террористических и иных преступных посягательств. В данном случае не ясно, какой объем иных преступных посягательств законодатель имел в виду, включая такую широкую формулировку. Также представляется не вполне обоснованным то, что сотрудникам полиции отказано в применении оружия для пресечения террористических актов. Действительно, контртеррористические операции реализуются в первую очередь именно сотрудниками спецподразделений ФСБ России и Росгвардии, так как именно эти спецподразделения смогут на высоком профессиональном уровне и с минимальными потерями обеспечить решение задачи. Однако наиболее часто на месте происшествия, в том числе террористического характера, оказываются сотрудники органов внутренних дел. И именно от первоначальных действий во многом зависит ход дальнейшего развития событий. Сотрудник полиции в такой ситуации, вероятно, сможет использовать иные основания применения оружия. Однако наличие в законе специального основания, как это предусмотрено в законах «О ФСБ» и «О Росгвардии», значительно облегчит и ускорит процесс принятия решения в критической обстановке.

Значительные сложности могут возникнуть у сотрудника полиции при ре-

шении вопроса о допустимости применения оружия для задержания лица, застигнутого при совершении деяния, содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни, здоровья или собственности, и пытающегося скрыться, если иными средствами задержать это лицо не представляется возможным (п. 3 ч. 1 ст. 23 Закона «О полиции»). Прежде всего следует отметить три важных аспекта: лицо должно быть застигнуто в момент совершения указанных преступлений («взято с поличным»); лицо должно быть застигнуто при совершении тяжких или особо тяжких преступлений (деяний, содержащих признаки таких преступлений) только против жизни, здоровья или собственности; иными средствами, кроме применения оружия, если задержать данное лицо не представляется возможным.

Данный пункт на практике может создавать значительные трудности. Необходимо понимать, что сотрудник полиции фактически в экстремальной ситуации должен моментально оценивать признаки совершенного преступления, произвести его квалификацию, определить, относится ли оно к категории тяжкого или особо тяжкого преступления. При этом ряд преступлений в связи с внесением изменений в УК РФ изменяют степень тяжести, то есть сотрудник полиции не только не хуже любого следователя или судьи должен знать правила квалификации преступлений и все статьи УК РФ, но и в режиме реального времени отслеживать все вносимые в УК РФ изменения.

Так, например, в период с 18 июня по 10 августа 2017 г. преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 110 УК РФ, было отнесено к категории тяжких [1]. Соответственно, при задержании в указанный период лица, застигнутого при совершении деяния, содержащего признаки указанного преступления, и пытающегося скрыться, применение оружия будет правомерным. Однако уже 11 августа 2017 г.

применение оружия в аналогичной ситуации будет расцениваться как превышение должностных полномочий. И таких примеров множество. Кроме того, п. 4 ч. 1 ст. 23 Закона «О полиции» предоставляет сотруднику полиции право применить оружие для задержания лица, застигнутого при совершении деяния, содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления, но лишь против трех видовых объектов преступления: против жизни, здоровья или собственности. При этом п. «г» ч. 1 ст. 14 Закона «О ФСБ» помимо названных объектов (жизнь, здоровье и собственность) указывает также: государственную власть, общественную безопасность и общественный порядок.

Таким образом, буквальное толкование и сравнительный анализ позволяют нам сделать вывод о том, что при попытке задержать лицо, деяния которого содержат признаки тяжкого или особо тяжкого преступления против государственной власти, общественной безопасности и общественного порядка (например, лица, создавшего террористическую организацию – ст. 205.4 УК РФ), сотрудник полиции применить огнестрельное оружие не может.

Одним из наиболее распространенных оснований применения оружия сотрудниками полиции является необходимость остановки транспортного средства путем его повреждения, если управляющее им лицо отказывается выполнить неоднократные требования сотрудника полиции об остановке и пытается скрыться, создавая угрозу жизни и здоровью граждан. По данному основанию оружие применяется наиболее часто, а сама ситуация довольно понятна. Однако следует обратить внимание на следующие аспекты:

– оружие в данном случае применяется не на поражение управляющего им лица, а для повреждения автомобиля (преимущественно стрельба ведется только по колесам);

– применению оружия должно предшествовать неоднократное требование об остановке;

– движение автомобиля создает угрозу жизни и здоровью граждан;

– при применении оружия в таких условиях необходимо учитывать степень опасности поражения третьих лиц рикошетом или в результате случайного промаха.

Такие ситуации следует отличать от ситуаций, когда из уходящего от преследования автомобиля начинает вестись огонь по сотрудникам полиции; управляющее автомобилем лицо пытается совершить наезд на сотрудников полиции или иных лиц; получена информация, что управляющее автомобилем лицо было застигнуто при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления или совершило побег из-под стражи.

В этом случае применению подлежат соответствующие пункты ч. 1 ст. 23 Закона «О полиции». Следует отметить, что при движении преступников на автомобиле применение пунктов ч. 1 ст. 23 Закона «О полиции» встречается крайне редко. Регулярно проводимые на занятиях опросы и представляемые для решения задачи, где преступник использует автомобиль как орудие нападения, иллюстрируют, что действующие сотрудники полиции готовы в подобных ситуациях использовать огнестрельное оружие для остановки транспортного средства, однако забывают о предоставленном законом праве применения оружия для поражения управляющего автомобилем лица (конечно, при соблюдении принципа минимизации ущерба и запрета на применение оружия в ситуации, когда могут пострадать посторонние лица, например, пассажиры данного автомобиля).

Раскрывая содержание и порядок применения оружия в ситуациях, связанных с передвижением нарушителя закона на автотранспорте, целесообразно вспомнить об уголовном деле в отношении старшего лейтенанта полиции

Игоря Антонова, который был осужден за превышение должностных полномочий, выразившееся в смертельном ранении 26 августа 2012 г. ранее судимого, находившегося в нетрезвом состоянии гражданина Узбекистана Ашота Малинцева. Применению оружия предшествовало то, что водитель преследуемого Антоновым автомобиля не выполнил неоднократные требования об остановке, опасно маневрировал, создавая угрозу другим участникам дорожного движения. Данные обстоятельства однозначно давали основание на применение оружия в соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 23 Закона «О полиции» для остановки транспортного средства. Однако кроме названных обстоятельств имели место факты неоднозначных ситуаций, когда жизнь и здоровье окружающих ставились в реальную опасность. Так, был совершен наезд на остановочный комплекс, где находились люди, которые не пострадали лишь по счастливой случайности. После совершения наезда на остановочный комплекс водитель, продолжая опасно маневрировать, на большой скорости стал двигаться в сторону центра Москвы. Из совокупности событий ясно, что в момент преследования сотруднику полиции не было известно, пострадали ли люди на той остановке, куда был совершен наезд нарушителем и, соответственно, имеются ли признаки тяжкого преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 264 УК РФ; был ли этот наезд совершен по неосторожности или умышленно; был ли за рулем этого автомобиля террорист, стремящийся совершить преступление, подобное теракту в Ницце, и т. д. Все перечисленные обстоятельства дают основание на применение оружия в соответствии с ч. 1 ст. 23 Закона «О полиции», то есть на поражение водителя. На наш взгляд, применение оружия для поражения водителя в данном случае соответствовало принципу минимизации ущерба, так как это позволило спасти множество жизней.

Раскрывая порядок применения оружия сотрудниками правоохранительных органов, следует обратить внимание на следующий аспект. Согласно ч. 6 ст. 23 Закона «О полиции» сотрудник полиции не имеет права применять огнестрельное оружие при значительном скоплении граждан, если в результате его применения могут пострадать случайные лица. В то же время аналогичные нормы законов «О ФСБ» и «О Росгвардии» предусматривают исключения из этого правила. В частности, исключения составляют случаи применения огнестрельного оружия в целях предотвращения (пресечения) террористического акта, освобождения заложников, отражения группового вооруженного нападения на критически важные и потенциально опасные объекты или объекты, здания, помещения, сооружения органов государственной власти, а также отражения группового или вооруженного нападения на специальные грузы, сооружения на коммуникациях, охраняемые войсками национальной гвардии, и на собственные объекты войск национальной гвардии. Лишение сотрудника полиции возможности применить оружие при скоплении граждан для пресечения теракта, освобождения заложников, отражения группового вооруженного нападения на критически важные и потенциально опасные объекты способно привести к серьезным негативным последствиям, в связи с чем представляется нам необоснованным.

Проводя сравнительно-правовой анализ норм об основаниях и порядке применения оружия, представляет интерес изучение зарубежного опыта в данной сфере. При этом внимание следует обратить на близкие нашей стране по правовой культуре, ментальности, историческому опыту страны, в частности, такие как Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан.

Так, например, ст. 29 Закона Республики Беларусь 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – закона Республики

Беларусь «Об ОВД») закрепляет право сотрудника органов внутренних дел на применение оружия, то есть на производство выстрела (выстрелов) из него, в отношении лица, совершающего нападение, сопряженное с использованием транспортных средств, машин или механизмов. То есть законодатель в данном случае прямо указывает на возможность применения оружия не для остановки транспортного средства (хотя такое право также предусмотрено), а именно для поражения лица, совершающего нападение с помощью транспортного средства. На практике может возникнуть проблема определения того, совершает ли водитель нападение с помощью автомобиля либо аварийно-опасно маневрирует, пытаясь уйти от преследования. На наш взгляд, этот вопрос должен решаться исходя из конкретной обстановки и совокупности данных. При этом все сомнения должны трактоваться в пользу обеспечения безопасности широкого круга лиц, а не того лица, которое находится за рулем источника повышенной опасности.

Абзац 5 ч. 1 ст. 29 Закона Республики Беларусь «Об ОВД» в отличие от российского законодательства сужает возможность применения оружия для задержания лица, застигнутого при совершении преступления. Так, указанная норма предоставляет возможность применения оружия только в том случае, если для того чтобы скрыться лицо применяет оружие (угрожает применением), взрывчатое вещество, взрывное устройство или другие предметы, представляющие опасность для жизни или здоровья сотрудника органов внутренних дел или иных граждан. Последнее подпадает под основания применения оружия, предусмотренные в абзацах 2 и 3 ч. 1 указанной статьи. В связи с этим в данной части российский закон представляется более удачным.

В части гарантий личной безопасности сотрудника органов внутренних

дел ст. 29 Закона Республики Беларусь «Об ОВД» предусматривает в качестве основания для применения оружия действия лица, направленные на то, чтобы достать что-либо из одежды или ручной клади либо иные действия, которые могут быть истолкованы сотрудником органов внутренних дел как угроза применения насилия, опасного для жизни или здоровья. Подобная формулировка усиливает защищенность сотрудника, что представляется нам обоснованным.

Позитивным представляется опыт Республики Казахстан и Республики Кыргызстан, где приняты единые законы для всех структур правоохранительной направленности. Так, в Республике Кыргызстан это Закон от 25 июля 2019 г. № 102 «О прохождении службы в правоохранительных органах Кыргызской Республики», а в Республике Казахстан – Закон от 6 января 2011 г. № 380-IV «О правоохранительной службе». Законодатель указанных стран, учитывая схожесть реализуемых функций и решаемых задач в сфере охраны правопорядка и борьбы с преступностью, установил единые требования для разных служб правоохранительной направленности.

Представляет интерес п. 6 ч. 1 ст. 46 указанного закона Республики Кыргызстан, который в качестве самостоятельного основания для применения оружия предусмотрел необходимость отражения нападения на лиц, охрана которых поручена сотрудникам, когда их жизнь или здоровье подвергаются опасности. Учитывая специфику несения службы сотрудниками подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, данный шаг законодателя Республики Кыргызстан стоит приветствовать.

Как видно из проведенного сравнительно-правового анализа, для сотрудников правоохранительных органов, выполняющих во многом схожие функции по охране общественного порядка и безопасности, обеспечению прав

граждан, установлены различные, необоснованные объективной потребностью основания и порядок применения оружия. В связи с изложенным имеется необходимость внесения изменений в ст. 23 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» в части исключения дискриминационных положений, необоснованно ограничивающих право на применение оружия сотрудниками полиции. В частности, предлагается внести следующие изменения в ст. 23 Закона «О полиции»:

- в п. 2 ч. 1 слова «состоящими на вооружении (обеспечении)» исключить;
- п. 3 ч. 1 дополнить словами: «пресечения террористических актов»;
- п. 4 после слова «собственности» дополнить словами «государственной

власти, общественной безопасности и общественного порядка»;

– ч. 6 дополнить словами «за исключением случаев применения огнестрельного оружия в целях предотвращения (пресечения) террористического акта, освобождения заложников, отражения группового вооруженного нападения на критически важные и потенциально опасные объекты или объекты, здания, помещения, сооружения органов государственной власти».

Полагаем, что внесение указанных изменений будет способствовать повышению эффективности решения стоящих перед органами внутренних дел задач и усилению гарантий личной безопасности сотрудников полиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 853/11, МВД России № 5 от 25.12.2018 // СПС «КонсультантПлюс».

© Носков О. С.

УДК [351.745.07+352.07]:351.761.3(470)

А. Р. ТАБАКОВ, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа)

A. R. TABAKOV, Head of the Chair of Operative Crime Detection Activities in the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Ufa)

И. В. ШАБЕТЯ, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

I. V. SHABETYA, Assistant Professor of the Chair of Operative Crime Detection Activities in the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Law (Ufa)

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА РАЙОННОМ УРОВНЕ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ АНТИНАРКОТИЧЕСКИХ КОМИССИЙ**

**INTERACTION OF TERRITORIAL BODIES
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA
AT THE DISTRICT LEVEL AND MUNICIPAL ANTI-DRUG COMMISSIONS**

***Аннотация.** В статье рассматриваются практические проблемы деятельности муниципальных антинаркотических комиссий, правовая регламентация и формы взаимодействия территориальных органов МВД России на районном уровне с представительными межведомственными комиссиями на муниципальном уровне. На основе изучения значительного объема практических результатов деятельности муниципальных антинаркотических комиссий и участия в их составе представителей территориальных органов внутренних дел на районном уровне определены наиболее распространенные проблемы, возникающие в указанной сфере, проведён анализ причин и условий, способствовавших их возникновению. Это позволило авторам выразить рекомендации по нейтрализации проблем, возникающих в связи разрешением задач, поставленных перед руководящим составом органов внутренних дел. Представлены обоснованные предложения по изменению нормативных правовых актов.*

***Ключевые слова и словосочетания:** муниципальная комиссия, антинаркотическая комиссия, организация взаимодействия, территориальные органы, представительные органы, муниципальное образование, антинаркотическая программа, оперативно-профилактическая операция, профилактика потребления, эффективность деятельности.*

Annotation. *The article discusses the practical problems of the activities of municipal anti-drug commissions, the legal regulation and the forms of interaction between the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the district level with the representative interdepartmental commissions at the municipal level. Based on the study of a considerable volume of practical results of activities of the municipal antinarcotics commissions and participation in their composition the representatives of the territorial agencies of the Internal Affairs bodies at the district level the most common problems arising in this area are defined, as well as the analysis of the causes and conditions contributing their occurrence. This allowed the authors to express the recommendations of neutralizing the problems arising in connection with the resolution of the tasks set in front of the leadership of the Internal Affairs bodies. Reasonable proposals for changes in regulatory legal acts are presented.*

Keywords and phrases: *municipal commission, anti-drug commission, organization of interaction, territorial bodies, representative bodies, municipal formation, anti-drug program, operational and preventive operation, consumption prevention, activity efficiency.*

Работа представительных межведомственных комиссий на муниципальном уровне является ярким индикатором организации оперативного реагирования органов низового управленческого уровня на наиболее значимые практические проблемы в общественной жизни. Как подчеркнул Президент Российской Федерации В. В. Путин 8 ноября 2013 г. в ходе встречи с делегатами Всероссийского съезда муниципальных образований: «Сегодня принципиальное значение имеет качество и действенность реализации государственной политики на местах, именно поэтому государственная власть и власть муниципальная обязаны работать как единая команда. Федеральный центр, региональные органы власти и каждое из более чем двадцати трёх тысяч муниципальных образований нашей страны – и крупные городские округа и малые сельские поселения – должны работать как единая система» [1].

В этой связи представляется актуальным анализ деятельности муниципальных антинаркотических комиссий. Именно представители федеральных (прокуратура, территориальные органы МВД России, Росгвардия, Министерства по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям России и др.) и муниципальных (в составе комиссий, как правило, представлена вся социальная сфера муниципалитетов – органы управления

образованием, здравоохранением, культурой, молодежной политикой, физической культурой и спортом, социальным развитием, а также представители комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав) органов управления образуют оперативный штаб антинаркотической политики в районах и городах. Основными функциями такого объединения являются мониторинг ситуации и контроль за процессами противодействия незаконному распространению наркотических средств и психотропных веществ.

Система представительных органов в этой сфере вертикально ориентирована. На федеральном уровне указанные полномочия осуществляет государственный антинаркотический комитет, образованный 18 октября 2007 г. в соответствии с указом Президента Российской Федерации № 1374 [2]. В качестве целей создания заявлена координация деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления муниципальных образований в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также совершенствование государственного управления в данной сфере деятельности. На уровне субъектов созданы областные,

краевые и республиканские антинаркотические комиссии [3]. В 2018 г. на территории Республики Башкортостан действовали 63 муниципальных программы по противодействию злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту [4].

Анализ публикаций, посвященных организации деятельности муниципальных антинаркотических комиссий [5], свидетельствует о несформированности единого практико-ориентированного подхода к этому направлению, сказанное относится как к комплексным исследованиям функционирования муниципальных антинаркотических комиссий, так и организации взаимодействия с ними территориальных органов внутренних дел на районном уровне. В 2017 году впервые при Государственном антинаркотическом комитете создана межведомственная рабочая группа по вопросу оценки эффективности деятельности антинаркотических комиссий в субъектах РФ. Функциями межведомственной комиссии являются не только проверка и анализ работы антинаркотических комиссий, но и оказание им практической помощи. Вместе с тем следует признать, что деятельность рабочей группы ориентирована на региональный уровень, и в оценке эффективности деятельности муниципальных комиссий представители группы практически не принимают участия.

Упразднение в 2016 году Федеральной службы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и передача их полномочий соответствующим подразделениям МВД России повлекли изменение правового регулирования полномочий территориальных органов МВД России на районном уровне в указанной сфере, одним из которых является организация взаимодействия с муниципальными антинаркотическими комиссиями. В деятельности антинаркотических комиссий муниципальных образований на постоянной основе принимает участие начальник территориального органа МВД России на районном

уровне (либо лицо его замещающее) в качестве заместителя председателя комиссии. Так, во исполнение п. 1.5 протокола заседания Антинаркотической комиссии Республики Башкортостан от 26.12.2016 № 43 руководители территориальных органов внутренних дел включены в состав муниципальных антинаркотических комиссий в качестве заместителей председателей антинаркотических комиссий.

В соответствии с положениями ст. 10 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 18.07.2019) «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции»), полиция при осуществлении своей деятельности взаимодействует с муниципальными органами, общественными объединениями, организациями и гражданами, может использовать их возможности в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, в пределах своих полномочий оказывает им содействие в обеспечении защиты прав и свобод граждан, соблюдения законности и правопорядка, а также оказывает поддержку развитию гражданских инициатив в сфере предупреждения правонарушений и обеспечения правопорядка.

Принимая во внимание, что ФЗ «О полиции» прямо не обязывает должностных лиц территориальных органов МВД России на районном уровне согласовывать свои действия с администрациями муниципальных образований, реалии обеспечения правопорядка во многих случаях требуют совместного, взаимного участия в решении конкретных правоохранительных задач. Подпункт 34 п. 10 Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне, утвержденного приказом МВД России от 05.06.2017 № 355, устанавливает, что территориальный орган, реализуя на территории обслуживания задачи и полномочия органов внутренних дел, участвует в пределах компетенции в разработке и реализации муниципальных программ в установлен-

ной сфере деятельности. Вместе с тем аналогичные полномочия для руководителя территориального органа МВД России на районном уровне, предусмотренные подп. 5 п. 10 приказа МВД России от 05.06.2017 № 355, предполагают реализацию указанным субъектом решений антитеррористической комиссии и оперативного штаба в соответствующем субъекте Российской Федерации. Представляется целесообразным дополнение перечня полномочий по реализации решений межведомственных комиссий соответствующим указанием антинаркотической комиссии. Подпункт 13 п. 10 приказа МВД России от 05.06.2017 № 355 в обязанности руководителя территориального органа МВД России на районном уровне включает обеспечение в части, касающейся органов внутренних дел, реализации мероприятий, предусмотренных муниципальными программами.

Основу работы по противодействию незаконному обороту наркотиков в муниципальных образованиях составляют соответствующие программы и подпрограммы. Координация плана работы территориального органа МВД России на районном уровне в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ с учетом основных направлений деятельности, предусмотренных муниципальной программой и решениями антинаркотической комиссии, доведение до сведения личного состава решений, принимаемых на заседаниях антинаркотической комиссии, а также результатов её работы должны стать нормальной практикой, способствующей оперативному планированию работы территориального органа МВД России по противодействию незаконному распространению наркотических средств и психотропных веществ.

Как правило, предусматривается 3 основных направления реализации мероприятий программы. Первое направление – профилактика наркопотребления,

предполагающая популяризацию здорового образа жизни, профилактику наркопотребления в учреждениях образования и массового досуга, координацию деятельности общественных объединений, религиозных конфессий в сфере антинаркотической работы, использование потенциала средств массовой информации, раннее выявление незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ (социально-психологическое тестирование обучающихся), анализ мониторинга наркоситуации; второе – работа в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ; третье – работа в сфере медико-социальной помощи населению, включающая анализ качества функционирования системы оказания специализированной наркологической помощи, реализацию мер по мотивации наркозависимых лиц на прохождение реабилитации и ресоциализации.

Деятельность представителей территориальных органов МВД России на районном уровне в составе муниципальных антинаркотических комиссий должна быть ориентирована на выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений и правонарушений в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Приоритетами в такой работе должны стать получение информации о структуре местного рынка незаконного оборота наркотиков (особое внимание должно быть уделено фактам распространения на территории наркотических средств синтетического производства), ориентирование всех членов антинаркотических комиссий и подчиненных им учреждений на оказание помощи в выявлении признаков сбыта с использованием сети «Интернет» и почтовых каналов связи. Значительную помощь в этой работе способны оказать лица и организации, содействующие направлениям работы муниципальной антинаркотической

комиссии (волонтеры, отряды студенческого правопорядка и т. д.)

Следующим направлением должен стать анализ социальных условий на территории муниципалитета, которые оказывают влияние на наркоситуацию (высокая дифференциация среднемесячной заработной платы в различных секторах экономики и, как следствие, расслоение населения по уровню жизни, уровень безработицы среди населения, характеристики криминальной пораженности). В качестве примеров следует назвать тенденции вовлечения иностранных граждан в совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в том числе с контрабандой последних на фоне продолжающегося роста миграционных потоков, наличие собственной растительно-сырьевой базы, способствующей распространению наркотиков растительного происхождения из местного сырья. Наличие исправительных учреждений ФСИН России, в которых наряду с другими осужденными отбывают наказание лица, совершившие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Вместе с тем следует критически оценить практику включения в антинаркотические программы муниципальных образований мероприятий, вся деятельность в рамках которых осуществляется сотрудниками органов внутренних дел и предусмотрена ведомственными организационно-распорядительными документами. В качестве примера можно привести включение в муниципальные программы обязанности проведения оперативно-профилактических операций, при этом в программах ряда муниципалитетов предусмотрена реализация оперативно-профилактических операций, которые уже несколько лет не проводятся правоохранными органами (как правило, это операции «Допинг», «Конопля» и т. д., проводившиеся ранее упраздненными подразделениями Фе-

деральной службы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ).

Подводя итог, следует акцентировать внимание на понимании того, что взаимодействие территориальных органов МВД России на районном уровне и муниципальных антинаркотических комиссий требует значительного усиления эффективности, основными направлениями которого должны стать активное участие представителей территориальных органов МВД России в планировании работы антинаркотической комиссии в муниципальном районе, участие в подготовке материалов к заседаниям, контроль за деятельностью и порядком реализации результатов работы комиссии, а также организация взаимодействия со СМИ.

В рамках практической реализации полномочий начальника территориального органа МВД России на районном уровне целесообразно обратить внимание на следующие направления, позволяющие оперативно планировать и координировать работу территориального органа МВД России по противодействию незаконному распространению наркотических средств и психотропных веществ: комплексное привлечение сил и средств, участие в подготовке и проведении заседаний не только сотрудников оперативных подразделений в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, но и участковых уполномоченных, представителей подразделений по делам несовершеннолетних, отделений информации и общественных связей; координация планирования работы территориального органа МВД России на районном уровне в указанной сфере с учетом основных направлений деятельности, предусмотренных муниципальной программой и решениями антинаркотической комиссии; доведение до сведения личного состава решений, принимаемых на заседаниях антинаркотической комиссии, а также результатов её работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19585> (дата обращения: 27.09.2019).
2. О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров: указ Президента РФ от 18.10.2007 № 1374 (ред. от 11.10.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Доклад о наркоситуации в Республике Башкортостан в 2018 году. Антинаркотическая комиссия Республики Башкортостан. Уфа: Здоровоохранение Башкортостана, 2019. 192 с.
4. Муниципальные антинаркотические комиссии: проблемы и решения: методические инструкции / Ю. В. Крупнов [и др.]. М., 2015.
5. Понукарина Е. С. Органы местного самоуправления как субъекты правоохранительной деятельности (на примере деятельности муниципальных антинаркотических комиссий на территории Хабаровского края) // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 2. С. 29–34.

© Табаков А. Р.

© Шабета И. В.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО**

УДК 340.1(470)

К. А. ВАСИЛЬКОВ, *следователь отдела по расследованию дорожно-транспортных происшествий Следственного управления Управления МВД России по г. Барнаулу (г. Барнаул)*

K. A. VASILKOV, *Investigator of the Traffic Accident Investigation Department of the Investigative Department of the Interior Ministry of Russia in Barnaul (Barnaul)*

**КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ПРЕВЕНЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ
РОССИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

**THE CATEGORICAL ESSENCE OF PREVENTION IN THE RUSSIAN CIVIL LAW:
ISSUES OF THEORY AND PRACTICE**

***Аннотация.** Автор анализирует категориальную сущность превенции в области гражданского права Российской Федерации. В основу анализа легли фундаментальные выводы науки цивилистики и правоведения, а также практика реализации гражданско-правовых норм. Кроме того, в ключе поставленной цели – доказать существование превенции как правовой категории, акцент сделан на исследовании гражданско-правовых функций, ответственности и правовых предписаний. В заключении автор приходит к выводу о том, что признаки превенции как правовой категории просматриваются в отрасли гражданского права ярко и недвусмысленно, что дает новую почву для научных изысканий.*

***Ключевые слова или словосочетания:** превенция, гражданско-правовая функция, норма гражданского права, правовая категория, категориальная сущность, гражданское право.*

Annotation. The author analyzes the categorical essence of prevention in the field of Civil Law of the Russian Federation. The analysis is based on the fundamental conclusions of the Civil Law and Legal Science, as well as the practice of implementing of Civil Law norms. In addition, to achieve the goal to prove the existence of prevention as a legal category the emphasis is made on the study of civil and law functions, responsibilities and legal requirements. Finally, the author concludes that the features of prevention as legal category can be seen clearly in the branch of Civil Law, which provides new ground for a scientific research.

Keywords and phrases: prevention, a civil and law function, a Civil Law norm, a legal category, categorical entity, Civil Law.

Гражданско-правовые отношения на современном этапе без преувеличения являются основными и играют важную роль в формировании правовой культуры и социализации человека. Проблема правосознания большинства граждан РФ, а именно его переход в различные деформированные формы (правовой нигилизм, правовой инфантилизм, перерождение сознания и др.) во многом предопределяет и детерминирует значимость превенции как механизма «предвосхищающего недопущения» нарушений в самых различных отраслях права. При этом в тех из них, которые относят к публичным, превенция рассматривается как привычная категория, неразрывно сопровождающая деятельность субъектов соответствующих общественных отношений.

Специфика гражданского права, определяемая добровольностью, равенством сторон и возможностью защиты нарушенного права различными методами, не предполагает прямого указания на важность предупредительных мер. Однако не вызывает сомнений то, что предотвращение нарушений гражданско-правового толка является необходимым условием нормального осуществления гражданского оборота. Определенные алгоритмы действий участников гражданско-правовых отношений, закрепленные как законодательно, так и в рамках, например, договоров, носят явно предупредительный характер и могут рассматриваться как проявление действия категории превенции в указанной отрасли. Аргументируем свою позицию.

Во-первых, превенция в гражданской отрасли частного права ранее неодно-

кратно являлась предметом научных исследований, однако она рассматривалась не обобщенно, а через призму функционального назначения гражданско-правового регулирования (как отраслевого, так и межотраслевого). Гражданско-правовая функция в понимании В. А. Рыбакова – это «обусловленное товарно-денежной формой и задачами государства воздействие гражданско-правовых норм на имущественные отношения и связанные с ними личные неимущественные отношения в определенных направлениях» [1, с. 128]. Мы согласны с мнением профессора, поскольку оно представлено с учетом специфики предмета правового регулирования. Тем не менее есть ученые, которые в своих работах прямо не отражают, но поддерживают такую трактовку относительно анализа понятия функции права в целом [2, с. 121–127; 3, с. 13–14], равно как есть и те, кто высказывают иную позицию [4, с. 24–27; 5, с. 188].

Относительно превентивного направления И. В. Москаленко пишет, что «превентивные функции гражданского права должны рассматриваться как набор юридического инструментария, посредством которого оказывается необходимое воздействие на волевое поведение участников общественных отношений» [8, с. 7–9]. Раскрывает понятие превентивных функций гражданского права И. В. Москаленко через «совокупность приемов и способов воздействия на общественные отношения, а именно через такие юридические средства, как дозволение, обязывание и запрет» [6, с. 7]. А. Я. Рыженков указывает, что граждан-

скому праву присущи превентивная и карательная функции, говоря про них, что в «рамках гражданского права карательная функция проявляется в виде такого наказания, как выплата неустойки сверх причиненных убытков, либо применение последствий недействительных сделок, а превентивная функция является подфункцией воспитательной, осуществляя меры профилактики правонарушений» [7, с. 44–49].

В свою очередь Т. В. Каравай выделяет охранительную функцию в гражданском праве, но вкладывает в неё также превентивный смысл, отмечая, что она «выражается в воздействии права на поведение людей путем установления запретов, однако также предполагает и использование обязывающего способа воздействия права» [2, с. 126]. Все вышеприведенные мнения в части верны, и, развивая наше исследование, мы поддерживаем А. Я. Рыженкова в том, что «функции гражданского права закономерно связаны с задачами, стоящими перед Российским государством, а следовательно, с функциями государства» [7, с. 44]. Однако следует внести точечную ремарку, отметив, что превенция в современном множестве правовых норм хоть и ставится в зависимость от конкретной отрасли права относительно выбора приемов и средств предупредительно-профилактического воздействия, однако должна рассматриваться как правовая категория, нечто обобщенное и проникающее в каждую отрасль, и, следовательно, логичнее выделять функции самой превенции как правовой категории (охранительную, карательную, воспитательную – в зависимости от стадии предупреждения), а не превентивную функцию в рамках какой бы то ни было отрасли права, в том числе гражданского.

Во-вторых, превенцию в анализируемой отрасли можно увидеть через ответственность. Другими словами, возможность привлечения лица к гражданско-правовой ответственности уже пси-

хологически, а в случае её наступления фактически влияет на формирование позиции уважения прав участников гражданских правоотношений и соблюдения отдельных императивных норм данной отрасли. Сам по себе указанный вид ответственности в науке гражданского права определяется неоднозначно. Одни ученые характеризуют его как позитивную ответственность, под которой понимают строгое осуществление всех обязанностей [8, с. 371], другие определяют как регулирующую обязанность давать отчет в своих действиях [9, с. 1008]. Некоторые убеждены, что гражданско-правовая ответственность наступает только путем обращения участников в судебные инстанции [10, с. 137], равно как существуют и противоположные суждения [11, с. 3]. Вместе с тем в настоящее время в области цивилистики идут дискуссии относительно понятия «гражданское правонарушение» [12, с. 76–79] и того, что оно является основанием наступления рассматриваемого вида ответственности. Во всяком случае основополагающим моментом определения категориальной сущности превенции в области гражданского права является установление целей такой ответственности, а не её признаков.

В этой связи отметим, что отдельные ученые выделяют важнейшей целью гражданско-правовой ответственности «восстановление имущественного положения потерпевшей стороны от противоправных действий» [13, с. 256], одновременно указывая, что «данный вид ответственности не имеет своей основной целью применение карательного умысла, значит, не преследует цели наказания привлекаемого к ответственности лица, так как воздействует на имущественную сферу правонарушителя, а не на его личность» [13, с. 256]. Мы полагаем, что в условиях современного капиталистического строя общества имущественное положение человека является одним из основных, и вмешательство в его изменение в виде претерпевания не-

благоприятных для лица имущественных последствий воздействует и на личность правонарушителя.

Другими словами, превенция в гражданском праве проявляется так же, как и во многих остальных – через юридическую ответственность. Поскольку это основной стимул формирования и поддержания правопослушного поведения, в отрасли гражданского права она проявляется не только в этом и, учитывая особенности, во многом превосходит иные отрасли благодаря своему методу правового регулирования и отдельным нормам. Таким образом, отталкиваясь от данных рассуждений, можно сделать вывод о том, что предупредительно-профилактическое воздействие оказывается на этапе как привлечения лица к гражданско-правовой ответственности, так и после наступления неблагоприятных последствий.

В-третьих, мы убеждены в том, что напрямую превенция в гражданском праве выражается через нормативные предписания (нормы права). Рассмотрим конкретные примеры норм, имеющих своим назначением профилактику противоправного поведения участников гражданских правоотношений. Затрагивая конститутивные положения, остановимся на целевом назначении ст. 10 ГК РФ «Пределы осуществления гражданских прав». Несмотря на то, что суть рассматриваемых отношений предполагает добросовестность и разумность действий их участников, законодателем раскрывается ряд последствий в случае нарушения установленных правил: п. 1 указанной статьи устанавливается постулат о недопустимости осуществления гражданских прав в обход закона с противоправной целью или лишь для нанесения вреда иному лицу [14].

Предупреждение, заложенное в рассматриваемой норме, призывает людей выстраивать взаимодействие с учетом данного требования. Здесь же закладывается неотвратимость наступления ответственности при нарушении названных

выше положений: «В случае несоблюдения требований, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи, суд, Арбитражный суд или Третейский суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом» [14]. Так, в ситуации, когда злоупотребление правом вызвало нарушение права иного индивида, последний правомочен требовать возмещения причиненных ему убытков. Кроме того, предупредительно-профилактическое воздействие только на концептуальных нормах гражданского права не заканчивается, наоборот, отдельные специальные алгоритмы действий предусматривают эффективные превентивные возможности. Раскроем данный тезис на примере ст. 1065 ГК РФ «Предупреждение причинения вреда».

Приведем выдержку из исследования А. В. Климовича, который пишет, что «вопреки своему расположению в гл. 59 ГК РФ «Обязательства вследствие причинения вреда» ст. 1065 посвящена, прежде всего, предотвращению будущего вреда – в тех случаях, когда чья-либо деятельность создает реальную опасность его наступления» [15, с. 75]. То есть данная норма предполагает чистую превенцию, поскольку общее предупреждение уже действует, но правонарушение еще не произошло. Одновременно А. В. Климович указывает, что «обязательства по предупреждению вреда не могут быть отнесены к мерам ответственности» [15, с. 75]. Мы поддерживаем это мнение и полагаем, что в данном случае ответственность в том виде, в каком она представлена в науке цивилистики и праве, не наступает, поскольку не формирует необходимых оснований для таковой. Однако есть ученые, которые не согласны, что норма ст. 1065 ГК РФ не относится к мерам ответственности [16, с. 799].

Проанализируем подробнее норму ст. 1065 ГК РФ. Она закрепляет в себе

правило, согласно которому «опасность причинения вреда в будущем может явиться основанием к иску о запрещении деятельности, создающей такую опасность» [17]. Опасность должна быть реальной, т. е. предполагать неизбежность наступления вреда в будущем при сохранении характера рассматриваемой деятельности и сопровождающих условий ее осуществления. Эта реальность требует убедительного подтверждения прежде всего соответствующими специалистами и экспертами [15, с. 75]. Данная превентивная возможность успешно реализуется на практике.

Приведем несколько судебных precedентов. Так, в 2019 году в Советский районный суд г. Красноярск обратился Министерство лесного хозяйства Красноярского края с иском к С. И. Мельникову о возложении обязанности по устранению нарушений лесного законодательства. Требования мотивированы тем, что на основании договора аренды ответчик использует земельный участок, общей площадью 0,327 га, расположенный на территории, подведомственной КГБУ «Емельяновское лесничество», в целях осуществления рекреационной деятельности. Согласно сведениям о результатах осмотра на используемом лесном участке пункт сосредоточения противопожарного инвентаря ответчиком не укомплектован в полном объеме, а именно: отсутствуют лопаты (7 шт.), ранцевые лесные огнетушители (2 шт.), средства и оборудования, необходимые для тушения лесных пожаров, что влечет неготовность арендатора к тушению пожара и при возникновении угрозы уничтожения огнем значительной площади лесного фонда может повлечь переход лесных пожаров на населенные пункты.

В результате рассмотрения указанного иска со ссылкой на ст. 1065 ГК РФ суд обязал С. И. Мельникова доукомплектовать пункт сосредоточения противопожарного инвентаря в течение месяца с момента вступления решения суда в за-

конную силу [18]. Несмотря на то, что его деятельность не запретили, как предполагает норма ст. 1065, суд принял меры предупредительно-профилактического характера, тем самым предотвратив возможные неблагоприятные последствия.

Существуют и другие примеры, когда суд прямо запрещает заниматься определенным видом деятельности. Так, Камышинский городской прокурор Волгоградской области в порядке ст. 39 КАС РФ обратился в суд с административным иском к физическому лицу о прекращении действия права управления транспортными средствами в защиту интересов неопределенного круга лиц. В ходе проведенной прокурорской проверки исполнения законодательства о безопасности дорожного движения было установлено, что в ОГИБДД МО МВД России «Камышинский» данному лицу было выдано водительское удостоверение, на основании которого он вправе управлять транспортными средствами соответствующей категории. При этом, по информации филиала Камышинского филиала ГБУЗ «Волгоградская областная клиническая психиатрическая больница», административный ответчик состоит на диспансерном учете. Ссылаясь на положение ст. 28 ФЗ «О безопасности дорожного движения», прокурор просил суд прекратить действие права вышеуказанного лица на управление транспортными средствами с момента вступления решения суда в законную силу до прекращения диспансерного наблюдения в связи со стойкой ремиссией (выздоровлением).

Судом иски были удовлетворены в полном объеме со ссылкой на ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства,

а также на основании ст. 1065 ГК РФ, согласно которой опасность причинения вреда в будущем может явиться основанием к иску о запрещении деятельности, создающей такую опасность [19]. На практике данные ситуации встречаются довольно часто [18, 20–24]. Прецедент показывает, что норма ст. 1065 ГК РФ имеет универсальный характер.

Помимо уже указанных предупредительных норм, которые мы проанализировали, можно привести еще много подобных примеров. Это такие статьи ГК РФ, как 167 «Общие положения о последствиях недействительности сделки», 329 «Способы обеспечения исполнения обязательств», 393 «Обязанность должника возместить убытки», 453 «Последствия изменения и расторжения договора», и даже отдельная глава 59 «Обязательства вследствие

причинения вреда». Вся это общность гражданско-правовых норм призвана осуществлять предупредительно-профилактическую деятельность как общего, так и частного характера в рамках гражданского права.

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно сделать недвусмысленный вывод о том, что превенция в гражданском праве проявляется на таком же уровне, как, к примеру, в уголовном и административном, только с учетом особенностей предмета и метода правового регулирования, и выражается посредством гражданско-правовой ответственности и превентивных норм. Сказанное еще раз подчеркивает универсальность, всесторонность и всеобщность превенции как правовой категории в современном российском правовом поле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыбаков В. А. Функции гражданско-правового регулирования (общетеоретические и воспитательные аспекты): монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001. 128 с.
2. Каравай Т. В. Понятие и виды функций гражданского права. Вестник Омского университета. Серия право. 2016. № 2. С. 121–127.
3. Краснова С. А. Защита права собственности и иных вещных прав посредством восстановления владения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2007. 27 с.
4. Радько Т. Н. Основные функции социалистического права. Волгоград, 1970. 142 с.
5. Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права. Л.: Изд-во Ленинградского государственного университета, 1965. 188 с.
6. Москаленко И. В. Понятие превентивных функций в системе гражданского права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2. С. 7–9.
7. Рыженков А. Я. Функции гражданского права: вопросы теории // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 4. С. 44–49.
8. Алексеев С. С. Проблемы теории государства и права: учебное пособие. М., 2012. 392 с.
9. Абрамова Е. Н., Аверченко Н. Н., Байгушева Ю. В. Гражданское право: учебник: в 3 т. М.: РГ-Пресс, 2016. Т. 1. 1008 с.
10. Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юридическая литература, 1998. 224 с.
11. Устиненко Ю. Ю. Понятие и признаки гражданско-правовой ответственности // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 7. С. 1–4.
12. Чиндяскин Н. А. О месте понятия «состав гражданского правонарушения» в теории гражданского права // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 4. С. 76–79.
13. Юркина Д. С., Цокур Е. Ф. Формы и виды гражданско-правовой ответственности // Инновационная экономика. Перспективы развития и совершенствования. 2017. № 7. С. 252–257.

14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
15. Климович А. В. Обязательства по предупреждению причинения вреда в гражданском праве России // Сибирский юридический вестник. 2016. № 3. С. 75–80.
16. Ярошенко К. Б. Гражданское право России. Обязательственное право: курс лекций / отв. ред. О. Н. Садилов. М., 2004. 799 с.
17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.
18. Решение №№ 2-13084/2018, 2-1925/2019, 2-1925/2019(2-13084/2018);~М-9198/2018 М-9198/2018 от 17 января 2019 г. по делу № 2-13084/2018. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 31.07.2019).
19. Решение № 2А-276/2019 2А-276/2019~М-19/2019 М-19/2019 от 30 января 2019 г. по делу № 2А-276/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 31.07.2019).
20. Решение № 2А-100/2019 2А-100/2019~М-71/2019 М-71/2019 от 28 января 2019 г. по делу № 2А-100/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 31.07.2019).
21. Решение № 2А-1099/2019 2А-1099/2019~М-922/2019 М-922/2019 от 30 января 2019 г. по делу № 2А-1099/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 31.07.2019).
22. Решение № 2А-4305/2018 2А-460/2019 2А-460/2019(2А-4305/2018);~М-4028/2018 М-4028/2018 от 23 января 2019 г. по делу № 2А-4305/2018. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 31.07.2019).
23. Решение № 2А-8476/2018 2А-950/2019 2А-950/2019(2А-8476/2018);~М-7362/2018 М-7362/2018 от 24 января 2019 г. по делу № 2А-8476/2018. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 31.07.2019).
24. Решение № 2А-90/2019 2А-90/2019~М-7/2019 М-7/2019 от 28 января 2019 г. по делу № 2А-90/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 31.07.2019).

© Васильков К. А.

УДК 347.921.1(470)

О. В. ГРИГОРЬЕВ, юрист Компании «Первая Линия», кандидат юридических наук (г. Москва)

O. V. GRIGORIEV, Lawyer of the First Line Company, Candidate of Law (Moscow)

НОВОЕ В СУДЕБНОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ

NEW IN JUDICIAL REPRESENTATION

***Аннотация.** В статье представлены результаты комплексного анализа нормативных оснований и круга лиц, допускаемых в качестве представителей в административном судопроизводстве, арбитражном и гражданском процессе Российской Федерации. Особое внимание уделено порядку допуска представителей в судопроизводство в связи с изменениями в АПК РФ и ГПК РФ, в соответствии с которыми с 1 октября 2019 года представителем участника спора по доверенности может быть лишь лицо, имеющее высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Определяются виды образования и дипломов, дающих основания для допуска в качестве представителя, на основе анализа судебных решений сформулированы рекомендации о практической реализации изменений в законодательстве.*

Ключевые слова и словосочетания: участники административного судопроизводства, участники арбитражного процесса, участники гражданского процесса, представитель в судебном процессе, порядок допуска.

Annotation. The article presents the results of a comprehensive analysis of the regulatory basis and the circle of persons allowed as representatives in administrative proceedings, arbitration and civil proceedings of the Russian Federation. Particular attention is paid to the procedure for admission of representatives to legal proceedings in connection with changes in the agro-industrial complex of the Russian Federation and the civil procedure Code of the Russian Federation, according to which from October 1, 2019, only a person with a higher legal education or academic degree in a legal specialty can be a representative of a dispute by proxy. The types of education and diplomas that give grounds for admission as a representative are determined. Based on the analysis of court decisions, recommendations are formulated on the practical implementation of legislative changes.

Keywords and phrases: participants in administrative proceedings, participants in the arbitration process, participants in the civil process, a representative in the trial, admission procedure.

Представительство в суде – процессуальная деятельность, которая осуществляется от имени и в интересах лиц, участвующих в деле: сторон, третьих лиц, заявителей и иных заинтересованных лиц, прокурора, государственных органов, органов местного самоуправления и иных органов [1, с. 66; 2, с. 16–18; 3, с. 57].

1 октября 2019 года в арбитражном и гражданском процессе вступили в силу нормы, ограничивающие круг представителей участников судебного процесса. Ранее подобное ограничение содержалось только в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) [4], в ч. 1 ст. 55 которого прямо предусмотрено: «Представителями в суде по административным делам могут быть адвокаты и иные лица, обладающие полной дееспособностью, не состоящие под опекой или попечительством и имеющие высшее юридическое образование». АПК РФ [5] и ГПК РФ [6] до 1 октября 2019 года не содержали требований к наличию у представителей какого-либо образования. Так, согласно действовавшим до 1 октября 2019 года положениям АПК РФ и ГПК РФ представителями граждан, индивидуальных предпринимателей и организаций могли выступать:

– лица, являющиеся представителями в силу закона (родители, опекуны,

попечители на основании положений ч. 2 ст. 59 АПК РФ, ч. 1 ст. 52 ГПК РФ, доверительный управляющий имуществом безвестно отсутствующего в соответствии с ч. 2 ст. 52 ГПК РФ);

– органы юридического лица (единоличные исполнительные органы согласно ч. 4 ст. 59 АПК РФ, ч. 2 ст. 48 ГПК РФ, п. 1 ст. 69 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [7], п. 1 ст. 40 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [8] и пр.);

– представители ликвидационной комиссии в случае ликвидации организации (ч. 4 ст. 59 АПК РФ, ч. 2 ст. 48 ГПК РФ, п. 4 ст. 62 ГК РФ [9], п. 3 ст. 57 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», п. 3 ст. 21 Федерального закона «Об акционерных обществах» и пр.);

– представители, назначаемые судом (адвокат, в случае отсутствия представителя у ответчика, место жительства которого неизвестно, а также в других предусмотренных федеральным законом случаях в соответствии со ст. 51 ГПК РФ);

– адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица согласно ч. 3 ст. 59 АПК РФ, представители в соответствии с ч. 2 ст. 48 АПК РФ.

К представителям, действующим на основании доверенности, согласно ч. 6

ст. 59 АПК РФ, ст. 49 ГПК РФ до 1 октября 2019 года предъявлялись следующие требования:

1. Полная дееспособность (предполагается до момента получения судом, рассматривающим дело с участием представителя, доказательств его недееспособности или ограниченной дееспособности).

2. Наличие доверенности с соблюдением следующих особенностей:

– доверенность от организации выдается за подписью руководителя организации (единоличного исполнительного органа) и печати организации (в случае ее наличия) (ч. 5 ст. 61 АПК РФ, ч. 3 ст. 53 ГПК РФ);

– доверенность от гражданина (физического лица) должна быть удостоверена нотариально (ч. 7 ст. 61 АПК РФ), а в определенных случаях может быть удостоверена должностными и уполномоченными лицами организаций (учреждений), в которых работает, служит или находится доверитель (ч. 2 ст. 53 ГПК РФ, ст. 185.1 ГК РФ);

– доверенность от индивидуального предпринимателя должна быть им подписана и заверена его печатью. Поскольку данное требование не содержит оговорки о том, что заверение печатью производится в случае наличия печати у индивидуального предпринимателя (аналогичной оговорки, указанной в ч. 5 ст. 61 АПК РФ – о наличии печати у организации), то при отсутствии у индивидуального предпринимателя печати потребуется нотариальное заверение доверенности по правилам ч. 6 ст. 61 АПК РФ.

Кроме того, следует обратить внимание на необходимость прямого отражения в такой доверенности полномочий поверенного именно в качестве представителя индивидуального предпринимателя, поскольку для суда имеет существенное значение правильность отражения в доверенности правового статуса доверителя. Данное обстоятельство акцентировано, в частности, в определении Верховного Суда РФ от

30.10.2018 № 305-ЭС18-16893 по делу № А41-87598/2017 [10];

– доверенность на участие в деле должна содержать отдельные специальные полномочия представителя: право подписания иска, изменения основания или предмета иска и отзыва на него, отказа от иска, признания иска, заключения мирового соглашения, передачи дела в третейский суд, передоверия, обжалования судебного акта и пр. (ч. 2 ст. 62 АПК РФ, ч. 2 ст. 62 ГПК РФ). Причем нормы процессуального законодательства, перечисляющие данные специальные полномочия, не являются исчерпывающими.

Так, согласно п. 1 ст. 36, п. 1 ст. 37, п. 2 ст. 40 и п. 2 ст. 150 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [11] в доверенности, уполномочивающей представителя на ведение «банкротных» дел, должны быть прямо указаны полномочия на участие в деле о банкротстве, подписание заявления о признании должника банкротом и голосование по вопросу заключения мирового соглашения. Нетрудно заметить, что до 1 октября 2019 г. для участия в любом арбитражном и гражданском судебном разбирательстве в качестве представителя можно было направить любое дееспособное лицо с правильно оформленной доверенностью.

Таким образом, арбитражное и гражданское процессуальное законодательство предоставляло судебным представителям равные возможности вне зависимости от их образовательного и профессионального статуса, и, как следствие, в значительной степени отсутствовала их профессиональная специализация. Однако в соответствии с п. 4 ст. 6 и п. 20 ст. 10 Федерального закона от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [12], вступившим в силу с 1 октября 2019 года, возможности судебного представительства в арбитражном, а отчасти и в гражданском процессе были существенно сужены.

В результате внесенных изменений с 1 октября 2019 года в арбитражном и гражданском процессе по делам, рассматриваемым судами (за исключением мировых судей и районных судов), согласно ч. 3 ст. 59 АПК РФ, ч. 2 ст. 49 ГПК РФ, ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [13] смогут принимать участие исключительно следующие лица:

- гражданин и индивидуальный предприниматель, являющиеся непосредственными участниками спора;
- директор (генеральный директор, президент и т. п. лица), являющийся единоличным исполнительным органом организации;
- законные представители (родители, опекуны, попечители, доверительный управляющий имущества безвестно отсутствующего);
- председатель ликвидационной комиссии;
- адвокат, назначенный судом;
- адвокат участника спора по договору и действующий на основании ордера или доверенности;
- лицо, являющееся представителем участника спора по доверенности и имеющее высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности.

При этом новые редакции АПК РФ и ГПК РФ, предусматривающие квалифицирующие требования о наличии у представителей высшего юридического образования или ученой степени, содержат исключения, в силу которых такие требования не распространяются:

- на патентных поверенных по спорам, связанным с правовой охраной результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации (ч. 3 ст. 59, ч. 4 ст. 49 АПК РФ);
- на арбитражных управляющих при исполнении возложенных на них обязанностей в деле о банкротстве (ч. 3 ст. 59, ч. 4 ст. 49 АПК РФ);

– на профессиональные союзы, их организации, объединения, представляющие в суде интересы лиц, являющихся членами профессиональных союзов (ч. 4 ст. 49 ГПК РФ);

– по спорам, связанным с нарушением или оспариванием прав, свобод и законных интересов в сфере трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений (ч. 4 ст. 49 ГПК РФ);

– на иных лиц, указанных в федеральном законе (ч. 3 ст. 59 АПК, ч. 4 ст. 49 АПК РФ);

– на законных представителей (ч. 3 ст. 52 ГПК РФ).

Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ в п. 4 своего Постановления от 09.07.2019 № 26 «О некоторых вопросах применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» в связи с введением в действие Федерального закона от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [14] разъяснил, что лицо, которое до вступления в силу Федерального закона № 451-ФЗ начало участвовать в деле в качестве представителя, в том числе путем подачи искового заявления, заявления о выдаче судебного приказа, после вступления в силу указанного закона сохраняет предоставленные ему по этому делу полномочия вне зависимости от наличия высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности.

Фактически приведенное разъяснение означает, что если до 1 октября 2019 г. в деле заявлен какой-либо представитель, то он будет иметь право участвовать в судебном разбирательстве по такому делу, в том числе в случаях, когда не имеет высшего юридического образования или профильной ученой степени. Если же та-

кой представитель не заявлен в деле до 1 октября 2019 года, то даже принятие дела судом к рассмотрению либо выдача доверенности ранее этой даты не будут являться основаниями для допуска данного лица судом к судебному разбирательству в качестве представителя.

Практическая реализация требований ч. 4 ст. 61 АПК РФ, ч. 3 ст. 49, ч. 5 ст. 53 ГПК РФ в редакции Федерального закона № 451-ФЗ с 1 октября 2019 года будет выражаться в необходимости предоставления суду поверенными (представителями) участников арбитражного процесса и гражданского процесса по доверенности (за вышеуказанными исключениями) следующих документов:

- паспорт (иной документ, удостоверяющий личность);
- доверенность;
- документы о высшем юридическом образовании или об ученой степени по юридической специальности.

Согласно ч. 5 ст. 10 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 273-ФЗ) [15] к высшему профессиональному образованию относятся: бакалавриат, специалитет, магистратура, подготовка кадров высшей квалификации.

Часть 4 ст. 60 Федерального закона № 273-ФЗ определяет, что документами, подтверждающими наличие высшего юридического профессионального образования, являются: дипломы бакалавра, специалиста или магистра, об окончании аспирантуры (адъюнктуры). Образцы указанных документов приведены в приложениях к приказу Минобрнауки России от 01.10.2013 № 1100 «Об утверждении образцов и описаний документов о высшем образовании и о квалификации и приложений к ним» [16]. Следовательно, лица, представившие суду диплом с указанным уровнем профессионального образования, могут быть представителями по доверенности в любых арбитражных и граж-

данских судах. Представителями, являющимися обладателями ученой степени по юридической специальности, являются кандидаты и доктора наук, определенные в Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утвержденной приказом Минобрнауки России от 23.10.2017 № 1027 [17], под шифром 12.00.00 (в диапазоне 12.00.01–12.00.15).

Представители с ученой степенью должны представить суду диплом кандидата наук (ч. 9 ст. 60 ФЗ № 273-ФЗ) либо доктора наук (ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [18], п. 7 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» [19]). Дипломы кандидата наук и доктора наук должны быть оформлены с соблюдением формуляров и требований приложений №№ 1–4 к приказу Минобрнауки России от 14.01.2019 № 1н «Об утверждении форм дипломов доктора наук и кандидата наук и технических требований к ним» [20]. В случае непредоставления суду документов о высшем юридическом образовании или об ученой степени по юридической специальности Арбитражный суд отказывает в признании полномочий представителя на участие в деле согласно ч. 4 ст. 63 АПК РФ. В ГПК РФ аналогичная норма не содержится, однако, учитывая положения ст.ст. 53 и 54 ГПК РФ об оформлении и подтверждении полномочий представителя, аналогичные последствия предполагаются.

Практическая реализация вышеуказанных изменений в АПК РФ и ГПК РФ отразится на большинстве участников гражданского и арбитражного процесса. Очевиден рост издержек на квалифицированных представителей – адвокатов и лиц с высшим юридическим образованием или ученой степенью по юриспруденции. Кроме того, до 1 октября 2019 г.

участники судебного разбирательства в случаях, требующих специальных познаний или предоставления свидетельской информации от лиц, обладающих такими познаниями либо являвшихся непосредственными участниками спорных взаимоотношений, часто привлекали таких лиц именно в качестве представителей по доверенности, в силу чего последние давали суду объяснения как лица, участвующие в деле на основании ч. 2 ст. 64, ст. 81 АПК РФ, ст. 68 ГПК РФ.

С 1 октября 2019 года такие лица могут участвовать в деле только в качестве свидетелей согласно ч. 2 ст. 64, ст. 88 АПК РФ и ст. 69 ГПК РФ (за вышеперечисленными исключениями). Можно попытаться представить в суд их пись-

менные показания в качестве доказательств по делу. Однако, как показывает судебная практика, суды редко удовлетворяют ходатайства о привлечении и допросе свидетелей [21–23]. Письменные же показания отдельных лиц, оформленные вне рамок судебного заседания, если только они не получены в ходе расследования уголовного или административного дела с соблюдением требований соответствующего процессуального законодательства, обычно не признаются судами доказательствами (допустимыми доказательствами) по делу, в том числе по причине непредупреждения в установленном порядке таких лиц об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний [24–25].

ЛИТЕРАТУРА

1. Халатов С. А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе. М.: Изд-во НОРМА, 2002. 208 с.
2. Богомолов М. В. Институт судебного (процессуального) представительства в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 26 с.
3. Гречкин Н. С. Представительство в административном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 178 с.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 26.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 17.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
7. Об акционерных обществах: федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 15.04.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1.
8. Об обществах с ограниченной ответственностью: федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
10. О пересмотре в кассационном порядке судебных актов по делу о взыскании задолженности и неустойки: определение Верховного Суда РФ от 30.10.2018 № 305-ЭС18-16893 по делу № А41-87598/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
11. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 03.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ (ред. от 17.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7523.

13. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

14. О некоторых вопросах применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с введением в действие Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 26 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 10.

15. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

16. Об утверждении образцов и описаний документов о высшем образовании и о квалификации и приложений к ним: приказ Минобрнауки России от 01.10.2013 № 1100 (ред. от 16.05.2014) // Российская газета. № 277. 09.12.2013.

17. Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени: приказ Минобрнауки России от 23.10.2017 № 1027 (ред. от 23.03.2018) // Официальный Интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.11.2017).

18. О науке и государственной научно-технической политике: федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

19. О порядке присуждения ученых степеней: постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 01.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 40 (ч. III). Ст. 5070.

20. Об утверждении форм дипломов доктора наук и кандидата наук и технических требований к ним: приказ Минобрнауки России от 14.01.2019 № 1н // Официальный Интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.04.2019).

21. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.10.2016 № Ф09-9055/16 по делу № А60-47259/2015 о взыскании с предпринимателя неосновательного обогащения в виде стоимости некачественного товара, пеней // СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.08.2017 № 15АП-10624/2017 по делу № А32-31134/2015 // Документ не опубликован.

23. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 13.11.2017 № 04АП-2973/2015 по делу № А19-21387/2014) // Документ не опубликован.

24. Апелляционное определение Суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 22.01.2019 по делу № 33-394/2019 об устранении нарушений прав законного владельца, несвязанных с лишением владения // СПС «КонсультантПлюс».

25. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.03.2019 № 11АП-838/2019 по делу № А55-30540/2017 // Документ не опубликован.

© Григорьев О. В.

УДК 347.664.3/037(470)

Т. А. ПОПОВА, доцент Института Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний по кафедре гражданского права и процесса, кандидат юридических наук (г. Рязань)

T. A. POPOVA, associate professor of the department of civil law and procedure of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law (Ryazan)

НАСЛЕДСТВЕННЫЕ СПОРЫ: СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА О РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА ПРИ РАЗДЕЛЕ НАСЛЕДСТВА

HEREDITARY DISPUTES: JUDICIAL PRACTICE ON THE IMPLEMENTATION OF THE PREFERENTIAL RIGHT IN THE DIVISION OF INHERITANCE

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы судебной защиты преимущественных прав наследников при разделе наследства, применяемый правовой режим – порядок раздела наследства, находящегося в общей собственности наследников в соответствии со ст.ст. 1168–1170 ГК РФ либо порядок раздела общей собственности в соответствии с нормами ч. 4 ст. 252 ГК РФ, а также компенсационные обязательства, возникающие у наследника при реализации приоритетного права при несоразмерности наследственного имущества его наследственной доле.

Ключевые слова и словосочетания: наследственное право, наследование, наследственный процесс, раздел наследства, преимущественные права.

Annotation. The article deals with the issues of the judicial protection of preferential right of the heirs in the division of inheritance, the applicable legal regime – the order of partition of the inheritance under common ownership of heirs in accordance with articles 1168–1170 of the civil code or procedure section of the common property in accordance with the norms of part 4 of article 252 of the civil code, as well as compensation obligations arising from the heir by implementation of priority rights in disproportion of hereditary property of his portion of the estate.

Keywords and phrases: inheritance law, inheritance, inheritance process, division of inheritance, preferential right.

Правовой институт раздела наследства является одним из условий, обеспечивающих осуществление права наследования, гарантированного Конституцией Российской Федерации. Раздел наследства позволяет достигнуть конечной цели всего наследственного процесса – перехода после смерти наследодателя принадлежащего ему имущества, имущественных прав каждому из наследников и обеспечение возможности бывшим сособственникам максимально беспрепятственно самостоятельно

владеть, пользоваться и распоряжаться выделенным имуществом с учетом его целевого назначения, нуждаемости и заинтересованности в нем [1].

Судебная защита является одной из самых эффективных правовых гарантий надлежащего осуществления гражданских прав. Судебная практика по делам о наследовании чрезвычайно богата и разнообразна. Ее анализ показывает, что у судов при рассмотрении дел о разделе наследства с учетом реализации преимущественных прав наследников зача-

стью возникают сложности в применении норм материального права. Правила о предоставлении преимущественных прав на получение в собственность в счет наследственной доли определенного объекта из состава наследства при его разделе традиционны скорее для зарубежного нежели для российского правопорядка [1, с. 50–52, 66].

В соответствии с положением абз. 2 ст. 1164 ГК РФ преимущественное право имеет срочный характер, правила ст.ст. 1168–1170 ГК РФ применяются в течение трех лет со дня открытия наследства независимо от того, в каком порядке происходит раздел – договорном или судебном. Наследник, не реализовавший преимущественное право при разделе наследства, лишается возможности осуществить его в будущем. Судебный орган применяет положения ГК РФ о преимущественных правах в случае, когда приоритетный наследник заявляет о своем праве. ГК РФ устанавливает три основных правила реализации преимущественных прав на неделимую вещь при разделе наследства. Эти правила применимы как к случаям наследования по закону, так и к случаям наследования по завещанию, в котором наследственная масса распределена между несколькими наследниками в долевом отношении, а также в случае появления наследника, имеющего право на обязательную долю при наличии изначально единственного наследника по завещанию.

Неделимой согласно закону признается вещь, раздел которой невозможен без разрушения, повреждения вещи или изменения ее назначения, которая выступает в обороте как единый объект вещных прав. Установление факта неделимости объекта наследования является юридически значимым обстоятельством. Указанный факт должен найти подтверждение в заключении судебной экспертизы, составленной экспертом, имеющим необходимый стаж работы. Экспертное заключение подлежит судебной оценке

с позиции достоверности, полноты, обоснованности, достаточности, законности в сопоставлении с другими доказательствами по делу. В обосновании вывода о неделимости вещи, входящей в состав наследства, прежде всего недвижимой, может быть указано, что раздел затронет конструктивные характеристики объекта. Это приведет к существенному ухудшению его технического состояния, уменьшению полезной площади, изменению в худшую сторону назначения помещений и пр.

Заключение строительно-технической экспертизы принимается судом к рассмотрению, несогласие суда с предложенными вариантами раздела либо с выводом о невозможности производства раздела должно быть мотивировано судом в своем решении (определении) в соответствии с нормами гражданско-процессуального законодательства. В обзоре судебной практики Верховного Суда РФ рассмотрен случай, когда суд немотивированно отверг представленное экспертное заключение исходя из значительного размера спорного объекта недвижимости (499 м²) и большого количества помещений различного назначения в доме (более 30) и пришел к выводу о возможности его раздела [2].

Цель установления преимущественного права при осуществлении раздела наследства – защита имущественного интереса наследника, имеющего обоснованные причины для заявления претензий на получение в счет своей доли конкретных вещей из состава наследства. Первое основание для реализации преимущественного права установлено наследнику, обладавшему совместно с наследодателем правом общей собственности (как совместной, так и долевой) на неделимую вещь, доля в праве на которую входит в состав наследства перед наследниками, ранее не являвшимися участниками общей собственности. Причем право общей собственности должно быть актуальным,

не прекратившимся к моменту раздела. Не имеет значения, как в праве общей собственности на неделимую вещь соотносятся размеры долей наследодателя и наследника, а также осуществлял ли право пользования на эту вещь другой наследник.

При разрешении спора о наследственном разделе судом возможно установление юридического факта – обладание долей в праве общей собственности одним из наследников. Так, по одному из дел за супругой умершего признана доля в праве собственности на дом, приобретенный наследодателем до брака, на основании данных строительно-технической экспертизы, установившей, что стоимость капитального ремонта, произведенного в период совместной жизни наследодателя и его супруги, составляет 40 % от стоимости дома [3].

Второй случай реализации преимущественного права установлен для наследника, постоянно пользовавшегося неделимой вещью, входящей в состав наследства, перед наследниками, не пользовавшимися этой вещью и не являвшимися ранее участниками общей собственности на нее. Судебная практика в качестве доказательств пользования обычно признает квитанции об оплате коммунальных услуг, выписки из домовой книги, договоры оказания бытовых услуг и т. п. Условие о длительности пользования неделимой вещью законом не конкретизируется. Важно, чтобы совместное пользование осуществлялось в течение жизни наследодателя. Однако в доктрине указано, что большое значение придается не моменту возникновения отношений совместного пользования – до или после открытия наследства, а факту их продолжения до осуществления раздела [4].

В случае, когда объектом наследственного правопреемства является неделимое жилое помещение, правомочие пользования как основание реализации преимущественного права следует по-

нимать расширительно, не только как использование жилого помещения для личного проживания в нем, но и для осуществления профессиональной и индивидуальной предпринимательской деятельности. В одном из изученных судебных дел доводы представителя ответчиков о том, что истец фактически в квартире не проживал, а сдавал ее в наем, судебной коллегией признаны не обоснованными, поскольку, даже сдавая квартиру в наем, истец осуществлял в отношении квартиры права пользования и не отказывался от прав на нее [5].

Третий вид преимущественного права возникает в отношении особого объекта недвижимого имущества – жилого помещения. Закон наделяет приоритетом наследника, проживавшего в этом жилом помещении ко дню открытия наследства и не имеющего иного жилого помещения, перед другими наследниками, не являющимися собственниками жилого помещения, входящего в состав наследства. ГК РФ не устанавливает правила относительно характера и продолжительности проживания.

В науке к числу дискуссионных отнесен вопрос толкования условия о наличии иного жилого помещения. Следует ли признавать наличием только право собственности на другое жилое помещение либо возможно в этой связи учитывать иные законные основания, в соответствии с которыми наследнику предоставлено право пользования жилым помещением на продолжительный срок – завещательный отказ в его пользу, участие в договоре безвозмездного пользования? Следует ли признавать преимущество за наследником, у которого возникает вещное право на иное жилое помещение к моменту раздела, по договору (купли-продажи, долевого участия в строительстве жилого дома) или ином законном основании? [1, с. 129–130]. С одной стороны, имущественный интерес наследника, претендующего на реализацию преимущественного права,

предусмотренного п. 3 ст. 1168 ГК РФ, состоит в получении жилого помещения в счет своей наследственной доли, поскольку у него нет возможности проживать где-либо еще. С другой – закон не лишает преимуществ таких наследников, относительно которых известно, что они стали на момент раздела либо могут стать в будущем времени обладателями жилого помещения.

Обращает на себя внимание то, что правила ГК РФ не определяют порядок раздела наследства, когда несколько наследников обладают преимущественным правом и заявляют об их реализации. Согласно первой научной позиции при наличии множественности наследников, имеющих преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли неделимой вещи, ни один из них преимущественным правом в отношении к иным не наделен [6, с. 751]. В соответствии со второй позицией каждый из наследников может осуществить это право, а распределение права на вещь (долю) происходит пропорционально причитающимся им долям [7]. Сторонники третьей позиции преимущественное право признают за наследником, отвечающим совокупности приоритетных условий – участие в общей собственности до открытия наследства на неделимую вещь, а также осуществление правомочия пользования в отношении этой вещи как при жизни наследодателя, так и на момент раздела, причем как указывает автор, следует учитывать характер пользования – постоянно [8].

В соответствии со ст. 1170 ГК РФ несоразмерность наследственного имущества, о преимущественном праве на получение которого заявляет наследник его наследственной доле, устраняется предоставлением компенсации. Компенсация может быть произведена в виде передачи другого имущества из состава наследства либо денежной выплаты. По соглашению сонаследников компенсация может выражаться и в пере-

даче личного имущества наследника в виде оказания услуг, выполнения работ. Компенсация несоразмерности получаемого наследственного имущества наследственной доле предоставляется остальным наследникам, которые не имеют указанного преимущественного права независимо от их согласия на это, а также величины их доли и наличия интереса в использовании общего имущества. Компенсация в соответствии с законом должна носить предварительный характер. Однако эта норма ГК РФ имеет диспозитивный характер, иной порядок может быть определен соглашением сторон. В целях определения размеров компенсации наследниками может быть организовано проведение оценки наследственного имущества. При невозможности для наследника произвести выплаты стоимости компенсации одновременно, наследникам следует применять положения ГК РФ об обязательствах, в первую очередь нормы гл. 22 ГК РФ об исполнении обязательств и гл. 23 ГК РФ об обеспечении исполнения обязательств.

При рассмотрении вопроса о разделе наследства суд вправе отказать в реализации преимущественного права, определив, что предоставление компенсации не является гарантированным. Гарантией обеспечения исполнения компенсационных обязательств может выступать внесение денежных средств на депозит суда и нотариуса. Судебная практика в качестве доказательства гарантии предоставления преимущественным наследником денежной компенсации остальным наследникам признает наличие на счету приоритетного наследника денежных средств в необходимом размере [9]. В одном из судебных дел довод суда о том, что наличие денежных средств на счету не является доказательством гарантии предоставления денежной компенсации, а также на основании возможности распоряжения денежными средствами со стороны наследника, вышестоящей судебной инстанцией был признан ос-

нованным на неправильном толковании норм материального права [10]. В соответствии с разъяснениями, данными Пленумом Верховного Суда РФ, раздел наследственного имущества, поступившего в долевую собственность наследников, производится по правилам ст.ст. 1165–1170 ГК РФ в течение трех лет со дня открытия наследства, а по прошествии этого срока – по правилам ст.ст. 252, 1165, 1167 ГК РФ [11].

Срок на обращение в суд с требованием о разделе наследственного имущества с использованием преимущественного права на неделимую вещь является пресекательным, так как четко определяет границы существования права. Иного момента начала течения срока для применения положений закона о преимущественном праве на неделимую вещь при разделе наследства закон не устанавливает. Получение наследниками свидетельства о праве на наследство, регистрация права собственности на наследство в виде объектов недвижимого имущества в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним не влияют на момент начала течения указанного выше срока. Закон не предусматривает оснований для восстановления истекшего трехлетнего срока, также не имеют значение причины его пропуска. Судебное решение о восстановлении пропущенного по уважительной причине трехлетнего срока для раздела наследственного имущества признается несоответствующим закону [12].

В отличие от положений ст.ст. 1168–1170 ГК РФ, когда реализация преиму-

щественного права не ставится в зависимость от каких-либо условий, норма п. 4 ст. 252 ГК РФ сформулирована законодателем исходя из исключительности таких случаев, их допустимости только при конкретных обстоятельствах. Производство раздела по правилам п. 4 ст. 252 ГК РФ при отсутствии согласия участника долевой собственности возможно, когда его доля в праве собственности на неделимую вещь незначительна, то раздел (выдел) невозможен, при этом существенный интерес в использовании общего имущества у этого сосособственника отсутствует. Указанные условия должны быть соблюдены одновременно. Существенный интерес – оценочная категория. Вопрос о его наличии решается судом в каждом конкретном случае на основании исследования и оценки совокупности представленных сторонами доказательств, подтверждающих, в частности, нуждаемость в использовании этого имущества в силу возраста, состояния здоровья, профессиональной деятельности, наличия детей, других членов семьи, в том числе нетрудоспособных, и т. д.

Как видим, судебная практика свидетельствует о наличии законодательных пробелов, противоречий в толковании правовых норм при разрешении наследственных споров, связанных с реализацией преимущественных прав при разделе наследства. Эффективное практическое применение положений гражданского законодательства в этой связи усложнено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинков О. Е., Попова Т. А. Раздел наследства в российском и зарубежном гражданском праве: монография. М.: Юрист, 2013. 144 с.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Обзор судебной и нотариальной практики Московской области по применению законодательства при рассмотрении вопросов, возникающих из наследственного права, а также отдельных видов договоров по передаче имущества в собственность от 08.10.2002 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / под ред. Л. П. Ануфриевой. М.: Изд-во Волтерс Клувер, 2004 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Апелляционное определение Московского городского суда от 18.04.2019 по делу № 33-12804/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Проспект, 2006. Т. 3. 784 с.

7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая (постатейный) / С. С. Алексеев [и др.]; под ред. С. А. Степанова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Проспект; Екатеринбург: Изд-во Институт частного права, 2009. 1504 с.

8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья / А. П. Гуев. Москва, 2008 // СПС КонсультантПлюс.

9. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 01.08.2019 № 33-4417/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.12.2015 № 25-КГ15-12 // СПС «КонсультантПлюс».

11. О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.01.2015 № 8-КГ14-7 // Вестник ВАС РФ. 2015. № 2.

© Попова Т. А.

УДК 347.73:[336.747.5:004.6](470)

Э. Х. РАХИМОВ, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Уфа)

E. KH. RAKHIMOV, Head of the Department of Civil Law Disciplines, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Docent (Ufa)

А. В. МОРИН, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

A. V. MORIN, Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ

TO THE QUESTION OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS

Аннотация. В статье рассматривается феномен цифровых финансовых активов и их правовая природа. Приводится текущее состояние правового регулирования в этой сфере. Акцент сделан на необходимости установления соответствующего понятийно-терминологического аппарата, а также гражданско-правового регулирования общественных отношений в сфере использования криптовалют и связанных с ними электронных финансовых инструментов.

Ключевые слова и словосочетания: цифровой финансовый актив, криптовалюта, виртуальная валюта, токен, правовое регулирование.

Annotation. The article examines the phenomenon of digital financial assets and their legal nature. The current state of legal regulation in this sphere is given. The emphasis is on the need to establish an appropriate conceptual and terminological apparatus, as well as civil-law regulation of public relations in the use of crypto-currencies and related electronic financial instruments.

Keywords and phrases: digital financial asset, crypto currency, virtual currency, token, legal regulation.

В последние годы в мировом экономическом и правовом пространстве наблюдается интереснейший процесс «погони» права за современными информационными технологиями, развивающимися по большей части вне правового поля. Речь идет о так называемых виртуальных валютах или криптовалютах, а также тесно связанных с ними квази-

финансовых инструментах и технологиях – ICO, токенах, майнинге и т. д. О масштабе вопроса говорят цифры.

К примеру, по состоянию на конец сентября 2019 года общая капитализация основных 100 криптовалют превысила 227 млрд долларов США [1], что превышает валовой внутренний продукт таких стран, как Чехия, Вьетнам, Румы-

ния, Португалия и др. [2], в то время как даже в национальном законодательстве большинства стран не решен вопрос правового регулирования общественных отношений, возникающих при использовании криптовалют, тем более данные отношения остаются вне сферы действия международного частного права. Однако попытки переместить данные отношения в правовое поле имеются и обусловлены не только фискальной, но и правоохранительной функцией – сама технология «блокчейн», используемая в большинстве криптовалют, имеет своеобразный иммунитет от правового регулирования вследствие отсутствия единого центра эмиссии, как следствие, криптовалюты успешно используются в качестве средства платежа в незаконных сделках (незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ, оружия и взрывчатых веществ и др.) с объектами, изъятыми из гражданского оборота.

Исходя из такого негативного имиджа, в начале роста популярности криптовалют риторика государственных органов в основном предполагала регулирование с использованием публично-правовых механизмов – административного, уголовного. Однако со временем риторика несколько поменялась. Так, 21 октября 2017 г. в рамках реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» Президентом РФ были даны поручения Правительству РФ совместно с Банком России обеспечить внесение в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих:

а) определение статуса цифровых технологий, применяемых в финансовой сфере, и их понятий (таких как «технология распределённых реестров», «цифровой аккредитив», «цифровая закладная», «криптовалюта», «токен», «смарт-контракт») исходя из обязательности рубля в качестве единственного законного платёжного средства в Российской Федерации;

б) установление требований к организации и осуществлению производства, основанного на принципах криптографии в среде распределённых реестров («майнинг»), включая регистрацию хозяйствующих субъектов, осуществляющих такую деятельность, а также определение порядка её налогообложения;

в) регулирование публичного привлечения денежных средств и криптовалют путём размещения токенов по аналогии с регулированием первичного размещения ценных бумаг.

Как результат, 20 марта 2018 г. в Государственную Думу Российской Федерации внесен проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах». Законопроектом предлагается определение цифровых финансовых активов, включающих в себя криптовалюту, а также токены. Однако он не раскрывает ни правовых механизмов взаимосвязи вышеуказанных объектов, ни правовых условий их создания, также не содержит механизма, позволяющего осуществлять правовое регулирование оборота криптовалюты, что снижает его прикладную ценность. В соответствии с данным законопроектом под цифровым финансовым активом понимается имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств. Однако данное определение не выдерживает критики при его применении к таким объектам, как, например, сертификаты усиленной квалифицированной электронной подписи, используемые при реализации протоколов обмена информацией в информационно-телекоммуникационных сетях.

Учитывая, что законодательством Российской Федерации не регламентированы вопросы налогообложения цифровых финансовых активов и сделок, совершаемых с ними, представляется необходимым внести соответствующие изменения в законодательство Российской Федерации о налогах и сборах. Кроме того, параллельно возникновению отно-

шений по налогообложению цифровых финансовых активов необходимо решить вопрос с организацией соответствующего учета о том, что требует регламентировать вопросы бухгалтерского учета в данной части.

Отдельные проблемы порождает отсутствие механизма установления собственников цифровых финансовых активов и лиц, ответственных за функционирование систем цифровых финансовых активов, что не позволяет противодействовать криминализации данной сферы, использовать названные активы в противоправных целях, а также обеспечить защиту соответствующих прав собственности. Представляется целесообразным предусмотреть обязательный контроль за операциями по обмену криптовалюты на валюту Российской Федерации или иностранную валюту в сумме, равной или превышающей шестьсот тысяч рублей или эквивалент в иностранной валюте.

На наш взгляд, указанный законопроект должен предусматривать также внесение изменений в гражданское законодательство, которое также оказалось не готово к бурному развитию цифровых финансовых активов. Так, в части, касающейся обязательственного права, криптовалюта не является ни деньгами, ни законным платежным средством. Как справедливо отмечает А. И. Савельев, криптовалюту нельзя признать в качестве законного средства платежа, ведь в соответствии со ст. 140 ГК РФ единственным законным средством платежа является рубль, т. е. денежная единица Российской Федерации. Как следствие, кредитора по денежному обязательству нельзя обязать принять платеж, произведенный посредством данной «валюты», если только он сам не выразил своей воли на принятие криптовалюты в уплату долга, что также представляется сомнительным, учитывая отсутствие в законодательстве соответствующего понятия. Таким образом, платежи криптовалютой не могут погашать денежное обязательство по умолчанию.

Кроме того, никто не может быть принужден к принятию криптовалюты по ее нарицательной стоимости, поскольку у нее просто нет такой стоимости [3].

Нельзя также относить криптовалюту и к разновидности имущественного права, в качестве которого по общему правилу можно рассматривать безналичные денежные средства и электронные деньги по Закону о национальной платежной системе. Ведь в данном случае отсутствуют какие-либо договорные отношения с оператором (эмитентом) электронных денег по причине отсутствия оно. Кроме того, криптовалюта не может рассматриваться в качестве электронных денежных средств, как это определено в Законе о национальной платежной системе, по причине отсутствия признака «предоплаченности», поскольку эмиссия криптовалюты осуществляется самими пользователями на основе криптографических алгоритмов [3].

Следует отметить, что был принят Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», в соответствии с которым с 1 октября 2019 г. в ГК РФ появятся цифровые права. Предусмотрено внесение изменений в ст. 128 ГК РФ «Объекты гражданских прав», что необходимо для последующего принятия законов о цифровых финансовых активах (криптовалюте и токенах) и краудфандинге (привлечении инвестиций через электронные площадки). Законопроект о цифровых финансовых активах принят в первом чтении в мае 2018 г., 20 марта 2019 г. принято решение о переносе рассмотрения данного законопроекта на другое время.

2 августа 2019 г. был принят Закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 259-ФЗ, касающийся вопросов краудфандинга (вступает в силу с 1 января

2020 г.). В ч. 1 ГК РФ включена ст. 141.1 «Цифровые права», согласно которой цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом, возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Реалии сегодняшнего дня наглядно показывают, что у криптовалют и технологий, лежащих в их основе, есть огромный, в том числе экономический потенциал, для реализации которого необходима взвешенная законодательная политика, грамотно сочетающая частное и публичное правовое регулирование. Применительно к рассматриваемым отношениям вполне уместно вспомнить о работах известного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике (1991 г.), автора теоремы «транзакционных издержек» Рональда Коуза, который справедливо отмечал, что «рынок требует утверждения правовых норм, которые бы определяли права и обязанности тех, кто осуществляет тран-

закции» [4, с. 10]. Им также отмечалось, что в условиях необходимости соблюдения баланса частных и публичных интересов, когда участников рыночных отношений множество и интересы каждого различны, как это имеет место в розничной и оптовой торговле, установление и поддержание частной системы правовых норм оказывается очень трудным делом. И поэтому деятельность на этих рынках должна зависеть от правовой системы государства [4, с. 11].

Как мы видим, утверждения Р. Коуза вполне уместно применить и к современному рынку – рынку криптовалют. Тем более что криптовалюта позволяет участникам рыночных отношений сделать расчеты более дешевыми и быстрыми. В этой связи правовое регулирование цифровых финансовых активов должно проходить вдумчиво, без излишней поспешности. Прежде всего, на наш взгляд, необходимо определить объекты правового регулирования, сделать простыми и понятными правила игры с приоритетом диспозитивного регулирования, в противном случае нашей стране будет сложно конкурировать с юрисдикциями развитых экономик, которые пошли навстречу технологическим и инновационным процессам и будут снижать транзакционные издержки за счет использования преимуществ цифровых финансовых активов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капитализация 100 основных криптовалют. URL: <https://bitcoinnews.blog/cryptocurrencies> (дата обращения: 30.09.2019).
2. Официальный сайт Международного валютного фонда. URL: <http://www.imf.org/> (дата обращения: 30.09.2019).
3. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. 638 с.
4. Коуз Р. Фирма, рынок, право. Бумажное русскоязычное издание. М.: «Дело ЛТД» при участии изд-ва «Catalaxy», 1993. 192 с.

© Рахимов Э. Х.
© Морин А. В.

УДК 347.734:347.437.037(470)

Л. К. ФАЗЛИЕВА, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, кандидат химических наук, доцент (г. Казань)

L. K. FAZLIEVA, Associate Professor, Civil Law Disciplines Chair of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Chemical Sciences, Docent (Kazan)

Э. Н. ХИСАМУТДИНОВА, доцент кафедры экономической теории и управления ресурсами Казанского национального исследовательского технического университета имени А. Н. Туполева, кандидат экономических наук, доцент (г. Казань)

E. N. HISAMUTDINOVA, Associate Professor, Chair of Economic Theory and Resource Management of Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev, Candidate of Economic Sciences, Docent (Kazan)

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРЕДИТНЫХ НОТ
КАК СТРУКТУРНОГО ФИНАНСОВОГО ПРОДУКТА:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**LEGAL REGULATION OF THE CREDIT-LINKED NOTE
AS A STRUCTURAL FINANCIAL PRODUCT:
CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT**

Аннотация. В настоящей статье изучен один из разновидностей финансовых инструментов – кредитные ноты, являющиеся структурным продуктом. Авторами рассмотрена правоприменительная практика, которая указывает на некоторые проблемы материального и процессуального характера: вопросы правового статуса держателя кредитных нот и определения подсудности подобных дел. Суды квалифицируют отношения между держателем кредитных нот и банками как несвязанные с приобретением услуг для потребительских нужд, поэтому статусом потребителя, а вместе с ним и всеми гарантиями держатель кредитных нот не обладает. На основании проведенного исследования выявлено, что отсутствует законодательная дефиниция термина «кредитные ноты» и существуют процессуальные аспекты нарушения прав и интересов держателей кредитных нот. Авторы приходят к выводу о необходимости совершенствования правового регулирования кредитных нот.

Ключевые слова и словосочетания: кредитные ноты, структурный продукт, кредитная организация (банк), держатели кредитных нот, защита прав.

Annotation. In this article, we studied one of the varieties of financial instruments – credit-linked note, which is a structural product. The authors examined the law enforcement practice, indicative of some topical material and procedural issues, namely, the holder of credit-linked notes legal status issues and determination of jurisdiction of such cases. The courts qualify the relationship between the holder of credit-linked notes and banks as not related to the acquisition of services for consumer needs

and therefore, the holder of credit-linked notes does not possess the consumer status and consequently, all implied guarantees. Based on the conducted research, the lack of legislative definition of the term «credit-linked note» was revealed alongside with the presence of procedural aspects of violation of the rights and interests of credit-linked note holders. The authors conclude that it is necessary to improve the legal regulation of credit-linked notes.

Keywords and phrases: credit-linked note, structural product, credit institution (bank), credit-linked note holders, protection of rights.

Сегодня финансовый рынок отличается сложностью экономических отношений, а также появлением новых способов и инструментов, способствующих вести предпринимательскую и иную деятельность. Одним из таких инструментов являются структурные продукты, которые получили широкое распространение в иностранных государствах и развитие в России. В настоящее время они вызывают большой интерес среди инвесторов, что связано с многочисленными предложениями по модернизации данного экономического элемента.

Несмотря на то, что в российском законодательстве отсутствует легальное определение и законодательное регулирование структурных продуктов, их су-

ществование было известно [1, с. 258]. Так, в 2009 г. М. Ю. Глуховым был проведен анализ, в ходе которого насчитывалось порядка двадцати структурных продуктов, причем исследование касалось только крупнейших банков [2]. По мнению А. Герасименко, процесс использования кредитных нот в деятельности кредитных организаций в современной России предусматривает две стадии:

1) кредитная организация предоставляет лицам кредит с определенными условиями (сумма, срок, проценты);

2) одновременно с предоставлением кредита кредитная организация продает инвесторам кредитные ноты с условиями, полностью совпадающими с условиями кредита (см. рис. 1) [3].

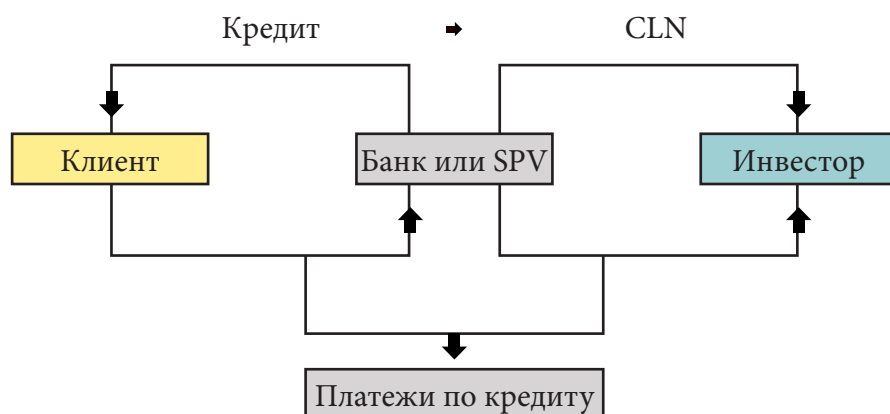

Рис. 1. Процесс использования кредитных нот в деятельности кредитных организаций

Вопросы в сфере определения правового положения обладателей кредитных нот вызывают споры как на практике, так и с точки зрения защиты прав и интересов держателей данного структурного продукта, особенно в тех случаях, когда ими являются физические лица. Так, в настоящее время рассматриваются искивые заявления бывших вкладчиков (держателей кредитных нот) в отношении ОАО «НБ «ТРАСТ» (ныне – ПАО «НБ «ТРАСТ»). Подобные сложности наблюдаются у вкладчиков иных банков. Например, возникшие проблемы вкладчиков Татфондбанка обсуждаются в профессиональной среде в сравнении с делами банка «ТРАСТ» [4].

А. И. Бычков утверждает, что рассматривая такой структурный продукт, как кредитные ноты, имеет место следующая схема отношений: банк, предоставивший кредит заемщику (кредитор), заключает договор об участии в кредитном риске, по которому передает инвесторам право на долю в этом займе, а также ту часть рисков, связанную с полным или частичным неудовлетворением требований заемщика по кредиту, который был выдан банком [5, с. 43–46]. Подобный договор оформляется путем выдачи ценной бумаги, а именно кредитной ноты, которая в дальнейшем способна реализоваться на фондовом рынке. Заключение договора осуществляется с целью разделения крупных кредитов с высоким риском невозвратности на мелкие части и продажи их по отдельности другим инвесторам.

А. И. Бычков считает, что банк способен выступать как кредитором, так и организатором выпуска кредитных нот одновременно. Однако если эмитентом является иное лицо, у держателя кредитной ноты нет прямого права требования к банку о выплате денежных средств. Инвестор получает право требования к их эмитенту, приобретя кредитные ноты. В том случае, когда эмитент не получает никаких выплат, он осуществляет

выплаты держателям кредитных нот. В результате проведенных операций ответственным лицом за погашение кредита и выполнение обязательств по погашению кредитной ноты в случае наступления предусмотренного события или обстоятельства является заемщик. Вместе с тем инвестор становится фактическим кредитором. Следовательно, кредитные ноты (Credit-Linked Notes или CLN) – это промежуточный вид финансирования между банковским кредитом и облигациями.

Обратимся к Положению № 511-П от 03.12.2015, утвержденному Банком России. Данный правовой документ гласит, что кредитные ноты являются финансовыми инструментами, представляющими собой комбинацию долговой ценной бумаги и кредитного производного финансового инструмента. Так, банк, нацеленный на заключение сделки, действует как агент иностранного эмитента, переводя ему собранные денежные средства и получая их обратно в качестве субординированного займа (кредита) от него, выводя тем самым сбережения граждан из-под страховой защиты в случае его возможного банкротства. Кроме того, все требования по вышеназванным структурным продуктам могут быть обращены к иностранному эмитенту, а не к банку.

С помощью кредитных нот банки имеют возможность изменять структуру своих пассивов, получая с помощью использования данной схемы те же денежные средства, но уже в виде более дешевого пассива в качестве контролируемого долга в пользу подконтрольной ему иностранной структуры. Вместе с тем у банка имеется возможность конвертировать подобный долг в долю участия в своем капитале либо вообще прекратить выплаты при снижении норматива достаточности капитала.

При должном и стабильном функционировании банка клиент имеет возможность получать доход по кредитным

нотам, но в случае банкротства он лишается этого шанса, кроме того, не вправе рассчитывать на получение страхового возмещения за счет средств Агентства по страхованию вкладов. Это обусловлено тем, что обязанным лицом перед клиентом является эмитент кредитных нот, а не банк, взаимодействовавший с ним в качестве агента. В результате всего клиент остается ни с чем, поскольку эмитент кредитных нот не осуществляет какой-либо финансовой деятельности и не имеет средств для обслуживания долга.

Как указывает А. Бычков, многие инвесторы в ходе судебного разбирательства пытаются обосновать, что действия банка являлись злоупотреблением правом, поскольку действительной целью операций с кредитными нотами было привлечение значительного объема финансирования от аффилированной с ним иностранной компании, выступающей эмитентом ценных бумаг. Между тем сама по себе такая деловая цель банка закону не противоречит, поскольку как любой участник гражданского оборота свои права он осуществляет своей волей и в своем интересе, руководствуясь главным образом соображениями собственной экономической выгоды. Клиенты в свою очередь должны руководствоваться собственными интересами и защищать их, а не пытаться в дальнейшем обвинять банк в последствиях непродуманности своих решений [6].

Способы защиты прав и интересов должника в договорных отношениях представляют собой предусмотренные законом меры защиты и (или) ответственности, с помощью которых происходит пресечение и предупреждение нарушений субъективных прав и охраняемых законом интересов, а также восстановление прав в случае их нарушения [7, с. 5–10]. Анализ судебных дел показывает, что большинство судов уже на стадии решения вопроса о принятии искового заявления к рас-

смотрению квалифицируют отношения между держателем кредитных нот и банками как несвязанные с приобретением услуг для потребительских нужд, поэтому статусом потребителя, а вместе с ним и всеми гарантиями держатель кредитных нот не обладает [8, 9].

Аналогичная позиция у Верховного Суда РФ – заключение договора брокерского обслуживания в целях приобретения в интересах агента и за его счет кредитных нот связан с рисками. Поэтому деятельность по совершению гражданско-правовых сделок с ценными бумагами и (или) по заключению договоров, являющихся производными финансовыми инструментами, не может быть признана деятельностью, направленной на удовлетворение личных (бытовых) нужд: на них не распространяется страховая защита, поэтому участник подобных гражданско-правовых сделок несет риск полной утраты своих сбережений. К этим отношениям судебный орган может применить закрепленный в п. 5 ст. 166 ГК РФ принцип эстоппель как самостоятельное основание для отказа в признании сделки недействительной без рассмотрения притязаний недобросовестного заявителя по существу [10].

В то же время держатели кредитных нот лишаются права на альтернативную подсудность рассмотрения спора. При этом суды получают возможность переадресовывать подобные поступающие исковые заявления в изначально выбранный банками суд. Несмотря на это, известны случаи, когда отдельные суды поддерживают держателей кредитных нот [11–13]. Именно так в одном из судебных решений был признан недействительным договор поручения, предметом которого выступала продажа принадлежащих клиенту кредитных нот с обязательством банка самого их выкупить, если он не сможет продать ценные бумаги в течение 10 дней с момента подачи соответствующего поручения [14].

В другом деле потребителя-вкладчика сотрудники кредитной организации убедили переоформить депозит в более выгодный и доходный финансовый инструмент – приобретение векселя коммерческой организации на 1 млн руб. Затем при наступлении срока платежа потребитель-вкладчик обратился не к самому векселедателю, а в кредитную организацию, но получил отказ в выплате денежных средств. Данное обстоятельство послужило для обращения потребителя с иском о признании договора купли-продажи векселя недействительным как сделки, совершенной под влиянием заблуждения.

В Апелляционном определении Хабаровского краевого суда от 01.02.2019 по делу № 33-603/2019 указано о возложении на кредитную организацию повышенной ответственности за заключаемые сделки с обычными гражданами. Суд пришел к выводу о том, что истец действительно заблуждался относительно правовой природы заключенной сделки. Он предполагал, что заключает ее с кредитной организацией, поскольку оформление сделки, так же как и заключение договора банковского вклада, происходило в офисе кредитной организации (передача денежных средств, хранение купленного векселя) и туда же должен был прийти за своими денежными средствами после наступления срока платежа по векселю. Поэтому потребителю-вкладчику удалось вернуть свои основные сбережения. Однако статус потребителя за истцом суд не признал, исходя из того, что покупку векселя тот совершил с целью извлечения прибыли в виде разницы между стоимостью покупки и суммой выручки [15].

К обязательным условиям договора на приобретение кредитных нот банки относят положения о подсудности по своему местонахождению, что делает возможным для них блокировать иски граждан о возврате денежных средств или же

признании договоров мнимыми сделками по своему местонахождению [16]. Часто такие нарушения и злоупотребления со стороны банков продиктованы неверным толкованием норм действующего законодательства РФ и (или) отсутствием законодательного закрепления необходимых правил о способах защиты прав и интересов держателей кредитных нот и возможности их применения.

По мнению К. В. Нам, в российском праве ставится знак равенства между противоречивым поведением и недобросовестностью. Подобное толкование следует из формального следования формулировок норм ГК РФ (абз. 4 п. 2, п. 5 ст. 166, п. 2 ст. 431.1, п. 3 ст. 432, пп. 5–6 ст. 450.1). Буквальное следование неудачным формулировкам закона, отсутствие релевантной доктрины и несистемный подход к указанным правовым нормам приводят к тому, что судебная практика применяет их на основании одного лишь факта непоследовательности в действиях той или иной стороны правоотношения [17].

Таким образом, финансовый инструмент – кредитные ноты, требует дальнейшего совершенствования, а именно:

1. На законодательном уровне необходимо закрепить дефиницию термина «кредитные ноты» и способы защиты прав и интересов держателей кредитных нот.

2. Считаю целесообразным в обязанности эмитента включить раскрытие информации по кредитам, лежащим в основе кредитной ноты, чтобы оценить направленность его воли именно на привлечение денежных средств вкладчиков в обход установленного законом порядка.

3. Определить ограничения по количеству выпусков кредитных нот, вытекающих из одного кредитного обязательства, а также запрет на участие в сделках аффилированного с кредитором эмитента в целях предотвращения возникновения споров в судебной практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макшанова Т. В. Рынок структурированных финансовых продуктов в России: современный этап и перспективы развития // Молодой ученый. 2013. № 2. С. 258–262.
2. Глухов М. Ю. Структурированные финансовые продукты в системе финансового инжиниринга: дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. 211 с.
3. Герасименко А. Финансовый менеджмент – это просто. URL: <http://econ.wikireading.ru/19464> (дата обращения: 25.04.2019).
4. Из вкладчиков в инвесторы. Татфондбанк пошел по пути «ТРАСТА». URL: https://zakon.ru/discussion/2017/01/11/iz_vkladchikov_v_investory_tatfondbank_poshel_po_puti_trasta (дата обращения: 25.04.2019).
5. Бычков А. Риски использования кредитных нот // Банковское обозрение. Приложение «БанкНадзор». 2017. № 2. С. 43–46.
6. Бычков А. Банковские уловки: от кредитных нот до векселей // Новая бухгалтерия. 2019. № 8. С. 132–144.
7. Карелина С. А., Фролов И. В. Требования физических лиц об оспаривании отказов временной администрации банка от исполнения обязательств по соглашению о предоставлении субсидированного кредита, полученного за счет реализации кредитных нот: анализ правовой природы и процедурных аспектов // Вестник арбитражной практики. 2018. № 1. С. 3–10.
8. Определение Приморского районного суда города Санкт-Петербурга от 05.03.2019 по делу № 2-3404/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Орджоникидзевского районного суда города Уфы от 24.04.2019 по делу № 9-316/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.08.2017 по делу № 80-КГ17-5 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Решение Центрального районного суда г. Твери от 31.10.2014 по делу № 2-2813/20 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Апелляционное определение Омского областного суда от 14.10.2015 по делу № 33-6961/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Решение Майкопского городского суда Республики Адыгея от 06.10.2015 по делу № 2-3946 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Определение Краснодарского краевого суда от 19.01.2016 по делу № 44г-48/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 01.02.2019 по делу № 33-603/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Витоль Э. Ю., Башкатов М. Л. К вопросу о кредитных нотах как разновидности структурного продукта // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 10. С. 70–94.
17. Нам К. В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. № 1. С. 28–74.

© Фазлиева Л. К.

© Хисамутдинова Э. Н.

УДК 341.3

Л. В. ХАНАХМЕДОВА, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (г. Рязань)

L. V. KHANAHMEDOVA, Associate Professor of the Chair of State and Civil Law Disciplines of Ryazan branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, Candidate of Law (Ryazan)

Е. В. СТРУГОВА, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук (г. Рязань)

E. V. STRUGOVA, Associate Professor of the Chair of State and Civil Law Disciplines of Ryazan branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, Candidate of Law (Ryazan)

НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА КАК ИНДИКАТОР ЧЕЛОВЕЧНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА

RULES OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW AS AN INDICATOR OF THE INTERNATIONAL COMMUNITY HUMANITY

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы современности, связанные с недопущением вооруженных конфликтов. Анализу подвергаются международные правовые предписания, регулирующие вопросы международного гуманитарного порядка, высказывается позиция о том, что рядом государств аналогичные правовые предписания трактуются неоднозначно, что порождает в будущем множество гуманитарных проблем. Также авторы утверждают, что сложившуюся систему защиты международного правопорядка нельзя признать совершенной.

Ключевые слова и словосочетания: международное гуманитарное право, императивные принципы, международный вооруженный конфликт, недопущение агрессивной войны, гуманизм.

Annotation. The article deals with topical issues related to the prevention of armed conflicts. The international legal provisions governing the issues of international humanitarian order are analyzed and the standpoint is expressed that similar legal provisions are treated ambiguously by a number of states, that generates in future many humanitarian problems. The authors also argue that the current system of the international rule of law protection cannot be considered perfect.

Keywords and phrases: international humanitarian law, preemptory principles, international armed conflict, the prevention of aggressive war, humanism.

На всем протяжении развития международных отношений государства старались с различной долей успешности ограничить насилие. Это привело к формированию общепринятых императивных принципов международного права, одним из которых является принцип неприменения силы и угрозы силой. Агрессия уже давно стала квалифицироваться как международное преступление. Однако даже юридическое закрепление подобных правовых предписаний не обеспечивает их соблюдения и недопущения вооруженных столкновений в целом.

На национальном уровне ориентиром в вопросах общего взаимодействия внутригосударственного и международного права является соответствующая конституционная норма. Так, к примеру, в Российской Федерации ч. 4 ст. 15 Конституции РФ закрепляет положение о том, что «общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью российской правовой системы» [1]. В свою очередь следует напомнить, что «непосредственное действие норм международного права в сфере внутригосударственного права не означает принудительного, помимо воли государства, действия международных правовых норм на его территории.

Вышеизложенное означает, что в силу суверенитета государства в его правовой системе юридическое значение имеют только те нормы, действие которых им санкционировано. Справедливости ради заметим, что Россия всегда была сторонником безусловного последовательного политического курса по выполнению всех взятых на себя международных обязательств. Подтверждение сказанному находим в ежегодном обращении главы государства к парламенту: «Все участники международной жизни должны укреплять роль и значение международного права, а не подстраивать его нормы под чьи-то конъюнктурные интересы, вопреки основополагающим его принципам и здравому смыслу» [2]. К сожалению, подобный

государственный подход не характерен для абсолютного числа субъектов современного международного права. Однако авторы преднамеренно не приводят конкретные примеры, хотя ряд аналогий и событий последнего времени лежит как бы на поверхности и очевиден для всех.

Таким образом, следует констатировать тот факт, что в последние годы соблюдение и исполнение международных обязательств, особенно императивного характера, в полной мере зависит от проводимой национальной политики и расстановки политических, а не юридических приоритетов. В настоящее время обеспокоенность вызывают международные правовые веления, регулирующие вопросы международного гуманитарного порядка, поскольку рядом государств аналогичные правовые предписания могут трактоваться неоднозначно и порождать множество гуманитарных проблем. В связи с этим необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, деятельность государств и иных субъектов международного права в чрезвычайных условиях, вызванных ведением международных вооруженных конфликтов и связанных с ними эпидемиями, всеобщим загрязнением окружающей среды, нарушениями прав человека, регулируется отдельной отраслью международного права – международным гуманитарным правом. Целью последнего является защита прав и свобод личности, уменьшение человеческих страданий и гуманизация военных конфликтов.

Во-вторых, эта проблема возникла давно и не теряет своей актуальности сегодня. Одновременно признавая всю степень ответственности мирового сообщества за сложившуюся международную геополитическую ситуацию, систему защиты международного правопорядка нельзя признать совершенной и окончательной. И у человечества есть все основания полагать, что значительную роль в этом призвано сыграть международное гуманитарное право.

В этой связи представляется справедливой идея, сформулированная Ш. Монтескье. Так, «международное право основывается на том принципе, согласно которому различные народы должны во время мира делать друг другу как можно более добра, а во время войны причинять насколько возможно менее зла. Цель войны – победа; цель победы – завоевание; цель завоевания – сохранение» [3, с. 15]. Еще ранее Ж.-Ж. Руссо в работе «Об общественном договоре» писал, что «война – это отношение отнюдь не человека к человеку, но Государства к Государству, когда частные лица становятся врагами лишь случайно и совсем не как люди и даже не как граждане, но как солдаты; не как члены отечества, но только защитники его» [4]. Данный посыл и сама возможность взятия правом на себя подобной роли стали движущей силой дальнейшего развития международного гуманитарного права.

Как известно, система международных гуманитарных правовых принципов и норм формировалась не только в мирное время, но и в период вооруженных конфликтов, меняла формулировки и содержание. В настоящее время юридическая наука выработала единые подходы к пониманию сущности данной отрасли международного права. В частности, профессор К. А. Бекяшев выразил обобщенное понимание международного гуманитарного права как «системы международно-правовых принципов и норм, регулирующих отношения между субъектами международного права в целях решения гуманитарных задач, возникающих в связи с международными вооруженными конфликтами и вооруженными конфликтами немеждународного характера, установления ответственности за нарушения правил ведения военных действий» [5]. В современных геополитических реалиях эта отрасль права, с одной стороны, подвергается беспрецедентной критике, а с другой – вызывает растущий интерес и серьезную обеспокоенность

существующими военно-гуманитарными проблемами.

В настоящее время вооруженные конфликты приобрели качественно иной характер как по масштабности ведения военных действий, так и по количеству нарушений требований международного гуманитарного права. Однако в ряде случаев реакция международного сообщества и авторитетных международных организаций вызывает недоумение. Так, еще в 2016 году занимавший пост Верховного комиссара ООН по правам человека Зейд Раад аль-Хуссейн заявлял, что «правительство Сирии обязано защищать право на жизнь мирных граждан, а также тех боевиков, кто сложил оружие или не ведет боевые действия. Дамаск должен обеспечить доступ в Алеппо независимым наблюдателям для оценки соответствия международному праву своих действий» [6]. Заметим, что эти слова о защите прав террористов были произнесены в период гуманитарной катастрофы в Сирии. При этом у большинства государств отсутствует единство в подходах к созданию правовых норм и их реальному применению.

Справедливости ради отметим, что в Сирии с 2011 года продолжается вооруженный конфликт. К урегулированию активно подключились Россия, Иран, Турция, которые являются гарантами перемирия. За это время в Сирии удалось практически полностью победить террористов, начать политическое урегулирование, возвращение беженцев и восстановление разрушенной войной инфраструктуры. Был создан конституционный комитет, куда вошла и оппозиция. Однако согласно данным Министерства обороны Российской Федерации, к примеру, только за одни сутки в ноябре 2019 г. Россия в рамках работы комиссии по перемирию в Сирии зафиксировала 26 случаев нарушения режима прекращения огня [7]. Тем не менее важным достижением международного общения является юридическое установление обязанности

государств и других субъектов международного права по отношению к участникам и жертвам вооруженных конфликтов. Более того, нормы международного гуманитарного права должны действовать в отношении всех сторон конфликта независимо от причины его возникновения. В этой связи международное правовое признание получила «оговорка Мартенса», которая впоследствии приобрела форму правового обычая.

Так, в ст. 1 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), закреплено, что «в случаях, не предусмотренных настоящим Протоколом или другими международными соглашениями, гражданские лица и комбатанты остаются под защитой и действием принципов международного права, проистекающих из установившихся обычаев, из принципов гуманности и из требований общественного сознания» [8]. За длительное время международное сообщество накопило значительный опыт конвенционного и организационного механизма регулирования рассматриваемых явлений.

С одной стороны, договорные (конвенционные) нормы международного гуманитарного права нашли закрепление во Всеобщей Декларации прав человека, Пактах о правах человека, Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг., Женевской конвенции 1949 г., Статуте Международного уголовного суда и др. С другой – международное право допускает, что действие некоторых правовых норм указанной отрасли может быть приостановлено государствами во время военного положения, однако ряд основных принципов и прав человека должны соблюдаться любым субъектом международного права независимо от сложившейся ситуации.

Следует согласиться с мнением, что данное право должно «воплощать на практике гуманные принципы в пери-

од трудных ситуаций, квалифицировать состояние юридического консенсуса в определенный момент и определять состояние признанных гуманитарных принципов и механизмов их реализации» [9]. При этом современная международная правовая практика в этой области свидетельствует о расширительном толковании юридических норм, что приводит к дестабилизации международных отношений.

В связи с этим Российская Федерация, осознавая значимость общенациональных интересов и защищая суверенное право на собственный путь развития, заявила о выходе из членства Международного уголовного суда, учрежденного в качестве главного судебного органа ООН. Данное решение нашло юридическое закрепление в Распоряжении Президента РФ от 16.11.2016 № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Международного уголовного суда» [10]. Напомним, что учредительным документом Международного уголовного суда является Римский Статут [11], вступивший в силу в 2002 году. Россия подписала данный документ [12], но не ратифицировала его, а без ратификации последнего государство не считается попадающим под юрисдикцию международного судебного органа.

Подводя итог сказанному, важно отметить, что, с точки зрения формальной логики, нормы международного гуманитарного права являются основополагающими правилами поведения воюющих сторон, носят общий характер и рассчитаны на всю сферу вооруженной борьбы. Однако в настоящее время необходимо не только формально закрепить идеи человечности, законности и справедливости в нормах международного гуманитарного права, но и обеспечить их неукоснительное соблюдение в практике международных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 01.12.2016 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 674 с.
4. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с франц. Л. Неманова; под ред. Д. Е. Жуковского. СПб., 1907. 247 с.
5. Международное публичное право: учебник / Л. П. Ануфриева, К. А. Бекашев, Е. Г. Моисеев [и др.]; отв. ред. К. А. Бекашев. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. 1008 с.
6. РИА Новости. В ООН призвали защищать права боевиков, сложивших оружие в Сирии. URL: <https://www.ria.ru/syria/20161213/1483503274.html> (дата обращения: 10.11.2019).
7. Министерство обороны Российской Федерации. Миссия в Сирии: борьба с международным терроризмом. URL: <http://syria.mil.ru/war-on-terror/info/bulletins.htm> (дата обращения: 11.11.2019).
8. Дополнительный Протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993. С. 182–191.
9. Малахов И. С. Международное гуманитарное право: дефиниция и содержание (политологический аспект) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 3. С. 162–169.
10. О намерении Российской Федерации не стать участником Международного уголовного суда: распоряжение Президента РФ от 16.11.2016 № 361-рп // Собрание законодательства РФ. 2016. № 47. Ст. 6630.
11. Статут Международного Суда (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Действующее международное право. М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 797–811.
12. О подписании Римского статута Международного уголовного суда: распоряжение Президента РФ от 08.09.2000 № 394-рп // Собрание законодательства РФ. 2000. № 37. Ст. 3710.

© Ханахмедова Л. В.

© Стругова Е. В.

**СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 340.6:343.982.325(470)

А. В. ВАСИЛЬЧЕНКО, доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат медицинских наук, доцент (г. Уфа)

A. V. VASILCHENKO, Associate Professor of the Criminalistics Department of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Medical Sciences, Docent (Ufa)

Э. Д. НУГАЕВА, начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук (г. Уфа)

E. D. NUGAEVA, Head of the Criminalistics Department of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law (Ufa)

**ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПО ИДЕНТИФИКАЦИИ НЕОПОЗНАННЫХ ТРУПОВ**

**ISSUES OF IMPROVEMENT OF EXPERT RESEARCH
ON IDENTIFICATION OF UNKNOWN CARDS**

Аннотация. В статье анализируются проблемы идентификации личности неопознанных трупов методологического и правового характера. В ходе работы были рассмотрены традиционные (дактилоскопическая и геномная регистрация, фотофиксация головы неопознанного трупа) и альтернативные современные методики опознания, а также проанализирована практика реализации идентификационных исследований. В ходе научного исследования выявлено, что ведущими факторами, затрудняющими применение методов опознания, выступают: отсутствие единой межведомственной базы индивидуальных идентификационных признаков, узкий перечень лиц, подлежащих обязательной геномной и дактилоскопической регистрации, отсутствие практики обязательной регистрации биометрических данных граждан, некорректное заполнение опознавательных карт неопознанных трупов и лиц, пропавших без вести. Предложены рекомендации по интеграции существующих традиционных и альтернативных методик идентификации и внедрению новых способов опознания, расширению категорий лиц, подлежащих обязательной геномной и дактилоскопической регистрации, введению практики обязательного цифрового фотографирования всех категорий граждан, созданию единого банка данных по идентификации личности, оптимизации заполнения опознавательных карт.

Ключевые слова и словосочетания: экспертиза, идентификация личности, единый банк данных, интеграция исследований, экспертное исследование, неопознанные трупы.

***Annotation.** The article analyzes the problems of identification of unidentified corpses of a methodological and legal nature. During the work, traditional (fingerprint and genomic registration, photofixation of the head of an unidentified corpse) and alternative modern methods of identification were examined, and the practice of the implementation of identification studies was analyzed. A scientific study revealed that the leading factors that impede the use of identification methods are: the lack of a single interagency database of individual identification features, a narrow list of persons subject to mandatory genomic and fingerprint registration, lack of practice of mandatory registration of biometric data of citizens, incorrect filling of identification cards of unidentified corpses and missing persons. Recommendations are offered on integrating existing traditional and alternative methods of identification and introducing new methods of identification, expanding the categories of persons subject to mandatory genomic and fingerprint registration, introducing the practice of mandatory digital photography of all categories of citizens, creating a unified database of personal identification data, optimizing the filling of identification cards.*

***Keywords and phrases:** expertise, identity, a single database, research integration, expert research, unidentified corpses.*

Ежегодно в Российской Федерации обнаруживаются десятки тысяч неопознанных трупов граждан, что, несомненно, обуславливает актуальность проблемы их опознания [1]. Ситуация усугубляется комплексом нерешенных вопросов методологического и правового характера, возникающих при проведении экспертиз по идентификации неопознанных трупов. Опознание личности невозможно провести без сравнительного материала. Отсутствие единой межведомственной базы индивидуальных идентификационных признаков является одним из основных факторов, затрудняющих эффективное применение методов идентификации неопознанных трупов.

В последние годы ведущим методом идентификации как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах является метод молекулярно-генетических исследований, доказавший свою высокую эффективность. Однако созданная в России Федеральная база данных геномной информации содержит всего лишь сведения о 0,14 % численности населения страны [2, с. 35]. В данном случае уместно привести опыт Исландии, где обязательному сбору геномной информации подлежит население всей страны. Однако внедрение подобной практики сбора и накопления геномной информации в Российской Федерации расценено как преждевременное [3, с. 14].

Согласно действующему законодательству в России [4–5] геномная регистрация осуществляется в обязательном порядке, помимо неопознанных трупов, только в отношении лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления либо преступления против половой неприкосновенности и отбывающих наказание в виде лишения свободы. Вместе с тем действующий закон в России [4] не предусматривает возможности геномной регистрации подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, тем самым существенно снижает эффективность метода молекулярно-генетической экспертизы при проведении раскрытия и расследования преступлений, а также идентификации трупов [6, с. 34]. В то же время лица, осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления, а также преступления против половой неприкосновенности и отбывшие наказание до принятия действующих нормативных актов, могут быть поставлены на учет лишь при повторном осуждении за совершение подобных преступлений [7, с. 161].

Зарубежный опыт успешного применения идентификации личности неопознанных трупов за счет увеличения базы геномной регистрации свидетельствует о необходимости расширения категорий граждан, которые должны подлежать обязательному геномному учету в Федеральной базе данных Российской Федерации.

Мы полагаем, что необходимо расширить перечень лиц, находящихся на учете геномной регистрации за счет родственников лиц, пропавших без вести, лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении уголовно наказуемых преступлений, лиц, осужденных по всем уголовным статьям, а также подвергнутых административному аресту. Увеличение объема базы учета ДНК граждан позволит не только уменьшить число неопознанных трупов, но и сократить сроки их опознания, что будет способствовать более эффективному раскрытию преступлений.

На сегодняшний день самым распространенным признаком, используемым для идентификации, являются отпечатки пальцевых узоров человека [8, с. 189]. Это обусловлено наиболее широким спектром категорий лиц, подлежащих обязательному дактилоскопированию, возможностями проведения добровольной дактилоскопической регистрации [5]. Однако имеющейся в настоящее время в России базы дактилоскопического учета зачастую бывает недостаточно для идентификации трупов, что свидетельствует о необходимости ее увеличения за счет расширения перечня категорий граждан, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации. К сожалению, факторами, довольно часто ограничивающими применение данного метода идентификации, являются выраженные гнилостные изменения и повреждения пальцев кистей рук трупа.

Одним из перспективных направлений сбора индивидуальных идентификационных признаков в России является внесение в единую базу данных цифровых фотографий головы граждан. Актуальность данного направления подтверждается сведениями о том, что в бюллетенях оперативно-разыскной информации фотографии пропавших без вести лиц зачастую отсутствуют либо имеют низкое качество, что существенно снижает эффективность опознавательных мероприятий [9, с. 68]. Формальное

заполнение опознавательной карты со слов родственников без привлечения к заполнению судебных медиков [9, с. 69], осуществление фотофиксации неопознанных трупов после проведения внутреннего их исследования, из-за которого габитальные признаки опознаваемого лица могут быть изменены [10, с. 172], либо с признаками поздних трупных изменений не способствуют сбору идентификационных признаков, необходимых для отождествления лица.

К сожалению, экспертные методики идентификации личности погибших не всегда применимы в случаях, когда биологические образцы, представляемые на исследование, имеют повреждение умышленного (сокрытие следов убийцами) либо неумышленного характера. В частности, широкое распространение получили случаи предоставления на экспертизу биологических материалов вследствие неправильного осуществления забора, упаковки и хранения либо позднего обнаружения и изъятия, подверженных гнилостным изменениям, что влечет за собой дополнительное изменение идентификационных признаков и непригодность для исследования. В случае использования убийцами изоцтренных способов, направленных на затруднение идентификации личности погибшего (использование кислот и щелочей, сжигание останков и пр.) [11, с. 35], возможности использования традиционных методов идентификации личности существенно ограничены или невозможны.

Различными авторами упоминаются основанные на современных научных достижениях альтернативные методы отождествления личности, позволяющие осуществлять идентификацию трупа, когда традиционно используемые методы являются неэффективными [12, с. 94; 13, с. 51; 14, с. 70; 15, с. 60; 16, с. 52]. На сегодняшний день как альтернатива традиционным методам наиболее часто используются судебно-стоматологические, краниофасциальные и рентгено-

логические методы медико-криминалистической идентификации, реализуемые в форме компьютерных технологий. Данные технологии позволяют не только осуществлять сравнительную оценку отождествляемых признаков с помощью различных методик, но и объединять их, формировать из них единый оценочный алгоритм (использование единичных зубов и фрагментов костей как альтернатива необходимости оценки по зубному ряду или целым костям).

К преимуществам использования костей и зубов для отождествления неопознанных трупов следует отнести наличие у них большого числа индивидуальных признаков, сохранность на протяжении многих лет, неприхотливость в условиях хранения и неподверженность, в отличие от мягких тканей, гнилостному разрушению и иным повреждающим факторам внешней среды. Кости и зубы способны к сохранению идентификационных признаков (последствия травм, заболеваний, патологии развития, профессиональной деятельности) на протяжении десятков и сотен лет. Наличие сохранившихся единичных фрагментов костей позволяет определить прижизненность повреждений, пол и расовую принадлежность трупа даже после воздействия на них крайних температур и химических агентов.

В настоящее время ведутся работы по созданию и объединению новых методов идентификационных исследований. Так, габитальные признаки, данные краниометрии и стоматологического статуса интегрированы в единую систему идентификационных параметров человека; осуществлена алгоритмизация их оценки; разработаны программы компьютерного моделирования идентификации личности по количественным и качественным признакам (локализация и количество краниометрических, физиогномических точек измерения, состояние и особенности развития зубного ряда) и их последующая автоматизирован-

ная оценка на предмет степени совпадения; успешно применяются методики трехмерного моделирования черепов с последующим совмещением компьютерной модели черепа и фотографии пропавшего без вести лица; на основе научно-обоснованных теорий используются алгоритмы экспертных методик идентификации в случае массового поступления неопознанных трупов (террористические акты, катастрофы и пр.); в стадии разработки находится методика биологического микрочипирования, позволяющая в последующем упростить процедуру идентификации личности.

Несомненно, широкое внедрение и интеграция альтернативных методов отождествления будет способствовать расширению возможностей идентификации личности трупов и поиску без вести пропавших лиц. Однако существенной проблемой при отождествлении личности подобными методами является недостаток сравнительного материала, который пригоден для проведения исследований. Отсутствие единого банка идентификационных данных для отождествления личности существенно затрудняет идентификацию неопознанных трупов и обуславливает необходимость создания специальных компьютерных технологий, объединяющих различные идентификационные признаки и методики экспертных исследований. Это отчетливо проявляется при необходимости идентификационных исследований в кратчайшие сроки, например, при катастрофах, террористических актах или военных конфликтах. Мы полагаем, что для увеличения базы сравнительных материалов целесообразно использование в идентификационных мероприятиях сведений региональной информационно-аналитической медицинской системы «ПроМед», в которой содержится информация о перенесенных травмах и операциях, а также стоматологическом статусе граждан, обращавшихся за медицинской помощью.

Таким образом, в сложившейся ситуации возникает острая необходимость комплексного применения различных медико-криминалистических методик оценки зубов и костных останков, модернизации и совершенствования существующих, а также внедрения новых методик отождествления личности человека, создания единой межведомственной базы индивидуальных идентификационных признаков граждан, включающей в себя сведения региональных информационно-аналитических медицинских систем «ПроМед», государственной геномной и

дактилоскопической регистрации, цифровые фотографии лица граждан. Также целесообразно расширение категорий граждан, подлежащих обязательному геномному и дактилоскопическому учету, введение практики обязательного цифрового фотографирования всех категорий граждан. Заполнение опознавательной карты неопознанного трупа следует осуществлять с обязательным участием судебного медика, а фотофиксацию индивидуальных признаков опознаваемого лица – до проведения внутреннего судебно-медицинского исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <http://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 03.06.2019).
2. По биологическим следам: интервью с генерал-полковником полиции А. Гостевым, заместителем Министра внутренних дел Российской Федерации // Полиция России. 2017. № 1. С. 35–39.
3. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2011 год: доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 20.02.2012 // СПС «КонсультантПлюс».
4. О государственной геномной регистрации в Российской Федерации: федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ: текст с изменениями и дополнениями на 17.12.2009. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.09.2019).
5. Об утверждении Положения о порядке проведения обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы: постановление Правительства РФ от 11.10.2011 № 828 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Белов О. А. Правовая регламентация учета данных ДНК биологических объектов в России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов. 2015. № 12 (62). С. 33–35.
7. Чернышев С. А., Цыганкова И. В. Актуальные вопросы совершенствования Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 3 (224). С. 160–162.
8. Грибунов О. П. Всеобщая дактилоскопическая регистрация граждан как элемент реализации криминалистического предупреждения преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 188–191.
9. Игуменов А. С. О некоторых вопросах информационно-аналитического обеспечения розыска без вести пропавших и установления личности неопознанных трупов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 67–71.
10. Егоров О. О. Проблемы алгоритмизации деятельности по ведению криминалистических и розыскных учетов без вести пропавших лиц и неопознанных трупов // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 8. С. 168–173.
11. Варданян А. В., Алексиенко О. Н. Использование знаний о способах преступлений против жизни и здоровья в выявлении и разоблачении ложного алиби // Юристы-Правоведы. 2008. № 6. С. 35–38.
12. Манин А. И., Тангиева Т. А. Особенности использования рентгенологического метода исследования для идентификации личности // Dental forum. 2012. № 5. С. 94–97.

13. Мордюк А. В., Земскова А. В., Филимонова Е. С. Использование папиллярных узоров для идентификации неопознанных трупов // Вестник современных исследований. 2018. № 5. С. 50–52.

14. Солтышевский И., Солодов В. А., Ахрем Д. Методы идентификации трупов и их частей в польской криминалистической практике // Вестник криминалистики. 2018. № 3. С. 69–79.

15. Токарева Ю. А. Особенности идентификации при судебно-медицинском исследовании трупов неизвестных лиц // В сборнике: Актуальные вопросы современной медицины. Астрахань: Астраханский государственный медицинский университет, 2018. С. 60–62.

16. Щербаков В. В., Щербакова Е. В. Идентификация личности по исходам события с массовыми человеческими жертвами // Судебно-медицинская экспертиза. 2012. № 1. С. 52–55.

© Васильченко А. В.

© Нугаева Э. Д.

УДК 343.985.7(470)

Е. Н. ВОЛЫНКИН, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Красноярск)

E. N. VOLYNKIN, Associate Professor of the Department of Investigation Activities of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Docent (Krasnoyarsk)

О НЕКОТОРЫХ МЕРАХ ПО РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ПРОШЛЫЕ ГОДЫ

ABOUT SOME MEASURES FOR DISCLOSURE OF THE CRIMES COMMITTED IN THE LAST YEARS

Аннотация. В статье раскрываются основные факторы, оказывающие негативное влияние на раскрытие преступлений прошлых лет. Предлагаются меры, направленные на совершенствование деятельности в данном направлении. Автор считает, что требуется совершенствование организационных основ оперативно-разыскной деятельности, повышение уровня и эффективности взаимодействия сотрудников оперативных и следственных подразделений, использование имеющихся сил, средств и методов, а также приемов, разработанных криминалистикой, упорство и хорошее знание тактики раскрытия и методики расследования данной категории преступлений. По мнению автора, основной путь к раскрытию преступлений прошлых лет – это глубокий анализ материалов по приостановленным уголовным делам, выдвижение новых оперативно-разыскных и следственных версий по «старым» делам и т. д.

Ключевые слова и словосочетания: преступления прошлых лет, «старые» преступления, должностное лицо, раскрываемость преступлений, взаимодействие, организация раскрытия преступлений.

Annotation. The article reveals the main factors that have a negative impact on the disclosure of crimes of past years. Measures aimed at improving activities in this direction are proposed. The author

believes that it is necessary to improve the organizational foundations of operational investigative activities, increase the level and efficiency of interaction between employees of operational and investigative units, use the available forces, means and methods, as well as the techniques developed by forensic science, perseverance and good knowledge of disclosure tactics and investigation techniques in this category crimes. According to the author, the main way to solving crimes of past years is a deep analysis of materials on suspended criminal cases, putting forward new investigative and investigative versions of «old» cases, etc.

Keywords and phrases: *crimes of past years, «old» crimes, official, crime detection, interaction, organization of crime detection.*

В системе мер по противодействию преступности существенная роль отводится раскрытию преступлений, уголовные дела по которым приостановлены производством, иными словами, преступлений прошлых лет. В своей практической деятельности сотрудники органов внутренних дел (далее – ОВД) такие преступления условно называют «старыми». Раскрытие рассматриваемых преступлений является одним из наиболее сложных и трудоемких направлений деятельности оперативных подразделений ОВД. Характеризуя проблему нераскрытых преступлений прошлых лет, видный российский криминалист В. П. Лавров обоснованно назвал ее «проблемой, ставшей для России глобальной» [1, с. 15–24].

Анализ мнений различных авторов и изучение специальной литературы позволяют заключить, что нераскрытыми преступлениями прошлых лет следует считать зарегистрированные и нераскрытые преступления, совершенные в предшествующие годы, предварительное следствие по которым приостановлено, но не истек срок давности привлечения к уголовной ответственности [2, с. 110]. В то же время приостановление предварительного следствия не означает, что работа по раскрытию преступления должна быть прекращена. Пункт 1 ч. 2 ст. 209 УПК РФ предписывает сотрудникам следственного подразделения после приостановления производства по уголовному делу принимать меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого.

С другой стороны, в соответствии с Инструкцией по организации учета, хра-

нения и инвентаризации уголовных дел в следственных подразделениях и подразделениях дознания (организации дознания) органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 16 ноября 2017 г. № 866, (далее – Инструкция) уголовное дело, производство предварительного расследования по которому приостановлено по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, хранится в специальном помещении в условиях, исключающих их хищение, утрату, порчу, доступ посторонних лиц, и выдается должностному лицу под подпись. И тут возникает вопрос: «Кто является "должностным лицом"?». К сожалению, Инструкция ответа на этот вопрос не дает.

Следует заметить, что до настоящего времени на законодательном уровне не закреплено однозначное толкование «должностного лица». Однако в связи с необходимостью установления уголовной ответственности за должностное преступление законодатель был вынужден дать его определение в примечании к ст. 285 УК РФ, а также при привлечении к административной ответственности за правонарушение (в примечании к ст. 2.4 КоАП РФ). Анализ разных точек зрения многих авторов в разные периоды исследования о понятии и различных обоснованиях сущности должностного лица позволяет сформулировать отдельные характерные признаки, присущие должностным лицам ОВД. Такими признаками, на наш взгляд, могут быть функции, полномочия и ответственность должностного лица. Названные признаки закреплены в российском законодательстве

и позволяют глубже понять сущность должностного лица как субъекта нормотворческих отношений ОВД. Следует отметить, что в соответствии с приказом МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 при оценке деятельности ОВД введен показатель – раскрытие преступлений прошлых лет. Положительная оценка выставляется при позитивной динамике, то есть количество раскрытых преступлений прошлых лет не должно быть меньше показателя за предыдущий год.

Анализ показывает, что за 2018 год общий остаток нераскрытых преступлений по Российской Федерации сократился на 3 % (860,4 тыс.), а тяжких и особо тяжких преступлений увеличился на 3,1 % (198,6 тыс.). Раскрыты 48,6 тыс. преступлений прошлых лет (–5,1 %), из них 12,3 тыс. – тяжких и особо тяжких (–8,6 %), 1,9 тыс. – совершенных организованной группой либо преступным сообществом (–4,1 %). Расследованы совершенные в прошлые годы 424 убийства, 179 изнасилований, 529 фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, 536 разбойных нападений, 1,6 тыс. грабежей, 23,2 тыс. краж. По данным ФКУ Главного информационно-аналитического центра МВД России, в 95,4 % виновные лица установлены сотрудниками ОВД. Наибольший рост количества нераскрытых преступных посягательств отмечается в республиках Дагестан (+11 %), Ингушетия (+ 17,7 %) и Карелия (+17,2 %), Ленинградской (+44,7 %), Липецкой (+14,4 %), Магаданской (+22,3 %), Новосибирской (+22,6 %), Орловской (+15,6 %), Пензенской (+47,3 %) и Еврейской автономной (+23,8 %) областях [3].

Между тем проведенный анализ дел оперативного учета и уголовных дел в ряде регионов Сибирского федерального округа свидетельствует о том, что на первоначальном или последующем этапах раскрытия и расследования таких преступлений сотрудниками оперативных подразделений и следователями допуска-

ются просчеты в выборе приемов и способов, а также в активном использовании сил и средств. К сожалению, в изученных делах выдвижение версий строится по определенному шаблону без тщательного анализа данных, добытых в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, а также без учета специфических особенностей совершенного преступления. Анализ практической деятельности ОВД позволяет выделить объективные и субъективные факторы, влияющие на раскрытие преступлений прошлых лет. К числу объективных факторов по-прежнему можно отнести:

– несвоевременное обнаружение ОВД самих фактов совершения отдельных преступлений, поскольку информация об этом поступила к ним довольно поздно, уничтожены или исчезли доказательства в силу определенных природных (погодных) условий, при которых было совершено преступление;

– преступный опыт лиц, совершающих преступления, квалифицированность мер, используемых ими в целях сокрытия противоправного деяния, следов преступления и своей причастности к нему;

– недостаточно высокий уровень оперативно-криминалистических знаний сотрудниками ОВД и т. п.

К субъективным факторам, оказывающим негативное влияние на раскрытие преступлений прошлых лет, следует отнести:

– установку на раскрытие преступлений текущего года, поскольку данный показатель является основным критерием оценки деятельности правоохранительных органов;

– несвоевременное принятие должных мер оперативными дежурными ОВД по преследованию и задержанию преступников «по горячим следам» после получения сообщения о преступлении, по организации заслонов и введению в действие оперативно-поисковых групп;

– несвоевременный выезд на место происшествия следственно-оперативной группы;

– несвоевременное информирование ОВД, расположенных по маршрутам, о возможном передвижении преступников;

– отсутствие должного взаимодействия между различными службами и подразделениями ОВД;

– организацию раскрытия преступления сотрудниками, не имеющими достаточного опыта работы и квалификации по делам определенной категории;

– неквалифицированный и поверхностный осмотр места происшествия, неоправданное ограничение его территории, неудовлетворительный поиск и фиксация следов и других вещественных доказательств;

– неэффективную организацию проверок по оперативно-разыскным, оперативно-справочным и криминалистическим учетам выявленных следов, предметов и веществ;

– шаблонное формирование версий о возможной причастности лиц, к конкретному совершенному преступлению (версии нередко выдвигаются без полного и всестороннего анализа полученных сведений, в процессе осуществления первоначальных оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий);

– несвоевременное установление свидетелей и очевидцев, их поверхностный опрос (допрос);

– отсутствие надлежащего контроля в местах вероятного сбыта или хранения похищенного имущества;

– неэффективную оперативную осведомленность о противоправной деятельности лиц, подозреваемых в совершении преступлений;

– преждевременное приостановление производства по уголовным делам, что приводит к неполному использованию всех процессуальных возможностей при раскрытии преступлений, и др. [4, с. 108–109].

Наиболее типичными являются по-прежнему недостатки организации оперативно-разыскных мероприятий при работе «от события – к лицу» или «от лица – к событию». Многие руководители не стремятся расширять арсенал используемых средств и методов работы, в частности, применять нетрадиционные методы (например, составление с помощью специалиста психологического портрета подозреваемого), а также использовать возможности молекулярно-генетических экспертиз [5, с. 52–53].

Вероятно, не требует подробных объяснений, что если следователем и сотрудником оперативного подразделения на этапе до приостановления уголовного дела следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия были проведены поверхностно и некачественно, требуемые данные не собраны в полном объеме, то в дальнейшем работа по раскрытию преступления, безусловно, осложняется. Это связано с тем, что допущенные ими ошибки могут оказаться трудноустраняемыми, поскольку по истечении определенного времени многие источники оперативно-значимой информации исчезают, а другие преобразуются и тем самым теряют доказательственную ценность. Изменяются и личность преступника, и объекты, которые могут быть использованы для его отождествления: меняется его внешний вид, в результате чего его сложнее опознать, а за истечением срока хранения уничтожаются документы, имеющие доказательственную информацию, также изменяются признаки орудий, использованных при совершении преступлений [6, с. 108–109].

Особое беспокойство вызывает тот факт, что по многим таким делам не осуществляется активная поисковая работа, отсутствует должный контроль со стороны руководства ОВД. Кроме того, руководители оперативных подразделений в отдельных регионах не организуют постоянный системный анализ данных о совершенных преступлениях для вы-

явления признаков серийности. К сожалению, взаимодействие оперативных и следственных подразделений в ряде регионов по-прежнему остается на низком уровне, что препятствует надлежащему обмену оперативной и следственной информацией [7, с. 88].

Именно несвоевременное и некачественное раскрытие преступлений порождает организационные трудности в работе ОВД, снижает авторитет в глазах граждан, приводит к росту преступности и в результате совершению неразоблаченными преступниками других противоправных деяний. Поэтому существенное значение должно отводиться организационно-тактическим мероприятиям по установлению виновных лиц не только на этапе предварительного следствия, но и после приостановления производства по уголовному делу. Здесь уместно вспомнить, что в целях повышения эффективности работы следственных органов по раскрытию и расследованию преступлений, совершенных в прошлые годы, к сожалению, только для Следственного комитета Российской Федерации, предлагается:

- привлекать к работе специалистов-психологов для активизации памяти свидетелей и потерпевших;

- активнее использовать данные автоматизированного централизованного учета нераскрытых убийств, других тяжких и особо тяжких преступлений против личности, а также данные систем дактилоскопического и геномного учетов, ведущихся в Главном управлении криминалистики;

- оценивать полноту оперативно-разыскных мероприятий, проводившихся по уголовным делам о преступлениях прошлых лет. В необходимых случаях ходатайствовать перед прокурорами о проверке дел оперативного учета в целях повышения эффективности оперативно-разыскной деятельности;

- осуществлять надлежащий контроль за выполнением всех запланиро-

ванных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, и др. [8].

Отметим, что при внимательном анализе материалов уголовных дел и оперативного учета нередко можно обнаружить оставленные без внимания эпизоды и факты, указывающие на возможные пути раскрытия преступления, в связи с которыми в корне изменяются направления деятельности по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет. Здесь следует учитывать и то, что временной фактор может оказать и положительное воздействие, поскольку притупляется бдительность преступников, они становятся менее осторожными и могут проговориться о совершенном преступлении своим знакомым, начать реализовывать похищенное имущество или деньги, что приведет их к разоблачению. При этом полагаем, что успешная работа по раскрытию преступлений прошлых лет зависит от своевременного учета указанных выше объективных и субъективных факторов, среди которых определяющим является уровень организации и тактики деятельности оперативных подразделений ОВД, предусматривающий как совершенствование существующих форм и методов раскрытия преступлений, так и изыскание новых.

Для конструктивного решения задач по раскрытию преступлений прошлых лет работа по установлению лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, должна осуществляться постоянно и планомерно. Анализ практики свидетельствуют о том, что именно раскрытие этой категории дел начинается, на первый взгляд, с незначительных фактов, которые по различным причинам не были учтены или проверены не своевременно. Поэтому при возобновлении производства по уголовному делу деятельность следователей и сотрудников оперативного подразделения не должна ограничиваться анализом и оценкой имеющихся доказательств, а их усилия должны быть направлены на активный

поиск новых и дополнительных источников, которые могут быть использованы для подготовки, осуществления следственных действий и в доказывании по уголовному делу. Важно, чтобы окончательно были проведены, подтверждены или опровергнуты имеющиеся сомнения в виновности или в ее отсутствии в отношении отдельных лиц.

Практика показывает, что многие преступники после совершения преступлений, раскрыть которые не удалось, оказываются осужденными за другие преступления и находятся в местах лишения свободы. Это обстоятельство важно учитывать при организации взаимодействия между сотрудниками оперативных подразделений МВД России и ФСИН России. Так, вопрос повышения эффективности деятельности по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет выходит за ведомственные рамки и требует более эффективного взаимодействия со всеми заинтересован-

ными правоохранительными органами, в первую очередь – с оперативными подразделениями ФСИН России.

Таким образом, раскрытие и расследование преступлений прошлых лет требует совершенствования организационных основ оперативно-разыскной деятельности, повышения уровня и эффективности взаимодействия сотрудников оперативных и следственных подразделений, использования широкого арсенала имеющихся сил, средств и методов, а также приемов, разработанных криминалистикой, упорства и хорошего знания тактики раскрытия и методики расследования данной категории преступлений. Глубокий анализ материалов по приостановленным уголовным делам, выдвижение новых оперативно-разыскных и следственных версий по «старым» делам, обеспечение тесного контакта сотрудников оперативных и следственных подразделений – вот основной путь к раскрытию преступлений прошлых лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лавров В. П. Проблемы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: материалы Межведомственного научного семинара. М., 2008. С. 15–24.
2. Седова Ю. А. Проблемы раскрытия преступлений прошлых лет подразделениями уголовного розыска // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 3 (40). С. 109–111.
3. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports (дата обращения: 15.09.2019).
4. Драпкин Л. Я. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет // Российский юридический журнал. 2014. № 4 (97). С. 105–113.
5. Кучерявый А. Ю. Взаимодействие органов дознания и следователей при раскрытии преступлений против личности, совершенных в прошлые годы // Предварительное следствие. 2009. № 4 (6). С. 48–53.
6. Стукалов В. В. Проблемы раскрытия преступлений прошлых лет // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 251–255.
7. Кулеева И. Ю. Правовое регулирование и криминалистическое обеспечение расследования нераскрытых преступлений прошлых лет // Инновационное образование и экономика. 2013. № 13 (24). С. 81–91.
8. Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет: приказ Следственного комитета РФ от 31.07.2014 № 65 // СПС «КонсультантПлюс».

© Волинкин Е. Н.

УДК 343.148.22:340.62(571.51)"2014/2018"

Ю. В. ЗИНЕНКО, доцент кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России, кандидат медицинских наук (г. Красноярск)

YU. V. ZINENKO, associate Professor of criminology Siberian Institute of law Ministry of internal Affairs of Russia, Candidate of Medical Sciences (Krasnoyarsk)

В. Ф. МОИСЕЕВ, заведующий отделом судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств Красноярского краевого бюро судебно-медицинских экспертиз, кандидат медицинских наук (г. Красноярск)

V. F. MOISEEV, Head of the Department of Forensic Medical Examination of Material Evidence of the Krasnoyarsk Regional Bureau of Forensic Medical Examinations, Candidate of Medical Sciences (Krasnoyarsk)

В. В. ЧЁРНЫЙ, эксперт отдела сложных экспертиз Красноярского краевого бюро судебно-медицинских экспертиз (г. Красноярск)

V. V. CHERNYI, Expert of the Department of Complex Examinations of the Krasnoyarsk Regional Bureau of Forensic Medical Examinations (Krasnoyarsk)

АНАЛИЗ КОМИССИОННЫХ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРТИЗ, ПРОВЕДЕННЫХ В ОТДЕЛЕ СЛОЖНЫХ ЭКСПЕРТИЗ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВОГО БЮРО СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЗА 2014–2018 ГГ.

ANALYSIS OF THE COMMISSION FORENSIC EXAMINATIONS CONDUCTED IN THE DEPARTMENT OF COMPLEX EXAMINATIONS OF THE KRASNOYARSK REGIONAL BUREAU OF FORENSIC EXAMINATION FOR 2014–2018

Аннотация. В статье авторами проведен ретроспективный анализ комиссионных экспертиз отдела сложных экспертиз Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы (далее – ККБСМЭ) за 2014–2018 гг. Также рассмотрены проблемы, связанные с назначением и организацией комиссионных судебно-медицинских экспертиз, вопросы, оценки дефектов оказания медицинской помощи по так называемым «врачебным делам». Опираясь на анализ эмпирических материалов отдела сложных экспертиз ККБСМЭ, авторами выделены проблемы, связанные с составлением должностными лицами постановлений о назначении судебно-медицинской экспертизы (далее – СМЭ), направлением материалов на экспертизы и формулировкой вопросов перед экспертной комиссией, сформулированы предложения по решению отмеченных проблем.

Ключевые слова и словосочетания: постановление, заключение эксперта, комиссионные судебно-медицинские экспертизы, дефекты, оказание медицинской помощи, судебно-медицинский эксперт, методические рекомендации.

Annotation. In the article the authors conducted a retrospective analysis of commission examinations of the complex examinations department of the Krasnoyarsk Regional Bureau of Forensic Medicine (KRBFM) for 2014–2018. The article deals with the issues related to the problems of the appointment and organization of the commission forensic medical examinations issues, assessment of defects in the provision of medical care in so-called «medical cases». Based on the analysis of empirical materials of the department of complex examinations of the KKBSME, the authors highlighted the problem regarding the compilation of decisions by officials about the appointment of the forensic medical examination (FME), the direction of materials for examination and the formulation the questions before the expert commission. The suggestions were formulated for solving the problems.

Keywords and phrases: resolution, expert opinion, commission forensic medical examination, defects, medical assistance, forensic medical expert, methodological recommendations.

В последние годы сохраняется тенденция к увеличению как назначений, так и производства различных судебных экспертиз и экспертных исследований. При этом возрастает количество проводимых сложных, многообъектных, комплексных судебных экспертиз [1, с. 86; 2, с. 85]. СМЭ по делам о профессиональных правонарушениях медицинских работников (по так называемым «врачебным делам») являются наиболее актуальными, сложными и трудоемкими видами практической деятельности судебно-медицинских экспертов [3, с. 227]. С целью выяснения объема и структурной характеристики комиссионных СМЭ нами проведен ретроспективный анализ проведенных СМЭ в отделе сложных экспертиз ККБСМЭ за 2014–2018 гг.

В структуре ККБСМЭ отдел сложных экспертиз является одним из самых важных, поскольку здесь решаются наиболее сложные и спорные вопросы СМЭ, пристальное внимание уделяется экспертизам, связанным с оценкой дефектов оказания медицинской помощи (по «врачебным делам»). Так, за последние 5 лет в отделе сложных экспертиз ККБСМЭ наблюдается стабильный рост общего количества проведенных комиссионных экспертиз (см. табл. 1).

Из данных, представленных в таблице 1, следует, что количество повторных экспертиз имеет тенденцию к снижению. Повторные экспертизы назначаются в случаях сомнений следственных органов и судов в правильности определения тяжести вреда, причиненного здоровью человека и причины смерти.

Таблица 1

Количество комиссионных экспертиз,
проведенных за 2014–2018 гг. в отделе сложных экспертиз ККБСМЭ

Год	2014	2015	2016	2017	2018
Всего экспертиз	850	900	970	1 050	1 070
Повторные экспертизы	74 (8,7 %)	51 (5,6 %)	64 (6,6 %)	51 (4,9 %)	50 (4,7 %)

Многолетний анализ назначаемых судебно-следственными органами комиссионных СМЭ в отделе сложных экспертиз ККБСМЭ свидетельствует о явной тенденции возрастания количества и доли экспертиз, связанных с оказанием медицинской помощи при расследовании уголовных и рассмотрении гражданских дел. Так, в 2014 г. проведены 95 комиссионных СМЭ, связанных с оценкой

ненадлежащего оказания медицинской помощи (11 % от всех видов исследований, проводимых в отделе сложных экспертиз ККБСМЭ), в 2015 г. – 102 (12 %), в 2016 г. – 114 (12 %), в 2017 г. – 443 (42 %), в 2018 г. – 464 (43 %). В последние годы (2017–2018 гг.) отмечается значительное увеличение количества экспертиз, назначаемых по «врачебным делам» (см. рис. 1).

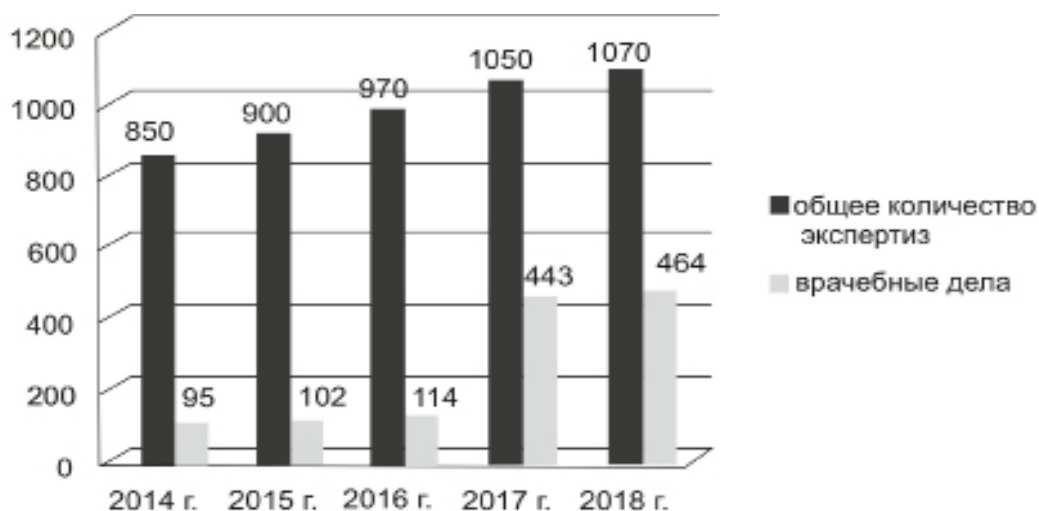

Рис. 1. Соотношение общего количества проведенных экспертиз в отделе сложных экспертиз ККБСМЭ и экспертиз по вопросам, связанным с оценкой дефектов оказания медицинской помощи за 2014–2018 гг.

Из основных причин, по которым назначались комиссионные СМЭ в 2014–2018 гг., нами выделены следующие:

- требование надзорных органов (прокуратура);
- указание руководителей следственного органа;
- ходатайство одной из сторон либо несогласие одной из сторон с выводами эксперта;
- неустановление причины смерти (труп гнилой);
- невозможно дать ответы на все поставленные вопросы при первичной экспертизе без привлечения узких специалистов;
- противоречие в выводах и исследовательской части;
- установление соответствия обстоятельств причинения повреждений и

механизма их образования при дорожно-транспортном происшествии;

- недостаточная обоснованность выводов;
- мнение специалиста, отрицающее выводы эксперта;
- отсутствие обоснования выводов – касается установления тяжести вреда, причиненного здоровью, давности и механизма повреждений.

Отметим, что практически в каждом постановлении о назначении комиссионной экспертизы имеется вопрос о качестве оказания медицинской помощи при упоминании медицинского работника в материалах дела, даже если он только констатирует наступление смерти. Проанализировав архивные материалы отдела сложных экспертиз ККБСМЭ за последние 5 лет, мы считаем, что в струк-

туре комиссионных СМЭ преобладают экспертизы по материалам уголовных дел, которые составляют 76 % от общего числа (см. табл. 2). Количество СМЭ, инициированных следственными учреж-

дениями, растет из года в год, в то время как назначенных судами, хоть и незначительно, сокращается.

Таблица 2

Соотношение уголовных и гражданских дел за 2014–2018 гг.
по архивным материалам отдела сложных экспертиз ККБСМЭ

Год	2014	2015	2016	2017	2018
Уголовные дела	641	733	731	740	818
Гражданские дела	209	167	239	310	252
Всего экспертиз	850	900	970	1 050	1 070

Понятие и порядок проведения СМЭ достаточно регламентированы на законодательном уровне. Несмотря на законодательное закрепление, проблемы назначения СМЭ, в том числе и по вопросам, связанным с оценкой ненадлежащего оказания медицинской помощи, продолжают иметь место и в теории, и в практической деятельности. Судебно-медицинская экспертиза – мощный инструмент сбора и закрепления доказательств по делу [4, с. 113]. Однако разделяя мнение ряда ученых, считаем, что «качество судебных экспертиз, сроки их исполнения, эффективность экспертных выводов зависят не только от врача судебно-медицинского эксперта (исполнителя), но и в меньшей степени от следователя, назначившего экспертизу» [5, с. 40]. От правильности постановки вопросов перед экспертом, доброкачественности и полноты собранных материалов во многом зависят законность и обоснованность итоговых выводов эксперта [6, с. 197].

Рассмотрим проблемы, связанные с назначением и организацией СМЭ по

вопросам, связанным с оценкой ненадлежащего оказания медицинской помощи, более подробно. Отметим, что проведение экспертного исследования по делам, связанным с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, имеет некоторые особенности:

– на исследование представляется большой объем материалов дела и медицинских документов, которые невозможно проанализировать в короткий срок;

– к производству экспертизы привлекается большое количество экспертов, чаще всего несостоящих в штате бюро, в связи с чем каждый специалист изучает материал по очереди, на что затрачиваются значительные временные ресурсы;

– часто в ходе экспертизы проводится очное обследование пострадавшего с привлечением врачей-специалистов, что также требует временных затрат, кроме того, графики работы специалистов часто не совпадают;

– проведение экспертизы занимает большее время (от нескольких месяцев до года);

– проведение подобных экспертиз не всегда возможно в своём регионе в связи с отсутствием врачей необходимой специализации;

– не всякая медицинская услуга или лечебно-диагностическое мероприятие имеют утверждённый Министерством здравоохранения Российской Федерации стандарт, что приводит к необходимости изучения литературных материалов и сопоставления различных методик лечения.

Детальное изучение постановлений о назначении комиссионных СМЭ за 2014–2018 гг. позволило выделить следующие проблемы, связанные с назначением и организацией СМЭ по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи:

1) составление постановления о назначении СМЭ;

2) предоставление материалов на СМЭ;

3) формулировка вопросов на разрешение СМЭ.

1. Проблемы, связанные с составлением процессуального документа – постановления о назначении СМЭ:

– не указывается информация о разрешении руководителю бюро привлечь специалистов, не состоящих в штате ККБСМЭ. Отсутствие такой информации приводит к нарушению ст. 14 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», где указано следующее: «Руководитель не вправе самостоятельно без согласования с органом или лицом, назначившим судебную экспертизу, привлекать к ее производству лиц, неработающих в данном учреждении». В таком случае заключение возводится в ранг недопустимых доказательств;

– не приводятся основания для назначения повторной и дополнительной СМЭ;

– при назначении дополнительной СМЭ формулируются те же вопросы, что и в первичной СМЭ (нарушение ст. 207 УПК РФ).

2. Проблемы, связанные с предоставлением материалов на СМЭ:

– зачастую материалы (медицинские документы и документы, содержащие следственную информацию) предоставляются в неупакованном виде либо упакованы в легко разрушающиеся бумажные или мусорные пакеты, что исключает возможность их транспортировки консультантам без опасения утраты или повреждения;

– отсутствуют медицинские документы, отражающие состояние здоровья пациента до оказания медицинской помощи, что не позволяет определить сущность причинённого здоровью вреда;

– медицинские документы предоставляются в виде незаверенных копий, что позволяет усомниться в подлинности изложенных сведений;

– медицинские документы предоставляются в виде нечитаемых копий, что не позволяет провести анализ материалов;

– предоставляемые записи лечащих врачей содержат большое количество сокращений или выполнены нечитаемым почерком, что исключает возможность определения особенностей течения заболевания и эффективность лечебных мероприятий;

– отсутствуют результаты дополнительных инструментальных исследований, подтверждающие наступление неблагоприятного исхода, – невозможно составить конкретные выводы;

– предоставляются медицинские документы на посторонних лиц, что удлиняет сроки проведения СМЭ из-за дополнительных согласований;

– в случаях наступления смерти пациентов осуществляются попытки назначения комиссионной экспертизы до получения результатов первичной экспертизы трупа или патологоанатомического исследования, что также удлиняет сроки проведения СМЭ из-за дополнительных согласований;

– материалы дела не содержат сведений о нормативных документах (протокол ведения пациента, клинические рекомендации, стандарт оказания медицинской помощи, внутренние нормативные акты лечебно-профилактических учреждений, посвящённые оказанию данного вида помощи), которыми руководствовались лечащие врачи, что также приводит к нарушению законодательства (ст. 57 УПК РФ);

– в материалах дела отсутствуют результаты служебных проверок, заключений страховых компаний или надзорных органов в сфере здравоохранения, подтверждающие сам факт ненадлежащего оказания медицинской помощи.

3. Проблемы, связанные с формулировкой вопросов на разрешение СМЭ:

– постановка вопросов, лежащих вне компетенции судебно-медицинской экспертной комиссии: «Что было бы, если бы ...?», «Возможно ли избежать неблагоприятный исход?».

Хочется подчеркнуть, что в настоящее время у многих следователей нет понимания задачи, которую требуется поставить перед экспертной комиссией, что ведёт к постановке максимально возможного количества вопросов, пусть и не относящихся к проведению лечения (мы регулярно получали постановления с 80–100 вопросами; в 2018 г. поступило постановление, содержащее более 400 вопросов). Именно этим объясняется появление в постановлениях о назначении СМЭ о ненадлежащем оказании медицинской помощи шаблонных вопросов о «взаиморасположении пострадавшего и нападавшего», «направлении раневых каналов», «признаках волочения или перемещения трупа», «причинении повреждений левшой», «возможности получения повреждений собственной рукой», «признаках самообороны» и т. д.;

– постановка вопросов, для ответа на которые не требуется использование медицинских знаний. Приведем несколь-

ко вопросов, сформулированных в постановлениях о назначении СМЭ по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи: «Какое оснащение имеет отделение?», «Какие обязанности у персонала?», «Какое время требуется для транспортировки?», «Кто отвечает за оснащение медицинского учреждения?» и т. д.;

– постановка общих, риторических вопросов без привязки к конкретному событию или конкретному пациенту, например: «Возможно ли испытывать боль при лечении зубов?»;

– очень часто имеют место попытки заставить экспертную комиссию исполнять функцию следователя: «Кто именно оказывал медицинскую помощь?», «Какие именно манипуляции проводил врач?» и т. д.;

– формулировка вопросов, имеющих оценочный характер предполагаемых последствий от действий, которые не совершались: «1. Возможно ли до применения эпидуральной анестезии при проведении операции кесарева сечения определить, каким образом она будет действовать на организм гр. К., в том числе предположить развитие эмбриона по мозаичному типу? 2. Повлияло ли бы на принятие решения об оперативном родоразрешении гр. К. ее доставление в родильный дом № ... бригадой скорой медицинской помощи 25.09.2017 непосредственно после приема в женской консультации?».

Подчеркнем, что в случаях назначения дополнительных комиссионных экспертиз следователи не могут пояснить цель их проведения, сформулировать новые задачи, которые следует поставить перед экспертной комиссией, поэтому просто повторяют ранее поставленные вопросы вне зависимости от уже имеющихся в предыдущих экспертизах ответов. У экспертных комиссий сложилось впечатление, что в 20 % случаев назначаемых дополнительных комиссионных СМЭ, в том числе по вопросам, связанным с оценкой ненадле-

жащего оказания медицинской помощи в отделе сложных экспертиз ККБСМЭ, для осознания экспертных выводов их нужно повторить следователю несколько раз;

– в нарушение ст.ст. 16, 19 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ предъявляются требования к эксперту самостоятельно найти необходимые материалы для производства экспертизы (медицинские документы, нормативные акты и т. д.). Однако в ст. 16 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ указано: «Эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы», а согласно ст. 19: «Орган или лицо, назначившие судебную экспертизу, представляют объекты исследований и материалы дела, необходимые для проведения исследований и дачи заключения эксперта».

Для минимизации возвратов без исполнения СМЭ по ненадлежащему оказанию медицинской помощи, оптимизации работы экспертных комиссий и сокращения времени производства экспертиз предлагаем следующие пути решения выявленных нами проблем.

1. При назначении экспертизы следователю необходимо убедиться в ее целесообразности, определить цель проведения экспертизы и ожидаемый результат, определить круг медицинских вопросов, требующих решения в конкретном случае, касающихся конкретного события, исключить общие вопросы.

2. Подготавливать материалы дела таким образом, чтобы полученная следователем информация позволяла дать ответы на интересующие следствие вопросы. Если следствие интересуется исполнением стандарта оказания медицинской помощи (иного нормативного документа) – предоставить те нормативные документы (реквизиты и текст документа), которыми руководствовался лечащий врач при оказании медицинской помощи.

3. Следователю необходимо приобщать к материалам дела медицинские документы, содержащие информацию о состоянии здоровья пациента до момента ненадлежащего оказания медицинской помощи, медицинские документы и результаты дополнительных исследований, содержащие сведения о характере и объеме оказания медицинской помощи а интересующий следствие период и наступившие последствия.

4. Приобщать результаты служебных проверок по факту ненадлежащего оказания медицинской помощи.

5. Затребовать и приобщать к материалам дела заключения страховой компании или надзорного органа в сфере здравоохранения по конкретному случаю ненадлежащего оказания медицинской помощи.

6. Упаковывать доставляемые материалы в стандартные почтовые пластиковые пакеты.

7. В случае сомнений в правильности формулировки вопросов или достаточности предоставляемых документов должностным лицам, назначающим комиссионные СМЭ, необходимо обратиться за консультацией в отдел сложных экспертиз к заведующему отделом или заместителю начальника по экспертной работе.

8. Рекомендуем должностным лицам, назначающим СМЭ по вопросам ненадлежащего оказания медицинской помощи по «врачебным делам», использовать в работе методические рекомендации «Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи» [7]. Данные рекомендации, безусловно, предназначены для врачей – судебно-медицинских экспертов, но могут быть использованы в работе следователей, дознавателей, адвокатов и судей.

Считаем, что предложенные нами рекомендации помогут должностным

лицам, назначающим комиссионные СМЭ, в том числе по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи, определиться с целью назначения СМЭ, а также избежать недочетов при подго-

товке материалов на СМЭ, составлении постановления о назначении СМЭ и формулировании вопросов перед экспертной комиссией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мишин А. В., Мазуренко П. Н. Актуальные проблемы назначения и производства судебной экспертизы // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 86–89.
2. Сарычева Н. В. Некоторые процессуальные проблемы назначения судебной экспертизы // Инновации в науке: научный журнал. 2018. № 5 (81). С. 85–86.
3. Шульга И. П., Бадяев В. В. Особенности проведения судебно-медицинской экспертизы в случае ненадлежащего оказания медицинской помощи // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. 2018. № 17. С. 227–231.
4. Маслов А. В. Проблемы назначения и производства судебно-медицинских экспертиз // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. 2012. № 12. С. 112–117.
5. Сергеева О. С. Использование специальных познаний в процессе доказывания по уголовному делу: условия эффективности // Российский следователь. 2017. № 18. С. 40–44.
6. Жирова М. Ю. Типичные ошибки, связанные с назначением судебно-медицинской экспертизы по делам о причинении легкого вреда здоровью и побоях // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 3. С. 197–202.
7. Ковалев А. В. Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи: методические рекомендации. М.: ФГБУ «РЦСМЭ», 2017. 2-е изд., перераб. и доп. 29 с.

© **Зиненко Ю. В.**
© **Моисеев В. Ф.**
© **Черный В. В.**

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ. ЯЗЫК И ПРАВО.
ЮРИСЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'373.72'25=111=112.2

Т. В. КИРЮШКИНА, доцент кафедры английского языка Саратовской государственной юридической академии, кандидат филологических наук, доцент (г. Саратов)

T. V. KIRYUSHKINA, Associate Professor of the Chair of the English Language of Saratov State Law Academy, Candidate of Philological Sciences, Docent (Saratov)

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В ТЕКСТАХ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ)**

**PECULIARITIES OF PHRASEOLOGICAL UNITS FUNCTIONING IN THE TEXTS
OF LANGUAGES WITH DIFFERENT STRUCTURES
(ON THE MATERIAL OF JOURNALISTIC WORKS AND THEIR TRANSLATIONS
INTO ENGLISH AND GERMAN)**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности проявления семантических и структурно-грамматических потенций разных групп межъязыковых соответствий в условиях их контекстуальной реализации. Автор, используя тексты публицистических произведений и их переводы на английский и немецкий языки, устанавливает элементы сходства и различия в реализации языковых свойств фразеологических единиц русского языка и их соответствий в английском и немецком языках в идентичных контекстуальных условиях в аспекте структурного и структурно-семантического преобразования. В процессе сопоставительного анализа в работе обращается внимание на имеющиеся в сопоставляемых языках возможности наиболее адекватного по форме и содержанию перевода контекстуально-преобразованных фразеологических единиц.

Ключевые слова и словосочетания: фразеологические единицы, английский язык, немецкий язык, сопоставление, соответствие, функционирование, структурно-семантические преобразования.

Annotation. The article deals with the peculiarities of semantic and structural-grammatical potentials of different groups of interlanguage correspondences in the context of their contextual implementation. The author, using texts of journalistic works and their translations into English and German, finds elements of similarity and differences in the realization of linguistic properties of the Russian phraseological units and their correspondences in the English and German languages in the identical contextual setting in the aspect of structural and structural-semantic transformations. In the process of comparative analysis, the author draws attention to the possibilities of the most adequate forms and content of the contextually transformed phraseological units translated into the compared languages.

Keywords and phrases: phraseological units, English, German, comparison, correspondence, functioning, structural-semantic transformations.

Актуальность исследования определяется значимостью установления общих закономерностей проявления семантических и структурных свойств образных, экспрессивных фразеологических единиц (далее – ФЕ) разноструктурных языков в процессе их реализации в контекстах публицистических произведений. Для решения многих проблем общей фразеологии и теории перевода большое значение имеет изучение ФЕ на материале разных языков. Сопоставление фактов разных языков позволяет лучше понять закономерности и особенности изучаемых языковых фактов, глубже проникнуть в их структуру, обнаружить явления, которые остаются скрытыми при изучении одного языка вне сравнения его с другими. Особое значение для выявления алломорфизма и изоморфизма фразеологических систем разных языков имеет сопоставительный анализ вариантных ФЕ (узуальных и окказиональных).

Цель данной статьи – выявить особенности проявления семантических и структурно-грамматических потенций разных групп межъязыковых соответствий в условиях их контекстуальной реализации. В связи с этим были поставлены следующие задачи: 1) установить разные типы соотношения ФЕ исследуемых языков для выявления общезыковых и специфических черт их функционирования в публицистических контекстах; 2) установить сходство и различия в реализации языковых свойств ФЕ русского языка и их соответствий английского и немецкого языков в идентичных контекстуальных условиях в аспектах преобразования структурной организации и структурно-семантического преобразования.

Реализация указанных задач определяет новизну исследования, обусловленную выявлением особенностей функционирования ФЕ в публицистических текстах и возможностей их наиболее адекватной по форме и содержанию пе-

редачи на другие языки в идентичных контекстах.

Сходство и различие ФЕ разных языков с особой яркостью проявляются при сопоставлении этих единиц в процессе их речевого функционирования в одинаковых контекстуальных условиях. В качестве материала для исследования использованы публицистические произведения В. И. Ленина и их переводы на английский и немецкий языки. Выбор именно этого материала мотивирован несколькими причинами. Во-первых, «В. И. Ленин оставил огромное по объёму, неисчерпаемое по содержанию и непревзойдённое по мастерству литературное наследие. <...> Труды В. И. Ленина переведены на десятки языков мира, что сделало его языковой личностью планетарного масштаба» [1, с. 49–50]. Следует также отметить возрождение интереса языковедов к языковой личности В. И. Ленина. «Можно констатировать: в конце первого десятилетия XXI столетия возобновился выход кандидатских диссертаций, прямо связанных с В. И. Лениным» [1, с. 50]. Во-вторых, немаловажным фактором для максимальной объективности исследования является наличие не одного, а нескольких переводов одного и того же произведения, выполненных разными авторами в разные периоды времени. Большая часть переводов была выполнена коллективами переводчиков при обязательном участии носителей языка, что позволяло максимально приблизить переводы к подлиннику не только по содержанию, но и по форме. В-третьих, «богатство ассоциативно-вербальной сети, высокий лингвокогнитивный уровень языковой личности В. И. Ленина репрезентируется разнообразной палитрой изобразительно-выразительных средств и риторических приемов речевого воздействия. Активно используются фразеологизмы, пословицы» [2, с. 17]. Публицистический стиль В. И. Ленина характеризуется значительным свое-

образом в использовании лексико-фразеологических средств языка. «Ленин стремится приблизить свой языковой аппарат – средство производства, субъектом которого должна быть уже не буржуазия, а пролетариат, – к узусу обыденной речи угнетенных» [3, с. 614]. Особую яркость и выразительность языку произведений придавали «бытовые» по содержанию ФЕ, используемые для характеристики политических, экономических, социальных явлений, а также отдельных личностей и исторических событий. «Ленин, в противоположность многим другим политическим писателям и ораторам, ценит не книжную, а простую разговорную речь и вводит в свои статьи и речи самые обиходные, часто даже грубые слова и выражения» [4, с. 59].

При сопоставлении любой пары языков в их составе можно выделить группы сходных (в различной степени) и полностью различных ФЕ. В нашем исследовании мы придерживаемся следующей классификации: 1) полные фразеологические эквиваленты (далее – ПФЭ), то есть ФЕ, полностью тождественные по семантике и структурной организации; 2) частичные соответствия, которые представлены двумя подгруппами: а) частичные фразеологические эквиваленты (далее – ЧФЭ), то есть ФЕ, тождественные по семантике, но различающиеся по структурно-грамматической организации; б) фразеологические аналоги (далее – ФА), то есть ФЕ, имеющие различия в образной основе, структурно-грамматической организации, но совпадающие по понятийному значению и в большинстве случаев по эмоционально-экспрессивному и стилистическому значениям; 3) фразеологические лакуны, т. е. ФЕ, не имеющие тождеств в сопоставляемом языке.

Отношения эквивалентности, установленные непосредственно между языковыми знаками, не всегда сохраняются между единицами в условиях их реализации в конкретном речевом произведе-

нии. Узуальные соответствия являются лишь потенциальными соответствиями. Степень их тождества может изменяться в процессе речевого функционирования. Не всегда в авторском контексте можно встретить тот или иной тип преобразования в чистом виде, чаще всего трансформация ФЕ в процессе ее контекстуальной реализации бывает сложной, включает в себя несколько приемов окказионального преобразования. Например, с целью оживления образности ФЕ и усиления ее метафорического значения часто используется стилистический прием контаминации, т. е. наложения двух ФЕ, имеющих общие компоненты и семантически близкую внутреннюю форму. В большинстве случаев контаминированный вариант сохраняет соотносительность, присущую исходным фразеологизмам в узусе.

Например, в результате семантического и формального слияния ФЕ «пальцем не шевельнет» («не сделает ни малейшего усилия, чтобы осуществить что-либо, ничего не сделает, не предпримет» [5, с. 533]) и «пальцем о палец не ударить» («совершенно, совсем ничего не сделать, обычно для достижения какой-либо цели» [5, с. 490]) произошло лишь оживление образности ФЕ и усиление значения «особой степени бездействия», так как значения ФЕ, подвергнувшись контаминации, являются синонимами и обладают сходным компонентным составом.

«Западноевропейская буржуазия ... не шевельнет пальцем о палец, чтобы остановить бандитов» [6, с. 128]. В английском и немецком языках обе ФЕ соотносятся с одними и теми же узуальными ЧФЭ «not lift a finger» [7, с. 276] и «keinen Finger rühren» [8, с. 177], поэтому контаминированный контекстуальный вариант передается узуальными соответствиями:

«The West-European bourgeoisie ... will not lift a finger to halt the bandits» [9, p. 80].

«Die westeuropäische Bourgeoisie ... , rührt keinen finger, um den Banditen Einhalt zu gebieten» [10, s. 70].

В определенных семантико-стилистических целях автор производит замену одного из компонентов ФЕ. В большинстве проанализированных контекстов ФЕ «лизать пятки» (руки, ноги) («угодничая, унижаться, пресмыкаться перед кем-либо» [5, с. 226]) используется автором в окказиональном варианте с заменой номинативного компонента окказиональным компонентом сапог. Такое преобразование не влечет за собой ни изменения сигнификативного значения ФЕ, ни появления у нее дополнительных коннотативных оттенков.

«А урок 1905–1907 и 1908–1911 годов именно так поставил вопрос: бороться за республику или лизать сапог Пуришкевича» [8, с. 249].

ФЕ «лизать пятки» (руки, ноги) соотносится в английском и немецком языках с узуальными ЧФЭ: «lick smb's boots» (букв. «лизать ботинки, сапоги» [11, v. 1, p. 487]) и «j-m die Stiefel lecken» (букв. «лизать сапоги» [12, с. 542]). В результате авторской замены компонентный состав окказионального варианта русской ФЕ стал идентичен компонентному составу узуальных вариантов ФЕ английского и немецкого языков. Таким образом, контекстуальная степень соотнесенности окказионального варианта русской ФЕ и речевых вариантов ФЕ английского и немецкого языков стала выше, чем степень межъязыковой соотнесенности их узуальных вариантов. В контексте они являются полными контекстуальными эквивалентами.

«Yet that is exactly how the question stands after the lessons of 1905–07 and 1908–11: either fight for a republic, or lick the boots of Purishkevich» [13, p. 19].

«Dabei haben die Lehren der Jahre 1905–1907 und 1908–1911 die Frage eben so gestellt: für die Republik kämpfen oder die Stiefel Purishkewitschs lecken» [14, s. 3–4].

Замена компонентов может сопровождаться изменением семантики фразеологизма под воздействием окружающего

контекста. Так, например, в ФЕ «загребать жар чужими руками» («пользоваться результатами труда в корыстных целях» [12, с. 162]) происходит замена компонента чужими притяжательным местоимением их, что способствует более тесной и органичной взаимосвязи метафорического значения ФЕ с общим содержанием контекста.

«“Наши” почти социалистические министры оказались именно в таком положении, что буржуазия стала загребать жар их руками» [15, с. 311].

Следует заметить, что окказиональный вариант ФЕ «загребать жар их руками» под воздействием содержания окружающего контекста, являющегося как бы разъяснением его контекстуального смысла, приобретает уточняющий оттенок значения: «Использовать кого-либо в своих корыстных целях, сделав его послушным орудием в своих руках». В немецком языке ФЕ «загребать жар чужими руками» соотносится с узуальным ФА «sich von j-m die Kastanien aus dem Feuer holen lassen» [12, с. 316], в структуре которого позиция объекта действия является свободно заполняемой, поэтому контекстуальная замена компонента в русской ФЕ легко воспроизводится в немецком аналоге. Таким образом, степень соотнесенности ФЕ в контексте оригинала и перевода остается неизменной, т. е. в контексте они остаются аналогами. В английском языке ФЕ «загребать жар чужими руками» соотносится с двумя ФА «to pull smb's chestnuts out of the fire» («делать за кого-либо трудную работу» [7, с. 145]), «to make a cat's paw of smb.» («сделать кого-либо своим послушным орудием» [7, с. 568]), последняя часто употребляется в краткой форме «a cat's paw». Значение второго английского фразеологизма точнее передает семантику русского окказионального варианта ФЕ «загребать жар их руками», поэтому в данном контексте именно эта единица является ее контекстуальным аналогом, т. е. степень соотнесенности не изменяется.

«“Our” near-socialist ministers found themselves in a situation in which the bourgeoisie began to use them as their cat’s paw» [16, p. 275].

«“Unsere” beinach-sozialistischen” Minister sind in eine solche Lage geraten, wo die Bourgeoisie sich vor ihnen die Kastanien aus dem Feuer holen läßt» [17, s. 49].

ФЕ «ходить вокруг да около», имеющая значение «говорить обиняком, не касаясь сути дела» [5, с. 509], как правило, употребляется в предложении без дополнения. В исследуемом контексте синтаксические связи этого фразеологизма расширены. Автор использует его с поясняющим дополнением, кроме того, заменяет глагольный компонент.

«Ибо только нечистая совесть ... сделали то, что махисты ... дипломатично оставили в стороне Энгельса, совершенно игнорировали Фейербаха и топтались исключительно кругом да около Плеханова» [18, с. 97–98].

В результате расширения дистрибутивной связи оживляет буквальное значение ФЕ и указывает на направленность действия на конкретное лицо. Глагол топтаться подчеркивает статичность действия. Поскольку ФЕ используется в контексте полемического произведения, где речь идет о различных политических учениях, то глагол топтаться не может восприниматься в буквальном смысле, поэтому происходит вторичная метафоризация ФЕ. ФЕ приобретает новое значение «необоснованно сосредоточить все свое внимание на чем/ком-либо». Узуальный вариант ФЕ «ходить кругом да около» соотносится в английском и немецком языках с узуальными ФА: «to beat about the bush» [7, с. 115] и «um etw. herumgehen wie die Katze um den heißen Brei» [12, с. 317]. Обладая яркой образной внутренней формой, английский и немецкий аналоги не могут быть подвергнуты аналогичным изменениям. Поэтому в данном контексте ФЕ ходить вокруг да около утрачивает узуальную фразеологическую соотнесенность.

«For only a guilty conscience ... could have been responsible for the fact that the Machians ... backslided from Engels, ignored Feuerbach and idled away their time on Plekhanov» [19, p. 73].

«Denn nur das böse Gewissen ... haben es bewirkt,» daß die Machisten ... Engels diplomatisch beiseite ließen, Feuerbach gänzlich ignorierten und ausschließ auf Plechanow herumtritten» [20, s. 92].

Окказиональное изменение компонентного состава и связанные с ним преобразования семантики по-разному отражаются на межъязыковой фразеологической соотнесенности анализируемых ФЕ. ФЕ «пускать пыль в глаза» («создавать ложное впечатление о себе у кого-либо, представляя свое положение лучше, чем есть на самом деле» [5, с. 370]) претерпевает в контексте значительные изменения формальной стороны (расширение компонентного состава, замена компонента).

«Каутский просто пускает “ученый” песок в глаза рабочим» [21, с. 251].

Окказиональный компонент ученый, используемый автором в кавычках, придает ФЕ в целом иронический оттенок, что не характерно для нее узуально. В результате расширения компонентного состава и под влиянием общего содержания контекста окказиональный вариант ФЕ приобретает новый оттенок значения: «С помощью псевдонаучных фраз создать ложное впечатление у кого-л. о чем-л.; запутать, усложнить, сделать неясным какой-л. вопрос». Английский и немецкий языки располагают ЧФЭ русской ФЕ «пускать пыль в глаза»: «to throw dust in smb’s eyes» [7, с. 230] и «j-m Sand in die Augen streuen» [12, с. 474], структурная организация которых допускает аналогичное преобразование компонентного состава. Так, все три ФЕ, преобразованные в контексте аналогично друг другу, сохраняют присущую им в узусе частичную эквивалентность и выполняют в контекстах оригинала и переводов одинаковую семантико-стилистическую функцию.

«Kautsky is simply throwing “learned” dust in the eyes of the workers...» [22, p. 19].

«Kautsky streut den Arbeitern einfach “gelehrten” Sand in die Augen...» [23, s. 85].

Преобразования структурной организации и компонентного состава ФЕ могут быть столь значительными, что в контексте мы находим лишь намек на имеющийся в узусе фразеологизм. Сам по себе этот прием введения ФЕ в контекст не оказывает влияния на ее семантику. «Но, чтобы этот принципиальный поворот уже решил вопрос, этого до сих пор не решались утверждать даже самые беспринципные и податливые дуновениям ветра люди вроде кадетов» [24, с. 188]. В данном примере содержится намек на ФЕ «держать нос по ветру» («применяться к обстоятельствам, беспринципно меняя свои убеждения, свое поведение» [5, с. 136]). В английском и немецком языках узуальный вариант ФЕ соотносится с узуальными ЧФЭ «see/find out how the wind blows» [11, v. 2, p. 481], «trim one’s (the) sails to the wind» [7, с. 654] и «den Mantel nach dem Wind hängen» [8, s. 389], которые могут быть использованы как контекстуальные соответствия окказионального варианта ФЕ русского языка, не подвергаясь аналогичному преобразованию (т. к. преобразование формальной стороны не привело к изменению семантики).

«Daß aber diese prinzipielle Wendung schon die Frage gelöst... wagten bisher nicht einmal die prinzipienlosesten Leute zu behaupten, die allezeit bereit sind, ihr Mäntelchen nach dem wind zu hängen, wie etwa die Kadetten» [25, s. 157].

В исследованных английских переводах не используется фразеологическое

соответствие, но теоретически это вполне возможно, поэтому мы здесь приводим наш вариант перевода этого высказывания.

«But so far not even the most unprincipled people, who trims their sails to the wind, such as the Cadets, have ventured to assert that this change of the principle has already settled the question...»

Таким образом, степень контекстуальной соотнесенности ФЕ, имеющих частичные соответствия в сопоставляемых языках, не изменяется в следующих случаях структурного и структурно-семантического контекстуального преобразования: а) в случае изменения структуры, сопровождающейся незначительным усилением образности; б) при замене компонентов лексемами синонимичными или близкой семантики при условии сохранения узуального значения и/или образной основы ФЕ; в) при расширении компонентного состава ФЕ, являющихся узуальными ФА.

Если ФЕ в контексте изменяет компонентный состав и семантику, а узуальные соответствия английского и немецкого языков могут воспроизвести аналогичные преобразования компонентного состава, то степень межъязыковой соотнесенности в контексте сохраняется. Если структурная организация ФЕ или ее образная основа не позволяют осуществить такого преобразования, то узуальные ФЕ утрачивают фразеологическую соотнесенность в контексте. Когда в контексте содержится только намек на узуальную ФЕ, частичные эквиваленты, имеющие одинаковые или близкие образные основы, могут сохранить свою соотнесенность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приходько С. А. Языковая личность В. И. Ленина // Журнал *Lingua mobilis*. 2012. № 1 (34). С. 49–61.
2. Кегеян С. Э. Лингвориторические параметры политического дискурса (на материале текстов идеологов большевизма): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 29 с.

3. Калинин И. А. Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. № 15 (4). С. 605–617.
4. Эйхенбаум Б. М. Основные стилевые тенденции в языке Ленина // ЛЕФ. 1924. № 1. С. 57–70.
5. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1978. 543 с.
6. Ленин В. И. Царь против финского народа // Ленин В. И. Полное собрание сочинений (5-е изд.). М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 19. С. 127–130.
7. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. 944 с.
8. Ленин В. И. Избирательная кампания в IV Думу и задачи революционной социал-демократии // Ленин В. И. Полное собрание сочинений (5-е изд.). М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т. 27. С. 247–251.
9. Lenin V. I. On Slogans // Lenin V. I. Selected Works. London: Lawrence and Wishart, 1936. V. 6. P. 167–174.
10. Lenin W. I. Der Zar gegen das Finnische Volk // Lenin W. I. Werke. Berlin: Dietz Verlag, 1962. B. 16. S. 69–71.
11. Hornby A. S. Oxford advanced learner's dictionary of current English. Oxford: Oxford Univ. Press, 1978. 1080 p.
12. Бинович Л. Э., Гришин Н. Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1975. 656 с.
13. Lenin V. I. The Fourth Duma Election Campaign and the Task of the Revolutionary Social Democrats // Lenin V. I. Collected Works. M.: Progress Publishers, 1973. V. 18. P. 17–21.
14. Lenin W. I. Die Stellung zu den bürgerlichen Parteien // Lenin W. I. Werke. Berlin: Dietz Verlag, 1959. B. 12. S. 492–513.
15. Ленин В. И. «Великий отход» // Ленин В. И. Полное собрание сочинений (5-е изд.). М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т. 32. С. 310–312.
16. Lenin V. I. «The Great Withdrawal» // Lenin V. I. Between the Two Revolutions. M.: Progress Publishers, 1979. P. 274–276.
17. Lenin W. I. «Das große Abschwenken» // Lenin W. I. Werke. Berlin: Dietz Verlag, 1970. B. 15. S. 48–51.
18. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В. И. Полное собрание сочинений (5-е изд.). М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 18. С. 7–384.
19. Lenin V. I. Materialism and Empirio-Criticism // Lenin V. I. Collected Works. N. Y.: International publishers, 1927. V. 13. 342 p.
20. Lenin W. I. Der «linke Radikalismus», die Kinderkrankheit im Kommunismus. Leipzig: Reclam, 1981. 130 s.
21. Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В. И. Полное собрание сочинений (5-е изд.). М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т. 37. С. 235–338.
22. Lenin V. I. The Proletarian Revolution and the Renegade Kautsky. M.: Progress Publishers, 1981. 114 p.
23. Lenin W. I. Die proletarische Revolution und der Renegat Kautsky // Lenin W. I. Ausgewählte Werke. Berlin: Dietz Verlag, 1967. B. 3. S. 69–163.
24. Ленин В. И. О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве // Ленин В. И. Полное собрание сочинений (5-е изд.). М.: Изд-во политической литературы, 1973. Т. 20. С. 186–207.
25. Lenin W. I. Über die soziale Structur der Staatsmacht, die Perspektiven und das Liquidatorenentum // Lenin W. I. Sämtliche Werke. M.: Verlag für Literatur und Politik, 1941. B. 15. S. 155–176.

УДК 808.5:81'373.612

Ю. В. МАССАЛЬСКАЯ, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, кандидат филологических наук (г. Уфа)

J. V. MASSALSKAYA, Associate Professor of the Chair of the Foreign and Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Philological Sciences (Ufa)

Г. Ф. ГИЗАТОВА, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, кандидат филологических наук (г. Уфа)

G. F. GIZATOVA, Associate Professor of the Chair of the Foreign and Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Philological Sciences (Ufa)

КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПОНИМАНИИ ВЕРБАЛЬНОЙ ИРОНИИ

A COGNITIVE-LINGUISTIC APPROACH IN UNDERSTANDING VERBAL IRONY

Аннотация. Традиционно ирония была отнесена к областям литературы и риторики. Последние исследования утверждают, что ирония, наряду со многими другими литературными тропами, ежедневно используется людьми в речи, чтобы достичь конкретных и предсказуемых коммуникативных целей. В этой статье представлены пять различных теорий, целью которых является объяснение иронического дискурса, а также аналитический анализ всех его компонентов. В работе были проанализированы примеры словесной иронии из различных статей, страниц социальных сетей, фильмов, книг с целью выделения теоретических предположений для установления сходства и отличий между различными типами иронического дискурса.

Ключевые слова и словосочетания: вербальная ирония, иронический дискурс, принцип сотрудничества, когнитивный подход, адресант, адресат.

Annotation. Traditionally, irony has been attributed to the fields of literature and rhetoric. The recent research claims that irony, along with many other literary paths, is used daily by people in their speech to achieve specific and predictable communicative goals. This article presents five different theories, the purpose of which is to explain the ironic discourse, as well as an analytical analysis of all its components. The paper analyzed the examples of verbal irony from various articles, pages of social networks, films, books in order to highlight theoretical assumptions to establish the similarities and the differences in ironic discourse.

Keywords and phrases: verbal irony, ironic discourse, principle of cooperation, cognitive approach, speaker, addressee.

Целью данной статьи является анализ последних наиболее известных теорий словесной иронии. Статистика показывает, что в популярных телевизионных ток-шоу можно услышать четыре иронии каждые 30 минут. Так что, если смотреть телевизор два часа в день, можно услышать 5 800 ироний в год. А в британских и американских литературных произведениях можно встретить одну иронию каждые четыре страницы [1, с. 1220].

Ирония традиционно изучалась как фигура речи или мысли, в которой спикер произносит предложение прямо противоположное по смыслу тому, что он хочет передать. Более того, ирония изучается как еще один литературный троп, то есть высказывание, образный смысл которого отличается от буквального значения и должен быть расшифрован. Д. Уилсон объясняет, что «в метафоре, переносное значение – это улыбка или сравнение, основанное на буквальном значении; в иронии – противоположно буквальному» [2, с. 1723].

Аристотель был, вероятно, первым философом, изучившим юмор и указавшим на то, что для понимания иронических высказываний требуется более высокий уровень совершенства [3, с. 157]. Эта идея подкрепляется предположением Д. Уилсона, что «способность понимать простые формы иронии присутствует с шести или семилетнего возраста» [4, с. 1]. Кроме того, ученый утверждает, что словесная ирония может быть нарушена у людей с поврежденным правым полушарием (то есть у людей с аутизмом). На самом деле, адресат должен распознать намерения говорящего, в противном случае возникнет недоразумение, в силу чего общение не может быть успешным. Д. Уилсон также отмечает важность признания изречения ироничным: если у говорящего, используемого иронию в своем высказывании, есть сомнения относительно способности адресата понять смысл только на основании контекста, то оратор, как правило, предо-

ставляет дополнительные подсказки (иронический тон голоса, кривое выражение лица, преувеличение) [2, с. 1723].

Стоит отметить, что за последнее десятилетие интерес к иронии возрос, теперь она широко используется даже в рекламе. Л. Лагерверф отметил, что «в последнее время возросло использование неконгруэнтных элементов в рекламных объявлениях (ирония и сарказм), потому что рекламодатели убеждены, что эти элементы вызывают положительную реакцию у потребителей» [5, с. 1702]. Такая практика становится общепринятой, в связи с чем был разработан новый термин «шокирующая реклама» [6, с. 1]. Многие лингвисты утверждают, что словесная ирония используется не только в литературе, а также в повседневном языке, и, следовательно, она используется обычными людьми, которые могут не знать об этом.

Д. Уилсон описал три отличительные характеристики иронических высказываний: 1) роль отношения; 2) нормативный уклон; 3) иронический тон голоса. Первая характеристика Д. Уилсона заключается в том, что отношение к иронии, более того, отношение ирониста, играет особую роль в достижении понимания ироничного высказывания. Ни П. Грайс, ни остальные классические риторы не считали это важным. Ирония и метафора изучались как практически равные инструменты. Однако для понимания метафоры не требуется особого отношения, в то время как характерные черты иронического высказывания могут быть насмешливыми, пренебрежительными или презрительными [7, с. 45–56]. Д. Уилсон также указывает, что нормативный уклон в использовании иронии заключается в том, чтобы критиковать или жаловаться на ситуацию, которая оказалась прямо противоположной ожидаемой. Автор теории добавляет, что необычно использовать иронию в контексте похвалы или приободрения.

Рассмотрим третью особенность, а именно иронический тон голоса. Д. Уилсон утверждает, что это необязательный намек на позицию ироника, которая «характеризуется плоской или невозмутимой интонацией, более медленным темпом, более низким уровнем высоты звука и большей интенсивностью, чем в соответствующих буквальных высказываниях» [7, с. 46]. Для анализа словесной иронии с лингвистической точки зрения мы проанализировали следующие теории: «Принцип сотрудничества» П. Грайса (1975) наряду с его разговорными принципами, «Теория вербального юмора» Агтардо, «Теория притворства» Кларка и Геррик (1984), «Теории релевантности» Спербера и Вильсона (1995), «Теория познавательной операции», разработанная Руис де Мендоса (2011).

П. Грайс обнаружил, что ораторы пытаются передать больше смысла в своих высказываниях, чем они фактически произносят. Если получателю не удалось декодировать высказывание, связь терпит неудачу. Разговорная импликатура – это имя, которое П. Грайс дает этому коммуникативному явлению. Грайс утверждал, что разговор может быть успешным, только если адресат сотрудничает. Сформулированный П. Грайсом «Принцип сотрудничества» гласит: «Сделайте свой разговорный вклад, как того требует ситуация, в которой происходит разговор, в соответствии с принятой целью и направлением» [8, с. 307–308].

В принципе сотрудничества П. Грайс выделяет постулаты, подразделяемые на четыре максимы количества, качества, отношения и способа. Первые три максимы – количество, качество и отношение – связаны с содержанием высказывания, тогда как четвертая – манеры – имеет отношение к тому, как говорящий конструирует сообщение.

Принцип количества фокусируется на том, сколько информации дает докладчик и разделен на две суб-максимы:

1. «Сделайте свой вклад таким же информативным, как требуется (для текущих целей обмена)» 2. «Не делайте вклад более информативным, чем требуется» [8, с. 307–308].

Качество, которое является вторым принципом, имеет дело с правдивостью речи говорящего: «Постарайтесь сделать Ваше высказывание истинным». Но П. Грайс разделил его на две части: «Не говори, что ты считаешь ложным» и «Не говори то, на что у Вас нет достаточных доказательств [8, с. 309–310]. Эта максима связана не только с отсутствием правдивости, но также и с отсутствием доказательств.

Третий принцип, «отношение», определяется следующим образом: «Будь значимым». Максима способа определяется как «будь пронизательным» и подразделяется на четыре суб-максимы: 1. «Избегайте неясности в выражениях». 2. «Избегайте двусмысленности». 3. «Будьте кратки». 4. «Будьте организованны».

Однако П. Грайс утверждает, что в его теории недостающим может быть тот факт, что ирония предполагает выражение «враждебного или уничижительного суждения, или чувства негодования или презрения» [8, с. 315–317]. Он заявляет о существовании большего количества максим, но не дает дальнейшего объяснения. В данном исследовании необходимо обратить внимание на два важных значения «Принципа сотрудничества» П. Грайса о разговорных максимах. Во-первых, ожидание создается как у говорящего, так и у адресата. Во-вторых, он предполагает, что эти максимы нарушаются с целью оказания определенного коммуникативного эффекта на адресата. Слушатель должен декодировать сообщение, чтобы понять его смысл, поскольку оно заключено в импликатуре. П. Грайс утверждает, что в контексте иронию следует понимать как пренебрежение или вопиющее нарушение максимы качества [8, с. 330–332].

Рассмотрим общую «Теорию вербального юмора», предложенную С. Аттардо. Как объясняет автор, он не меняет основные принципы этой теории, но включает в нее все юмористические тексты, как, например, те, в которых вовлечена ирония [9, с. 28].

В своей «Теории юмора по сценарию» В. Раскин выдвигает следующую гипотезу о шутках: «Текст может быть охарактеризован как текст с одной шуткой, если оба условия удовлетворены: 1) текст полностью или частично совместим с двумя разными сценариями; 2) два сценария, с которыми совместим текст, противоположны» [10, с. 99]. С. Аттардо объясняет, что сценарии, упомянутые в предыдущей цитате, также известны как кадры или сценарии. Ученый также утверждает, «что сценарий – когнитивная структура, усваиваемая говорящим, которая обеспечивает его информацией о данной сущности» [9, с. 32]. Поэтому мы можем предположить, что С. Аттардо рассматривает словесную иронию как вопрос познавательной деятельности. Для этой цели автор разработал пять новых ресурсов знаний. Первый – это язык, имеющий отношение к вербализации текста. Как заметил С. Аттардо, «язык несет ответственность за точную формулировку текста и за размещение функциональных элементов, которые его составляют» [9, с. 35]. В связи с этим автор акцентирует свое внимание на понятии перефразирования, потому что шутки могут быть сформулированы в огромном диапазоне и способны сохранять свое значение. Вторым ресурсом является описательная стратегия [9, с. 22]. «Любая шутка должна быть сыграна в какой-то нарративной организации». Третьим ресурсом является цель, направленная к получателю шутки. Четвертый – это ситуация, в которую введены все участники шутки (предметы, участники, инструменты и т. д.). Логический механизм является пятым ресурсом.

Автор отмечает, что каждая шутка основана на противопоставлении сценария, который может отличаться в зависимости от времени и места, в котором шутка пересказана. На этом этапе следует также упомянуть частный случай иронии. С. Аттардо подчеркивает необходимость расширения «Принципа сотрудничества» П. Грайса. Он утверждает, что первым важным моментом является предполагаемая способность адресата распознать неадекватность высказывания. После того как получатель признает нарушение принципа кооперации, а также реальное намерение говорящего, максима снова начинает действовать. С. Аттардо постулирует супер-максиму, названную принципом наименьшего разрушения. Это супер-максима введена для минимизирования нарушений максим П. Грайса и сформулирована следующим образом:

1. Ограничьте нарушение принципов сотрудничества до минимально возможной разговорной единицы (одно высказывание, один разговорный ход, один речевой обмен).

2. Попробуйте связать весь блок, нарушающий принцип кооперации, с остальной частью высказывания.

3. Ограничьте нарушение принципа сотрудничества до минимально возможного.

4. Лгите в соответствии с ожиданиями вашей аудитории.

Кроме того, стоит упомянуть, что С. Аттардо объясняет иронию не только как пренебрежение вторым принципом качества, но также и как нарушение принципа релевантности или принципа поведения. Следствием всех этих утверждений является то, что как только слушатель признает ироническое отношение текста или высказывания, он «предполагает, что присутствует принцип релевантности, и актуальность иронии заключается в антифрастическом значении» [9, с. 115]. Другими словами,

слушатель осознает свою необходимость расшифровки скрытого подразумеваемого значения для того, чтобы прийти к соглашению с задачей получения реального значения, передаваемого говорящим.

Основная идея, предложенная Х. Кларком и Р. Герригом, – говорящий притворяется, что пытается выполнить речевой акт. Согласно «Теории притворства» Д. Уилсон указывает, что спикер иронического высказывания притворяется другим человеком, исполняющим его [11, с. 49]. По мнению Х. Кларка и Р. Геррига, получатель должен иметь способность понять, что оратор делает вид, что дает больше информации, чем то, что сказано, и выражает особое отношение к своему высказыванию. Однако эта теория не принимает во внимание другие возможные отношения, которые иронист мог бы попытаться выразить, такие как скептицизм, стоическое принятие, равнодушие или бесстрастность.

«Понятие теории актуальности» («Эхоическая теория» Спербера и Уилсона) заключается в логическом подходе к прагматике, а именно в объяснении, как слушатель определяет значение высказывания говорящего. Сторонники данной теории утверждают, что ожидания сами по себе являются высказыванием, а словесные выражения «достаточно точны и достаточно предсказуемы, чтобы направлять слушателя к значению говорящего». Теоретики утверждают, что словесная ирония тесно связана с понятием Эха [4, с. 2]. На самом деле «Теория релевантности» утверждает, что оба термина взаимозависимы. Кроме того, согласно этой теории ирония включает в себя базовое использование языка, интерпретацию и конкретную форму, толковательное использование (эховое использование). Д. Уилсон далее объясняет, что использование языка может быть описательным, когда он используется для представления состояний, которые возможны или реальны, или интерпретиру-

ющим, если язык используется для обозначения другого представления. Кроме того, он упоминает, что «более высокая степень метапрезентационной способности необходима при толковательном использовании, поскольку получатель должен признать дальнейшие намерения говорящего. При отличии словесной иронии от звукоподражательной насмешник молчаливо отвергает присвоенную мысль, как если бы это было ложным или неадекватным» [7, с. 1729]. Однако эта теория имеет серьезный недостаток. Спербер и Уилсон не идут дальше в объяснении иронии и не развивают свой эхогенный подход по одной причине, они не хотят предполагать, что ирония является результатом деятельности познавательных операций.

Рассматривая «Познавательную теорию» Руис де Мендоса, необходимо уточнить, что именно подразумевается под когнитивными операциями. Согласно Руису де Мендосе может быть два разных определения термина в зависимости от области, в которой мы находимся. В психологии познавательная операция – это любая познавательная деятельность, которая имеет определяемый эффект с точки зрения того, как мозг реагирует на потребность человека во взаимодействии с миром. «Зрителям остается сделать вывод, что мысли, которые они представляют, распознаются как-ким-то другим источником, чем оратор» [12, с. 328].

С этой точки зрения когнитивные операции не имеют ничего общего со значением представления. Они только видны как свойства человеческого мозга. Что касается иронии, то автор утверждает, что данная операция включает в себя повторение чьих-либо мыслей или убеждений, а также может произойти в заявленной речи. Чтобы отличить иронию от других упоминаний, основываясь на использовании языка, необходимо сочетать эхо с контрастированием, которое позволяет говорящему создать столкно-

вение между отраженным убеждением и тем, что происходит в мире. Руис де Мендоса различает два разных типа иронии:

1. Nice day today! (Хороший день сегодня, да! (дождливая погода)).

2. Yeah, right, Mary is an angel! (Да, верно, Мария – ангел!)

В примере 1 контекстуальные подсказки необходимы для понимания иронии. Мы можем думать о говорящем, который ранее произнес, подумал или даже услышал, что воскресенье будет солнечным днем, но затем он узнает, что идет дождь. В этом конкретном случае ситуация представляет реальное положение дел (дождь), что противоречит предыдущей мысли или высказыванию. Согласно Руису де Мендосе, пример 2 использует не только иронию, но и метафору сходства, в которой «добро» представлено ангелом. Традиционный анализ этого примера доказывает, что ирония возникает из-за несоответствия между тем, что говорит спикер, и реальностью. Однако это объяснение не может отделить иронию от других употреблений языка, где также отражается вопиющее столкновение с реальностью, то есть случай занижения семантической составляющей.

Рассмотрим на основе этого примера полноту других теорий. Подход Грайса объясняет данный пример и тут же нарушает первую суб-максиму качества. В разговоре предполагается, что участники хотят донести сообщение. Вот почему, если слушатель находит что-то непонятное, он пытается решить дилемму. Следовательно, оратор, который произнес фразу в примере 1, хотел сообщить что-то еще, пренебрегая принципом.

Давайте теперь сосредоточимся на теории С. Аттардо, которая рассматривается его сторонником как продолжение нарушения максим П. Грайса. Предполагается, что слушатель верит в соответствующее намерение говорящего, и, следовательно, он хочет передать что-то за пределами буквального значения высказывания, которое полностью противостоит

речит реальному сценарию. Важно отметить, что С. Аттардо не вводит идею противоречия или столкновения в объяснении иронии. На данный момент слушатель понимает реальное намерение говорящего, а затем он активизирует все возможные последствия для декодирования высказывания. Согласно данной теории в примере 1 слушатель, вероятно, придет к выводу о том, что по какой-то причине оратор хотел провести прекрасный день, но фактически погода ужасная (что его беспокоит).

Следуя теории притворства, ироник делает вид, что совершает речевой акт, выражая свое отношение. Тем не менее эта теория утверждает, что слушатель должен иметь способность распознавать намерение говорящего. Соответственно, если получатель не понимает намерения ироника, связь прерывается. Что касается эхо-теории, высказывание 1 является ярким примером иронии, потому что это повторяет предыдущую мысль, от которой говорящий отмежевывается. Эта и предыдущая мысль могут быть признаны самим говорящим или другим человеком на подсознательном уровне. Что касается теории Руиса де Мендосы, пример 1 явно является отражением, где оратор повторяет предыдущую мысль. Контекст также является важной темой для иронии, чтобы быть понятным. Представьте, что спикер организовал пикник в субботу. Согласно прогнозу погоды день обещал быть солнечным. Тем не менее, суббота наступила, и идет дождь. Выступающий повторяет прогноз погоды, используя ту же формулировку, что и в прогнозе погоды, со скрытой иронией.

Пример 1 является не только эхом, но и противоречием. Существует столкновение между прогнозным отчетом и реальностью. Это столкновение – указатель на отношение говорящего, которое в предложении типа 1 является одним из скептицизмов. Кроме того, использование «да» усиливает ироническое отношение, давая больше подсказок для

получателя, чтобы понять высказывание как ироничное. Теперь проанализируем примеры словесной иронии с точки зрения описанных выше теорий. Вербальную иронию можно разделить на две группы в зависимости от того, есть явное эхо или нет. Согласно Табернеро в первом случае нет необходимости в дополнительной информации, ирония построена на лингвистическом уровне. Однако в последнем случае требуется больше информации. Последний случай, следовательно, требует более тщательного изучения в связи с тем, что он может быть воспринят буквально, что порождает недопонимание.

Давайте теперь обратимся к новому примеру:

3. I can resist everything except temptation (Я могу сопротивляться всему, кроме искушения).

С точки зрения «Принципа кооперации» П. Грайса, говорящий не следует четвертой максиме способа, которая подразумевает проничательность говорящего. На самом деле говорящий не избегает неясности в выражениях, тем самым нарушая суб-максиму: 1. «Избегайте неясности в выражениях». Для правильного понимания этого высказывания необходимо определить термин «искушение». Слово «искушение» само по себе подразумевает «отсутствие сопротивления». В этом случае эхо основано на том, что я могу сопротивляться всему, что могут другие. Тем не менее оратор отрицает обоснованность мысли, когда он упоминает об исключении во второй части предложение. Помимо этого, особое отношение отражается оратором в попытке быть забавным и в его шутовском отношении, переданном без сарказма или любого другого негативного значения.

Таким образом, согласно проведенному анализу можно сказать, что словесную иронию можно разделить на две разные группы относительно понятия эхо: если эхо явное, ирония строится на лингвистическом уровне, тогда как если

эхо не является явным, требуется больше контекстной информации. В некоторой степени примеры, где эхо явное, очень похожи по своему анализу. Для правильной интерпретации высказываний подобного рода адресату необходим контекст. Проанализировав «Принцип сотрудничества» П. Грайса мы выявили, что данная теория не в состоянии произвести достаточно подробное объяснение иронии.

Согласно исследованию, проведенному в данной работе, можно утверждать, что с помощью иронии говорящий просто делает вид о передаче речевого акта, прямо противоположного реальному. Кларк и Герриг в «Теории претензий» полагаются на способность получателя понимать реальный речевой акт, который пытается передать говорящий. Однако лингвистические маркеры, как, например, «да, верно», которые оба усиливают наличие иронии и помогают слушателю определить отношение говорящего, не упомянуты. «Эхо-теория» Спербера и Уилсона идет немного дальше в объяснении того, как создается словесная ирония. «Эхо-теория» утверждает, что для иронии необходимо, чтобы оратор повторил предыдущие мысли или высказывания, произведенные либо им самим, либо другим человеком. Однако этого недостаточно для полного объяснения словесной иронии. Д. Спербер и Д. Уилсон признают существование столкновения и утверждают – если есть столкновение или противоречие, это означает, что словесная ирония основана на когнитивных операциях. С другой стороны, теория Руиса де Мендосы начинается с того, что словесная ирония – результат умственных операций. Эта идея реализуется при анализе, потому что говорящий и слушатель нуждаются в базовых знаниях.

В процессе анализа было показано, что теория Руиса де Мендосы является наиболее точной и полной по нескольким причинам. Во-первых, как указал этот лингвист, словесная ирония строит-

ся на основе эха. Во-вторых, эхо само по себе не вызывает иронии; противоречия или столкновения между высказанным и реальным сценарием также необходимы. Наконец, это столкновение обычно сопровождается определенным отношением адресата к высказыванию говорящего в динамике.

Таким образом, в данной статье был проведен полный анализ последних наиболее известных теорий словесной иронии в рамках когнитивно-лингвистического подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжу Хуэй Ю., Мяо Ю. Риторические устройства в диалогах Большого взрыва // Китайско-американское преподавание английского языка. 2012. № 9 (6). С. 1220–1229.
2. Уилсон Д. Прагматика словесной иронии: эхо или притворство? М.: Лингва, 2006. 1743 с.
3. Аристотель. Риторика. Нью-Йорк: Козимо, 2015. 553 с.
4. Спербер Д., Уилсон Д. Теория релевантности. Токио: Хитузи Сёбо, 2002. 170 с.
5. Lagerwerf L. Irony and sarcasm in advertisements: Effects of relevant inappropriateness // Journal of Pragmatics. 2007. № 39. S. 1702–1721.
6. Перес-Собрино П. Шоковая реклама: модели ограничения концептуального взаимодействия. М.: Лингва, 2014. 1653 с.
7. Уилсон Д. Понимание иронии: перспектива развития // Прагматика. 2013. № 59. С. 40–56.
8. Грайс П. Логика и разговор. Синтаксис и семантика / ред. П. Коул и Дж. Л. Морган. Нью-Йорк: Изд-во Оксфордского университета, 1975. 315 с.
9. Аттардо С. Юмористические тексты: семантический и прагматический анализ. Берлин – Нью-Йорк: Мутон де Грюйтер, 2001. 246 с.
10. Грабан Т. С. Помимо «остроумия и убеждения»: риторика, композиция юмор исследования. Первое исследование юмора / ред. В. Раскин. Берлин: Мутон де Грюйтер, 2008. 448 с.
11. Кларк Х., Герриг Р. О притворной теории иронии // Экспериментальная психология: общее. 2014. № 113. С. 121–126.
12. Руис де Мендоса. Метонимия и когнитивные операции. Амстердам – Филадельфия: Джон Бенджаминс, 2011. 328 с.

© Массальская Ю. В.
© Гизатова Г. Ф.

УДК 372.881.161.1

А. В. РЕЗНИКОВА, доцент кафедры «Мировые языки и культуры» Донского государственного технического университета, кандидат социологических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону)

A. V. REZNIKOVA, Associate Professor «World languages and Cultures» department Don State Technical University, Candidate of Sociological Sciences, Docent (Rostov-on-don)

А. В. ВНУКОВСКАЯ, старший преподаватель кафедры иностранных языков Ростовского юридического института МВД России (г. Ростов-на-Дону)

A. V. VNUKOVSKAYA, Senior lecturer Foreign language department Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Rostov-on-don)

**К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕССЕНДЖЕРА
«WHATSAPP» КАК ДИДАКТИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ И СРЕДСТВА
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СЛУШАТЕЛЕЙ
ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

**TO THE ISSUE OF A POSSIBILITY OF «WHATSAPP» MESSENGER
USE AS A DIDACTIC PLATFORM AND A MEANS
OF PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF THE FOREIGN STUDENTS
WITHIN THE TEACHING RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN**

***Аннотация.** В своей статье авторы рассмотрели возможность использования мессенджеров в дидактических целях при обучении русскому языку как иностранному, поскольку это представляется актуальным в современных условиях цифровизации образовательного процесса и целесообразным как средство психологической адаптации иностранных обучающихся при погружении в незнакомую языковую и социокультурную среду. Авторы также учитывали некоторые условия, не позволяющие применять данные образовательные технологии, а именно тот факт, что использование мессенджеров в качестве вспомогательной дидактической платформы невозможно в образовательных организациях МВД России в силу определенных условий и в целях соблюдения информационной безопасности. Кроме того, авторы подчеркнули, что использование мессенджера «WhatsApp», равно как и прочих социальных сетевых ресурсов, следует рассматривать как дополнение к традиционной академической модели обучения русскому языку как иностранному. Подобный проект лишь сопровождающий методический приём, отражающий эффективность педагогической технологии сотрудничества.*

***Ключевые слова и словосочетания:** мессенджер, дидактическая платформа, чат, полилог, лингвокультурная самобытность, система экстралингвистических знаний, психологическая адаптация.*

***Annotation.** In the article the authors discuss the possibility of using messengers for didactic purposes in teaching Russian as a foreign language, as it seems relevant in modern conditions of digitalization of the educational process and appropriate as a means of psychological adaptation of foreign students immersed into unknown language and socio-cultural environment. Although, the*

authors considered the conditions restricting the use of didactic apps such as information security and regime conditions of the educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia that makes it impossible to apply any messengers into curriculum. Also the authors draw attention to the fact that any didactic social network should be considered as a supplementary technology applied to the traditional academic model of teaching.

Keywords and phrases: *messenger, didactic platform, chat, polylogue, linguistic and cultural identity, system of extralinguistic knowledge, psychological adaptation.*

Развитие современных телекоммуникационных технологий привело к цифровизации образовательного процесса и переходу методики языкового обучения из привычной аудиторной среды в сферу новейших интерактивных образовательных платформ. Таким образом, уже не вызывает удивления обращение педагогического сообщества к глобальной сети «Интернет» как к дополнительному образовательному средству, используемому при самостоятельной подготовке обучающихся, в том числе иностранных, и способному предоставить слушателям неограниченные возможности погружения в новую языковую среду и культурную традицию страны изучаемого языка. Интернет даёт преподавателю-практику возможность создания имитативного поля общения на русском языке в соответствии с определённой учебной ситуацией, методическими целями и задачами при обучении групп обучающихся русскому языку как иностранному. Однако если использование многочисленных образовательных онлайн платформ давно признано обоснованным и необходимым, то использование современных социальных сетей и мессенджеров в образовательных целях все еще диспутабельно.

По нашему мнению, использование мессенджеров в дидактических целях возможно и актуально в современных условиях, поскольку социальные сети в этом случае выступают не только как образовательная среда, но и как средство психологической адаптации иностранных слушателей при обучении русскому языку. В чем же состоит положительная практика применения мессенджера «WhatsApp» при обучении русскому языку как иностранному? Прежде

всего это возможность объединить всю языковую группу единой целью и идеей – этому способствует создание единого группового чата. Однако следует дифференцировать сами чаты по их целевому назначению: информационный чат предназначен для обмена информацией, обсуждения заданий и подтверждения готовности к занятию, в то время как дидактический чат направлен на развитие коммуникативного аспекта и навыка письменной речи.

Рассмотрим положительные аспекты использования дидактического чата в мессенджере «WhatsApp». Групповое обсуждение заданной темы происходит обезличенно: несмотря на то, что все участники чата знакомы друг с другом, общаясь в чате, они не поддерживают прямой визуальный контакт («eye to eye»), который зачастую является серьезной психологической преградой к началу полноценного общения. Таким образом, снимается некая первичная речевая застенчивость, собеседники с первых минут общения включаются в обсуждение и остаются мотивированными интересом других участников полилога на его протяжении вплоть до завершения [1–3]. Кроме того, при протекающем естественно общении не речь является самоцелью, а речевое высказывание, которое мотивируется коммуникативной деятельностью личности. Именно поэтому в онлайн общении сами формы коммуникации не заключены в рамки определённой языковой системы: смайлы, мемы, картинки, свободное использование выражений из разных языков, принятых в данном сообществе, – всё это в той или иной степени снимает психологические барьеры вступления в коммуникацию на изучаемом языке.

Следующим положительным аспектом следует признать доведение до автоматизма навыков письменной речи. Это утилитарный навык, без которого невозможно осуществление полноценной коммуникации на любом иностранном языке, так как необходимость писать присутствует в любой сфере жизни. Совершенно определенно найдутся противники теории о том, что использование мессенджера в качестве тренажера письменной речи обоснованно, поскольку таким образом обесценивается сам процесс письма. Однако в век информационных технологий именно навык быстрой печатной письменной речи выходит на первый план по причине глобальной компьютеризации общества. Мы неизбежно привыкаем к автоматическому восприятию графического образа слова [4].

Особое внимание следует уделить роли преподавателя при ведении беседы в дидактическом чате. Необходимо максимально деликатно исправлять ошибки участников беседы, соблюдая психологическое равновесие и не позволяя обучающимся замкнуться из-за боязни новой языковой ошибки. Мы считаем, что на начальном этапе педагог должен активно участвовать в обсуждениях и беседах, охотно отвечать на вопросы обучающихся, при этом не трансформируя естественный ход беседы. Кроме того, на начальном этапе изучения русского языка как иностранного считаем целесообразным для педагога воздерживаться от прямого исправления коммуникативных или иных ошибок иностранных обучающихся – участников полилога.

По нашему мнению, оптимальным методом коррекции допущенных ошибок является способ копирования сообщений участников беседы (скриншоты) с пояснением и применением правильной речевой или грамматической модели в каждом отдельном случае с обязательным указанием на правило, подтверждающее эту модель. Со временем, когда вовлеченность участников полилога в обсуждение

станет полной, следует активнее демонстрировать речевые образцы, используя синонимические, грамматические и лексические возможности языка, тем самым развивая у учащихся речемыслительную деятельность на иностранном языке.

Важным аспектом считаем то, что использование мессенджера способствует осознанию обучающимися того факта, что преподаватель говорит с ними «на одном языке», тем самым роль ментора в классическом понимании заменяется ролью наставника, друга и товарища, понимающего, одобряющего и поддерживающего, что немаловажно для людей, оказавшихся вдали от родной культуры и погруженных в иную языковую среду. Еще один важнейший показатель эффективности использования мессенджера как образовательной платформы – это возможность использования платформы для обмена информационными ресурсами, ссылками, рекомендациями по схеме «студент-студент». При этом преподаватель остается вовлеченным в образовательный процесс, оставаясь наблюдателем, помощником и другом, который сможет в нужный момент добавить нужную информацию. Задача педагога совсем не проста: необходимо научиться разговаривать с обучающимися на «одном языке», но речь идет не о языке коммуникации в прямом понимании, а о языке общения, который должен быть приемлем для всех участников полилога [1–3]. Рекомендации преподавателя, опубликованные в чате, воспринимаются как более неформальные и тем самым вызывают интерес у обучающихся, стимулируя их к работе со словарём, референтными источниками, поиску новых возможностей изучаемого языка. Однако этот поиск также должен быть осознанным и направляться преподавателем.

Кроме того, использование мессенджера «WhatsApp» оказывает значительную помощь педагогу, стремящемуся расширить не только языковые, но и страноведческие и культурные горизон-

ты обучающихся, поскольку, по нашему мнению, одним из важнейших аспектов при обучении русскому языку как иностранному является формирование системы экстралингвистических знаний как фундаментальной основы для углубленного изучения русского языка. Необходимо сформировать систему знаний о культуре как совокупности ментальных ценностей народа, его традиций, нравственных ориентиров и иных нематериальных ценностей.

Изучение лингвокультурной самобытности предполагает осмысление речевых и невербальных элементов и аспектов речевого поведения и коммуникации, характерных социума, знание правил этикета и соблюдение канонів вежливости, правил демонстрации эмоций и особенностей поведения в той или иной речевой ситуации. Все эти аспекты следует обсуждать в ситуациях речевого общения, опираясь на практический опыт. В то же время, реализуя воспитательные и познавательные методические цели и задачи, преподаватель имеет возможность предлагать обучающимся новую информацию культурологического, страноведческого, общего характера [5].

Особое внимание заслуживает и тот факт, что общение на платформе «WhatsApp» способно значительно мотивировать обучающихся к его продолжению уже вербально в реальной жизни, поскольку доведенный до автоматизма навык использования того или иного речевого оборота, подкрепленный аудио-произносительной моделью, становится привычным и не вызывает беспокойства. Кроме того, особой мотивацией может служить одобрение преподавателя, выраженное даже поощрительным смайлом эмодзи. Не стоит забывать о том, что подсознательно каждый из нас нуждается в публичном признании наших достижений, а групповой чат мессенджера – это идеальная платформа для подобного поощрения: получив смайл в ответ на свое высказывание, обучающийся под-

сознательно ассоциирует его с высокой оценкой его достижений, объявленной во всеуслышание, поскольку этот поощрительный жест доступен для просмотра всеми участниками полилога. И даже обсуждение смайла может создать интересную речевую практику с использованием речевых образцов, отражающих коннотацию конкретного символа эмодзи.

Преподаватель таким образом может привлечь внимание всех участников чата на то, что речевой оборот или грамматическая форма, используемые одним из обучающихся, являются адекватными и соответствуют ситуации общения. А обучающийся в свою очередь имеет возможность задержать свою реплику и убедиться в ее правильности или, напротив, удалить, убедившись в допущенной ошибке [6]. Однако принимая во внимание современные реалии, следует добавить, что использование мессенджеров в качестве вспомогательной дидактической платформы возможно не всегда. В частности, использование подобных технологий недопустимо в образовательных организациях МВД России в силу определенных условий и в целях соблюдения информационной безопасности. Что касается гражданских образовательных организаций, где подобных ограничений нет, то применение данных сетевых технологий является несомненным преимуществом, способствующим более глубокому языковому и социокультурному погружению иностранных обучающихся в новую среду.

Таким образом, мы считаем целесообразным обратиться к использованию телекоммуникационных ресурсов как вспомогательных образовательных средств. Подчеркнем, что использование мессенджера «WhatsApp», равно как и прочих социальных сетевых ресурсов, следует рассматривать как дополнение к традиционной академической модели обучения русскому языку как иностранному. Этот проект лишь сопровождающий методический приём, отражающий

эффективность педагогической технологии сотрудничества. Опыт работы вне русскоязычной среды показывает, что этот приём весьма эффективен, в то же время достаточно трудоёмок для преподавателя. Однако всё общество сейчас

перешло на подобные средства и способы коммуникации, и при умелом и рациональном использовании их преподаватель и обучающийся могут получить очень хороший результат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котова И. Ю. Внедрение мобильных технологий для контроля и оценивания учебной деятельности студентов // В сборнике: Теория и практика обучения иностранным языкам в неязыковом вузе: традиции, инновации, перспективы. М.: Научные технологии, 2018. С. 193–198.
2. Простова Е. С., Буяковская И. А. Использование мобильных приложений в современном образовательном процессе при обучении английскому языку // Информационно-коммуникационные технологии в педагогическом образовании. 2019. № 2 (59). С. 151–155.
3. Резникова А. В., Внуковская А. В. К вопросу о роли интерактивных инновационных образовательных технологий при обучении русскому языку как иностранному в неязыковом вузе // В сборнике: Опыт создания и реализации технологических инноваций в образовании. Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, 2017. С. 237–240.
5. Трубочанинова М. Е. Лингводидактический потенциал современных информационных технологий и его реализация в подготовке иностранных граждан к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке // В сборнике: Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан. М.: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2017. С. 345–349.
4. Усманова Т. А. Дидактические возможности дистанционных образовательных технологий для обучения иноязычной письменной речи // Мир педагогики. 2018. № 5 (22). С. 11–17.
6. Холодкова М. В. Формирование актуальных компонентов профессиональной компетентности преподавателя РКИ // В сборнике: Язык, культура и профессиональная коммуникация в современном обществе. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2019. С. 50–56.

**© Резникова А. В.
© Внуковская А. В.**

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ.
ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.016:355.541.1:808.5(470)

С. Н. АРХИПОВ, доцент кафедры огневой подготовки Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России (г. Тюмень)

S. N. ARKHIPOV, Associate Professor of the Fire Training Chair of Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russia (Tyumen)

**ПРИМЕНЕНИЕ ОБРАЗНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В ОБУЧЕНИИ
СТРЕЛЬБЕ ИЗ БОЕВОГО РУЧНОГО СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

**USAGE OF FIGURES OF SPEECH IN TRAINING LAW ENFORCEMENT
PROFESSIONALS IN SHOOTING FROM HAND FIREARMS**

Аннотация. В статье автор рассматривает особенности использования словесных приемов при обучении технике стрельбы из боевого ручного стрелкового оружия. Автор обращает внимание на то, что в деятельности преподавателя по огневой подготовке, кроме профессионального объяснения, важно использовать словесно-образные средства обучения. Словесно-образная наглядность, основанная на конкретных представлениях, является качественной стороной учебного процесса и способствует лучшему усвоению знаний, формированию умений и навыков. Через образные выражения преподаватель обращается к уже имеющимся знаниям и опыту обучающихся, что способствует лучшему пониманию и выполнению двигательного действия.

Ключевые слова и словосочетания: методы, принципы обучения, образные выражения, сотрудник органов внутренних дел, огневая подготовка, боевое ручное стрелковое оружие, учебно-тренировочный процесс.

Annotation. In the article the author considers the peculiarities of the use of verbal techniques in teaching the technique of shooting from hand firearms. The author draws attention to the fact that it is important to use verbal and figurative means of training in addition to professional explanation in the activities of an instructor of the Fire Training. Verbal and figurative visualization, based on specific representations, is a qualitative aspect of the educational process and contributes to the better assimilation of knowledge, the formation of skills. Through figures of speech, the instructor refers to the already existing knowledge and experience of students, which contributes to a better understanding and performance of motor action.

Keywords and phrases: methods, principles of training, figures of speech, law enforcement professional, fire training, hand firearms, educational and training process.

Огневая подготовка является важнейшей составляющей профессиональной подготовки сотрудника полиции, а в образовательных организациях МВД России представляет отдельную профессионально-специализированную

дисциплину. Основными задачами огневой подготовки являются формирование у сотрудников профессиональных компетенций, направленных на выработку устойчивых навыков в обращении с оружием и боеприпасами, и подготовка

к действиям в условиях, связанных с эффективным его применением. Искусство владения пистолетом, сверхскоростная стрельба, безопасное обращение с оружием выступают главными задачами для каждого сотрудника органов внутренних дел, а также курсантов и слушателей, обучающихся огневой подготовке в образовательных организациях МВД России. Обучение военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел на занятиях по огневой подготовке осуществляется на основе общих принципов обучения и воспитания:

- систематичность и последовательность в обучении;
- наглядность в обучении;
- закрепление знаний, умений и навыков;
- доступность в обучении;
- обучение, необходимое для успешного выполнения служебно-боевых задач в любых условиях [1, с. 278].

А. А. Белецкий в своей работе, посвященной актуальным направлениям модернизации процесса обучения по дисциплине «Огневая подготовка», подчеркивает, что для профессиональной подготовленности сотрудника органов внутренних дел недостаточно выучить и освоить арсенал тактико-технических действий, которые могут обеспечить выполнение служебных обязанностей, и указывает на особую важность освоения практических навыков владения огнестрельным оружием [2, с. 121]. По мнению В. Н. Витольника и А. А. Попова, в учебно-тренировочном процессе необходимо учитывать общепедагогические принципы и методы, присущие процессу обучения технике стрельбы [3, с. 247]. По мнению специалистов, при обучении стрельбе для каждого конкретного обучающегося важно использовать приемы и способы специального образовательного воздействия, основанные на специфических средствах огневой подготовки [4, с. 240]. Оптимальный вариант обучения стрелка и совершенствования его

навыков предусматривает использование всего богатства содержания, форм, методов и средств, а также принципов, вытекающих из основных закономерностей эффективного процесса обучения [5, с. 143]. Обучение сотрудников правоохранительных органов будет результативным, если в процессе обучения стрельбе из боевого ручного стрелкового оружия широко использовались методы общей педагогики, в частности, словесные (вербальные) методы и методы наглядности (сенсорные) в совокупности с практическими упражнениями и тренировками [6, с. 201].

А. С. Даньков и И. Б. Соловьева в работе, посвященной вопросу научно-методического обеспечения образовательного процесса, обращают внимание на то, что применение наглядных средств обучения способствует не только эффективному усвоению соответствующей информации, но и повышает интерес к учению и делает его более доступным. Среди видов наглядности они выделяют словесно-образную, к которой относятся образные, сравнительные выражения и меткое описание факта.

Важную роль при совершенствовании навыков при проведении занятия по данной дисциплине играет степень профессиональных способностей педагога, который передает накопленный общетеоретический, положительный и последовательный опыт обучающимся курсантам и слушателям [7, с. 73]. На практических занятиях при обучении и совершенствовании навыков стрельбы важно, чтобы объяснения преподавателя были для обучающихся ясными и понятными. Необходимо учитывать, что некоторые сотрудники органов внутренних дел на первых занятиях испытывают затруднения при выполнении упражнений, и им необходимо дополнительное объяснение и неоднократное повторение действий.

В учебном и тренировочном процессе преподавателями и специалистами

ми по огневой подготовке, тренерами различных видов спорта применяется специальная терминология. Как показывает практика, объяснения, содержащие исключительно специальные термины и выражения, не обеспечивают полного и ясного понимания техники и структуры выполняемого упражнения, что является проблемой, снижающей качество усвоения изучаемых вопросов. Если приступить к стрельбе после короткого объяснения материала, как часто бывает при большой группе обучаемых и дефиците времени, то эффект будет минимальным, а затраты на обучение не будут оправданы. Таким образом, для того чтобы слушатели проявляли активность в обучении, а усвоение материала в рамках учебного занятия происходило быстрее и эффективнее, преподавателю необходимо при объяснении действий, элементов упражнений использовать образные выражения и яркие примеры.

Целью данного исследования является поиск доступных выражений, которые дополняют материал, излагаемый преподавателем, обеспечат относительно правильное восприятие внешней формы движения и исключат совершение ошибок обучающимися. Для достижения цели был обобщен опыт преподавателей и специалистов по огневой подготовке, использующих образные выражения при обучении сотрудников органов внутренних дел стрельбе из боевого ручного стрелкового оружия. Восприятие и память человека имеют особенность лучше воспринимать и запоминать информацию и действия, проиллюстрированные в виде какого-либо яркого образа, чем при сухом рациональном изложении. В связи с этим полезно использовать в учебном процессе образные выражения, которые находятся за пределами основной терминологии и позволяют более ясно доносить до аудитории содержание учебного материала.

Понимание и запоминание какого-либо движения или элемента техники

стрельбы более продуктивно в том случае, если изучаемое действие кодируется словами и образами, связанными с уже известными действиями: спортивными; техническими и трудовыми; бытовыми навыками, используемыми в повседневной жизни. Яркие образы при этом могут выступать «подсказкой» для правильного выполнения какого-либо действия или исправления какой-то ошибки или побуждением к действию.

Анализ литературы позволил прийти к выводу о том, что образные выражения имеют весьма широкое распространение среди специалистов в области спорта. Заслуженный мастер спорта И. К. Иванов (г. Москва), обучая боксеров прямому удару, требовал убирать руку так же быстро, как если бы она случайно попала в огонь. Заслуженный мастер спорта И. Ф. Емчук (г. Киев) при обучении гребле на академических судах для увеличения амплитуды движения туловищем предлагает гребцу представить себе, что он спиной открывает дверь, когда руки заняты. Мастер спорта СССР, доцент В. М. Типаков (г. Львов), объясняя технику бега, предлагает бежать гордо, стремясь стать как можно выше ростом, порхать над землей [8, с. 67].

Наблюдение и беседы с преподавателями и специалистами по огневой подготовке, а также личный опыт преподавания позволили пополнить арсенал методических приемов с использованием образных выражений. Некоторые из них, на первый взгляд, кажутся слишком оригинальными и даже странными, однако целесообразность их применения в процессе обучения для определенной категории сотрудников доказывается практикой. Иногда некоторые преподаватели сами не замечают, что используют образные выражения. Рассмотрим несколько образных выражений, используемых на занятиях по огневой подготовке, для понимания выполнения действий или исправления ошибок.

Ошибки при стрельбе	Образное выражение
Неустойчивое положение для стрельбы. Перестановка ног после выноса оружия и начала прицеливания	Действуем, как при строительстве дома: – в начале закладываем фундамент – это положение ног; – затем возводим стены – это положение туловища, плеч, рук; – далее делаем перекрытия и отделочные работы – фиксируем принятую изготовку, задерживаем дыхание, производим прицеливание и спуск курка
Дыхание в процессе прицеливания и ведения огня	Дыхательную паузу лучше всего делать на полувдохе или небольшом вдохе, при этом нужно дышать неглубоко (неглубокое дыхание можно сравнить с проветриванием помещения через форточку)
Неправильное расположение пистолета в руке, т. е. ствол оружия и предплечье руки, удерживающее его, находятся в разных плоскостях	Ствол пистолета является продолжением руки» также как ствол автомата и его приклад находятся в одной плоскости (на одной линии)
Положение руки с оружием после выстрела	После выстрела рука (руки), как пружина, занимает исходное (первоначальное) положение. После выстрела рука (руки), принимает по инерции исходное (первоначальное) положение, как распахнутая дверь возвращается под действием пружины (выполняющей роль доводчика)
Резкое нажатие на спусковой крючок, что приводит к смещению оси канала ствола от первоначального положения, приданного в процессе прицеливания	Нажатие на спусковой крючок схоже с тем, как водитель отпускает педаль сцепления для движения автомобиля. Нажатие на спусковой крючок схоже с тем, как водитель нажимает на педаль тормоза для остановки автомобиля. Как Вы продеваете нитку в ушко иглки, аккуратно медленно и сосредоточенно
Ожидание «отдачи» или движение вперед на встречу «отдаче» при выстреле	Представьте, что на расстоянии 1 см от руки, поддерживающей пистолет, находится острая игла (преподаватель ставит свою руку), надо выполнить выстрел и не среагировать на отдачу, чтобы не уколоть руку

Как показывает практика, наиболее эффективными, обеспечивающими доступность и понимание выполнения действий или исправление ошибок, являются образные выражения, связанные с ранее полученным человеком жизненным опытом и известными движениями, такими как управление транспортным средством и занятие каким-либо видом спорта. Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы об использовании образных выражений в обучении сотрудников органов внутренних дел стрельбе из боевого ручного стрелкового оружия:

1. Образные выражения используются в процессе основного объяснения учебного материала и в дальнейшем при закреплении действия или совершенствовании техники стрельбы.

2. Словесно-образные выражения обеспечивают доступность и ясность объяснений учебного материала.

3. Образные выражения помогают обучающимся понять выполняемое действие, а также исправить ошибки при их выполнении, допускаемые в процессе стрельбы.

4. Образные выражения позволяют минимизировать затраты времени на объяснение.

5. Сравнительные и образные выражения являются универсальными и могут применяться на любом этапе обучения для разных категорий обучающихся.

Преподаватель при проведении занятий по огневой подготовке имеет возможность с учетом своего профессионализма, условий и особенностей обучения, категории обучающихся выбирать из перечня рекомендуемых методов обучения те, которые помогут наиболее эффективно осуществлять подготовку личного состава к выполнению оперативно-служебных задач.

Арсенал образных выражений будет полезен преподавателям и специалистам по огневой подготовке в практической деятельности. Преподаватель, отдавая предпочтение тем или иным методам и приемам обучения, должен помнить, что универсального метода обучения не существует. Одним из условий успешного обучения стрельбе из боевого ручного стрелкового оружия является сочетание разнообразных форм, приемов и методов преподавания, которые дополняются образными выражениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов А. В. Огневая подготовка в системе обучения военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел // Молодой ученый. 2019. № 13. С. 277–279.
2. Белецкий А. А. Актуальные направления модернизации процесса обучения по дисциплине «Огневая подготовка» курсантов и слушателей системы МВД России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 2. С. 119–123.
3. Витольник В. Н., Попов А. А. Совершенствование стрелковых тренировок по огневой подготовке // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы XVI Международной научно-практической конференции / под ред. Ю. В. Анохина. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. С. 247–249.
4. Андрианов А. С., Семёнов В. В., Медведев И. В. Особенности огневой подготовки в профессиональном обучении сотрудников органов внутренних дел по специальности «Следователь» // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы XVI Международной научно-практической конференции / под ред. Ю. В. Анохина. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. С. 239–242.

5. Кисличко Ю. В. Обучение владению оружием на этапе первоначального обучения с использованием современных технических средств // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 4 (78). С. 142–146.

6. Архипов С. Н. Методы и принципы обучения стрельбе из пистолета сотрудников органов внутренних дел, направляющихся в Северо-Кавказский регион Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2 (40). С. 200–205.

7. Чебаев А. А. Проблемы организации огневой подготовки в учебных организациях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации // Современный ученый. 2017. № 4. С. 72–74.

8. Пыжов В. В., Калининченко А. Н. Использование метода сопоставления адекватных ощущений и образов в наглядном обучении технике стрельбы из лука: сборник статей и очерков по пулевой, стендовой стрельбе и стрельбе из лука. М.: ФиС, 1985. С. 67–69.

© Архипов С. Н.

УДК 377.03:351.74.08(470)

Т. С. КУПАВЦЕВ, профессор кафедры организации огневой и физической подготовки Академии управления МВД России, кандидат педагогических наук, доцент (г. Москва)

T. S. KUPAVTSEV, professor of the Department of organization of shooting and physical training Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent (Moscow)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ЛИЧНОСТНОГО САМОРАЗВИТИЯ СОТРУДНИКА МВД РОССИИ

CONCEPTUAL BASES OF PEDAGOGICAL HELP SELF DEVELOPMENT OF THE PERSONALITY OF THE EMPLOYEE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению концептуальных оснований реализации института педагогической поддержки саморазвития личности сотрудника МВД России в непрерывном образовании, а также вопросов развития кадрового потенциала органов внутренних дел Российской Федерации посредством смещения центра педагогического влияния в системе образования от «информационного наполнения» обучающихся к активизации личностных установок и соответствующей мотивации на профессиональное и личностное развитие сотрудника в системе образования и в профессиональной деятельности. Предлагаются подходы к организации педагогического влияния на личность обучающегося (сотрудника) в процессе межличностного взаимодействия субъектов образования, воспитания и развития, а также к формированию личностно ориентированной образовательной и профессиональной среды деятельности сотрудника МВД России.

Ключевые слова и словосочетания: профессиональная подготовка, образовательный процесс, сотрудник органов внутренних дел, развитие личности, самообразование, самовоспитание, саморазвитие, педагогическая поддержка саморазвития.

Annotation. The article is devoted to consideration of conceptual bases of realization of the phenomenon of pedagogical support self-development of the individual employee of the Ministry of the Interior of Russia in education and human resources development of the Ministry of internal Affairs of Russia by strengthening of personal attitudes and motivation for professional and personal development of an employee in the education system and in professional activities. Approaches to the organization of interpersonal interaction of subjects of education and development, as well as to the formation of a personality-oriented educational and professional environment of an employee of the Ministry of internal Affairs of Russia are proposed.

Keywords and phrases: professional training, educational process, law enforcement officer, personal development, self-education, self-development, pedagogical assistance of self-development.

В современном российском обществе развитие человеческого потенциала выступает в качестве одной из стратегических целей и приоритетным направлением обеспечения государственной и национальной безопасности. Такая тенденция характерна не только для нашей страны, но и для всех других государств, стремящихся к лидирующим позициям в социально-экономическом развитии. В условиях глобализации всех сфер жизнедеятельности в современном мире, возрастания объема информации, снижения барьеров и границ взаимодействия между людьми (особенно в информационном пространстве) на передний план выступают способности человека к свободной ориентации и конструктивному взаимодействию в социальной и профессиональной средах, к мобильности и быстрой адаптации в стремительно меняющихся условиях жизни, к освоению и развитию компетенций, необходимых для продуктивной профессиональной деятельности. Только опора на личностный потенциал человека может обеспечить устойчивое развитие [1].

Российскому обществу нужны специалисты, не просто обладающие определенным уровнем образования, готовые точно выполнять профессиональные функции, но, в первую очередь,

способные вырабатывать стратегии своей жизнедеятельности, оптимально организовывать пространство своей профессиональной деятельности, критически мыслить и творчески решать возникающие задачи, самостоятельно принимать выверенные решения в стремительно меняющихся условиях, готовые нести ответственность за результаты труда. Указанные обстоятельства имеют особое значение для деятельности сотрудников МВД России, которые, являясь представителями органов исполнительной власти, призваны осуществлять правоохранительные функции, создавая условия социальной стабильности, укрепляя вектор социально-экономического развития страны.

Процесс обучения в существующей системе функционирования МВД России имеет непрерывный характер и охватывает сотрудников на всех этапах их профессионального становления: от первоначальной подготовки до повышения квалификации и обучения в повседневной служебной деятельности. Однако, как и любой другой человек, сотрудник МВД России развивается не только в рамках организованного учебно-воспитательного процесса в образовательных организациях или по месту службы. Образовательным, воспитательным и

развивающим потенциалом для сотрудника обладает вся многообразная среда его жизнедеятельности, окружающие его информационное и культурное пространство. Усвоенные знания не дают готовых универсальных ответов на возникающие проблемы и не гарантируют успешность человека в профессии, его личностную и профессиональную самореализацию, продвижение по карьерной лестнице. Необходим опыт самостоятельного творческого поиска в разнообразных по направленности и сложности ситуациях, когда проявляется установка на достижение конкретного результата деятельности, а также конструктивное самоизменение и личностное саморазвитие, снижающие вероятность возникновения таких деструктивных явлений, как профессиональное выгорание, профессиональная деформация и т. д.

Опыт творческого конструктивного самоизменения у сотрудников не всегда формируется в организованном учебно-воспитательном процессе, в котором традиционные целевые ориентиры деятельности задаются извне посредством постановки образовательных и служебных задач, а способы решения таких задач заранее известны. Зачастую формирование и развитие личностного опыта протекает стихийно, в то время как он должен быть полноценным компонентом образования. Аналогичная ситуация складывается при самостоятельном выполнении профессиональных функций, когда цели деятельности продиктованы также извне, определяются требованиями нормативных правовых актов или распоряжениями руководителей, и они же (нормативные правовые акты) задают определенную алгоритмизацию осуществления деятельности.

Современное законодательство в области образования [2] и нормативные правовые акты стратегического характера [3–4] определяют гуманистический характер образования, приоритет сво-

бодного развития личности и задают общий вектор непрерывного образования, определяя в качестве результата обучения и воспитания совокупность знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности для интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов, при этом в качестве целевого ориентира выступает формирование и развитие творческих способностей, навыков самообразования и самореализации личности.

Однако процесс свободного развития личности в учебно-воспитательном процессе и в профессиональной деятельности не может успешно происходить без активного участия самой личности в проектировании траектории своего развития. Обучение и воспитание как компоненты образования не могут обеспечить развитие личности обучающегося без учета его личностной позиции (системы личностных отношений). Одни педагогические (управленческие) воздействия и содержание образования (профессиональной деятельности) личность принимает и осваивает, другие – не принимает, но в силу необходимости усваивает, а к некоторым относится нейтрально. В организации образовательного процесса (процесса развития личности) саморазвитие личности должно стать равноценным компонентом наравне с обучением и воспитанием, обеспечивающим непрерывность образования и трансформации его содержания в личностный опыт [5, с. 34; 6, с. 28].

Значительным потенциалом в решении обозначенной проблемы обладает феномен педагогической поддержки личностного саморазвития сотрудника, который, в отличие от традиционного педагогического влияния обучением и воспитанием, заключается в проектировании благоприятной личностно ори-

ентированной среды, предоставлении человеку относительной автономности в принятии решений и выработки своего отношения к социальной ситуации в условиях неоднозначности, неопределенности и затруднений. Педагогическая поддержка реализуется как оказание педагогической помощи личности в моменты затруднений, педагогическая коррекция неблагоприятных для личностного роста условий среды, дополнение действующих на сотрудника средовых факторов личностно-развивающими.

В педагогической науке существуют различные трактовки понятия педагогической поддержки как у зарубежных, так и отечественных исследователей. Так, в Австралийской педагогической школе педагогическая поддержка рассматривается как помощь и содействие личности в положительных изменениях (G. Kirkup, L. Taylor, 1996); английские ученые педагогическую поддержку рассматривают как опекуновство, помощь в ситуации выбора (D. Bailey, J. Moore, 1989; S. Fletcher, C. Mullen, 2012); голландские исследователи в сущность педагогической поддержки вкладывают психолого-педагогическую помощь обучающемуся в учебном процессе и профессиональном выборе (N. Dodde, 2001; K. Damm, 2004); американские исследователи-педагоги под педагогической поддержкой понимают психолого-педагогическое консультирование (L. Melton, R. Sternberg, 1997).

В российской педагогической науке идея педагогической поддержки раскрывается через осуществление специально организованной педагогической работы, направленной на развитие способности обучающегося самостоятельно продуктивно решать возникающие жизненные проблемы (преодолевать трудности), когда сам обучающийся становится субъектом (конструктивным активным началом) в отношении сложностей своей жизни и деятельности [7, с. 110–111].

Отечественная наука рассматривает педагогическую поддержку в русле

гуманистической парадигмы и характеризует как технологию организации личностного взаимодействия педагога и обучающегося (воспитателя и воспитанника; наставника и подшефного; начальника и подчиненного); процесс создания благоприятных комфортных условий для личностного развития; технологию воспитывающего обучения [8, с. 80]. Педагогическая поддержка предусматривает определение интересов обучающегося (воспитанника), выявление способов преодоления затруднений в совместной деятельности педагога и обучающегося (воспитанника) и активность последнего в выборе оптимальных путей и средств решений по выходу из затруднительной ситуации [9, с. 44]. При этом субъектом среднего образования (конструирования ситуации личностного саморазвития) выступает не только педагог (воспитатель, непосредственный начальник), но и сам обучающийся (сотрудник), однако такое построение образовательного и профессионального пространства в настоящее время затруднено в связи с комплексом объективных и субъективных факторов.

Педагогическая поддержка характеризуется как вид профессиональной деятельности педагога (начальника, наставника), ориентированной на взаимодействие с обучающимися (с сотрудниками) в процессе оказания им поддержки в личностном становлении и развитии, принятии решения об избираемой деятельности и самоутверждения в ней (М. И. Губанова, Л. Г. Тарита); помощь воспитаннику в его личностном росте, установка на эмпатийное понимание обучающегося, на открытое общение (И. О. Карелина, Н. Л. Коновалова, Н. Г. Осухова); система деятельности педагога, направленная на приобщение обучающегося к социально-культурным и нравственным ценностям, на которые он опирается в процессе самореализации и саморазвития (В. А. Айрапетова, А. В. Мудрик, Т. Г. Яничева); как под-

держка и развитие субъектности личности (Е. В. Бондаревская, А. В. Золотарев, В. В. Сериков, И. С. Якиманская).

Значимость исследования содержания педагогической поддержки определяется сущностью фасилитативной деятельности субъектов образования как аксиологического феномена, интегрирующего в себе цивилизационный и гуманистический аспекты жизнетворчества; понятием «ценность», которое становится позитивным ориентиром саморазвития личности при ее активной рефлексии деятельности; феноменом «непрерывность», который задает вектор поступательного конструктивного движения самой личности в развитии. Личностно значимые ценности человека определяют «внутреннюю систему координат» глубоко мотивированного, активного жизнетворчества (В. И. Андреев). Личностный смысл задается мировоззрением личности, глубиной осознания ценностей, опытом познавательной деятельности, взаимодействия в коллективе, осуществления профессиональных функций (в том числе опытом действий в сложных, экстремальных и опасных ситуациях профессии, что характерно для деятельности сотрудников МВД России).

Нормативные правовые акты МВД России, определяющие целевые установки и содержание ведомственного образования на различных этапах профессионального развития сотрудников, определяют в качестве доминанты организации учебно-воспитательного процесса приобретение и совершенствование обучающимися (сотрудниками) основных профессиональных знаний, умений, навыков и компетенций, необходимых для выполнения служебных обязанностей, т. е. акцент сделан на функциональное исполнение профессиональной деятельности. Специфическими характеристиками военизированных образовательных организаций, к которым относятся образовательные организации МВД России, являются: ад-

министративно-командный стиль управления; нормативная регламентация всех сторон жизнедеятельности обучающихся (сотрудников); жесткая дисциплина, преобладание коллективных форм деятельности, что в определенной степени нивелирует личностную идентичность человека. В такой среде каждый сотрудник является элементом строго упорядоченной системы, в которой коллективное преобладает над индивидуальным, не всегда учитываются значимость личностного саморазвития сотрудника, достижение им индивидуальных результатов, в связи с чем утрачивается самооценочность развития личности, порождая и укрепляя в сознании утилитарную роль человека в системе.

Указанные обстоятельства актуализируют потребность поиска средств, методов, форм педагогической поддержки развития личности, обеспечивающих минимизацию и ослабление негативных влияний личностно-средового взаимодействия обучающегося и социума, оказание своевременной помощи в осмыслении сотрудником своих ценностно-смысловых отношений с окружающим миром, осознании себя, своей роли и способов саморегуляции и самореализации в пространстве жизнедеятельности. Субъекты организации обучения и воспитания сотрудников (их непосредственные начальники, профессорско-преподавательский состав образовательных организаций, командиры учебно-строевых подразделений, кураторы учебных групп) в своей деятельности, как правило, не имеют целевых установок на создание условий для личностного развития обучающихся. Основной функцией в их деятельности является обеспечение обучающихся разнообразной информацией (учебной, служебной, профессиональной, социально-политической и т. д.) без учета мнения субъектов восприятия этой информации. Об этом свидетельствуют результаты проводимого исследования отдельных аспектов развития системы

непрерывного образования сотрудников МВД России (исследование проводилось на базе Главного управления МВД России по Алтайскому краю, Главного управления МВД России по Кемеровской области, Главного управления МВД России по г. Москве, Главного управления МВД России по Московской области, Барнаульского юридического института МВД России, Уральского юридического института МВД России, Восточно-Сибирского института МВД России).

Так, по результатам опроса сотрудников учебно-строевых подразделений вузов МВД России основной профессиональной функцией более 80 % опрошенных считают воспитание личного состава, вкладывая в это понятие предотвращение нарушений служебной дисциплины и законности, обеспечение соблюдения режима служебного времени. Среди перечня сформулированных направлений деятельности (10 основных направлений деятельности) функция формирования личностно-развивающей среды занимает в среднем 7–8 место в ранге, уступая лидерство таким направлениям, как организация службы, повышение успеваемости, безукоснительное следование требованиям нормативных правовых актов и приказам старших начальников.

Результаты проведенного анкетного опроса профессорско-преподавательского состава вузов МВД России показывают, что более 70 % опрошенных полагают, что для выполнения профессиональных функций в системе МВД России достаточно иметь качественное базовое образование, и лишь 32 % относят к условиям профессионального и должностного роста непрерывное профессиональное и личностное развитие, при этом более 50 % сотрудников, принявших участие в исследовании, отмечают необходимость периодического повышения квалификации как в традиционных формах, так и в процессе прохождения стажировок по смежным направлениям деятельности. Кроме этого, 77 % сотрудников относят

к основным условиям эффективной профессиональной деятельности и успешного профессионального роста сотрудника соответствующую мотивацию; 53 % – систематическую работу по самообразованию; более 50 % – трудолюбие, усидчивость, дисциплинированность, упорство, настойчивость, способности преодолевать трудности, при этом в профессиональной педагогической деятельности преобладает ориентация на информационное обогащение обучающихся (74 % опрошенных), а на создание личностно-развивающей обстановки в процессе педагогической деятельности ориентировано менее 40 % педагогов. Необходимо отметить, что более 75 % от числа опрошенных сотрудников профессорско-преподавательского состава и сотрудников учебно-строевых подразделений не считают педагогическую поддержку эффективным средством социализации и профессионализации молодых сотрудников МВД России.

Аналогичная ситуация складывается в территориальных органах МВД России на районном уровне, где руководители структурных подразделений среди задач работы с личным составом выделяют в качестве приоритетных соблюдение служебной, дорожно-транспортной и исполнительской дисциплины, законности, при этом развитие личности подчиненных сотрудников имеет ценность в контексте осуществления на высоком уровне профессиональных функций, не принимая во внимание вопросы адаптации к условиям деятельности при некоторой неопределенности (64 % опрошенных руководителей подразделений территориальных органов МВД России на районном уровне).

В педагогической деятельности преподавательского состава вузов МВД России присутствует некоторая целевая, содержательная и процессуальная несвобода, ограничивающая творчество и развивающую направленность деятельности преподавателя. При возрастании удельного веса самостоятельной работы

в организации образовательного процесса потенциал личностного саморазвития данной формы учебно-воспитательного процесса остается не в полной мере раскрытым, т. к. сама самостоятельная работа жестко регламентируется, а цель и средства ее также задаются извне субъектами управления. В этих условиях наиболее высоких результатов достигают педагоги с личностно ориентированными педагогическими установками, которые проектируют учебный процесс с опорой не только на требования предстоящей профессиональной деятельности, но и с учетом личностных потребностей развития обучающихся (сотрудников), реализуя функцию проектирования среды личностного саморазвития и осуществляя этим функцию педагогической поддержки.

Наиболее выраженным потенциалом педагогической поддержки личностного саморазвития обладают сотрудники учебно-строевых подразделений, которые призваны решать воспитательные задачи, т. е. развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе профессиональных традиций, социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения. Однако на практике нередко происходит подавление инициативы и творчества обучающихся, предъявление не всегда обоснованных требований, преобладание групповой деятельности и интересов коллектива над потребностями и направленностью конкретной личности. Более того, сотрудники учебно-строевых подразделений не всегда имеют необходимые профессионально-педагогические знания, жизненный и профессиональный опыт для реализации задач педагогической поддержки в самоактуализации и самопроектировании жизненного и профессионального пути человека.

Представляется, что педагогическая поддержка в системе подготовки кадров МВД России могла бы стать предметом деятельности кураторов учебных групп

и наставников, которые в неформальной обстановке общения с закрепленными сотрудниками имеют реальную возможность создавать ситуации личностного развития, обращаясь к личности самого обучающегося, ориентируясь на его потребности, создавая среду (пространство) саморазвития. Однако, как показывает практика, такая работа выполняется зачастую формально, в лучшем случае направлена на организацию досуга и вовлечение обучающихся в физкультурно-спортивную, культурно-нравственную и другую деятельность, хотя при правильной расстановке приоритетов такая деятельность может решать задачу создания среды личностного саморазвития обучающихся средствами педагогической поддержки.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение вопроса педагогической поддержки сотрудников МВД России, которые только приступают к самостоятельному выполнению профессиональных функций (выпускники образовательных организаций МВД России). С одной стороны, данная категория сотрудников имеет необходимый уровень образования и определенный опыт осуществления профессиональных функций, с другой – попадая в новую среду жизнедеятельности, в новый коллектив, сотрудник сталкивается с новыми проблемами (профессиональными, социальными и т. д.), которые не всегда он сам может решить, если не обладает опытом решения разнообразных задач, в том числе задач определения приоритетов личностного развития в таких затруднительных ситуациях. Данный этап деятельности позволяет, с одной стороны, оценить степень личностной зрелости сотрудника, его адаптационный потенциал, по которому можно судить о результативности решения задач педагогической поддержки личностного саморазвития сотрудника на предшествующих этапах профессионального становления. С другой – данный этап позволяет со-

труднику увидеть горизонты своего дальнейшего развития и определить жизненные и профессиональные приоритеты на определенный период времени. В данном случае необходима педагогическая поддержка сотрудника со стороны старшего начальника, более опытного коллеги, наставника, что может повлиять на быстрое вхождение молодого сотрудника в новый коллектив и включение его в активную профессиональную деятельность.

Таким образом, необходимым условием успешного личностного и профессионального развития сотрудников МВД России является формирование у них ценностных установок на личностное саморазвитие, изучение и реализация потенциала педагогической поддержки этого процесса через проектирование личностно ориентированной среды в непрерывном образовании.

Обобщая изложенное, необходимо отметить, что современная ситуация

жизнедеятельности требует от сотрудников МВД России проявления творчества, профессиональной мобильности, коммуникативной открытости, широты кругозора и выраженной субъектности. Условия профессии требуют от сотрудника способностей профессионального и личностного саморазвития, основанных на внутренней мотивации в конструктивных самоизменениях, при этом в ситуациях затруднений в профессиональном и личностном контексте сотрудники нуждаются в педагогическом «мягком» сопровождении, формировании благоприятной среды функционирования, создании условий для конструктивного личностного саморазвития как в организованном образовательном процессе в образовательных организациях МВД России, так и на этапе активной профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: резолюция генассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. № 70/1. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 12.09.2019).
2. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. О национальной доктрине образования в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 04.10.2000 № 751 // СПС «КонсультантПлюс».
4. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Сериков В. В. Личностно-развивающая функция непрерывного образования // Непрерывное образование: XXI век. 2013. № 1 (1). С. 29–39.
6. Ходякова Н. В. Проектирование сред непрерывного образования личности // Непрерывное образование: XXI век. 2013. № 4 (4). С. 27–34.
7. Газман О. С. Воспитание и педагогическая поддержка детей // Народное образование. 1998. № 8. С. 108–111.
8. Косенко Л. Л. Педагогическая поддержка как актуальная современная парадигма // Проблемы науки. 2017. № 11 (24). С. 77–81.
9. Боротко Н. М. Гуманитарно-целостная стратегия воспитания // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 1 (25). С. 40–44.

© Купавцев Т. С.

ПАМЯТКА
АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

• Редколлегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности, развития и совершенствования высшего юридического образования, методики обучения и воспитания в образовательных организациях системы МВД России, о связи юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства, очерки и материалы по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

12.00.01 – Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве (юридические науки).

12.00.08 – Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право (юридические науки).

12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки).

12.00.02 – Конституционное право. Конституционный судебный процес. Муниципальное право (юридические науки).

12.00.03 – Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право. Международное частное право (юридические науки).

12.00.11 – Судебная деятельность. Прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки).

12.00.12 – Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-разыскная деятельность (юридические науки).

12.00.14 – Административное право. Административный процесс (юридические науки).

10.02.01 – Русский язык (филологические науки).

10.02.04 – Германские языки (филологические науки).

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки).

• Рукописи представляются в 2-х экземплярах с приложением электронного варианта.

• Структура статьи:

название на русском и английском языках (печатается заглавными буквами с соблюдением симметрии, шрифт – № 14);

сведения об авторе на русском и английском языках (над заглавием справа должны быть указаны инициалы, фамилия автора (авторов) – печатаются заглавными буквами, размер шрифта – 14; занимаемая должность, полное название места работы, ученая степень и ученое звание – строчными буквами, размер шрифта – 12, курсивом; номер телефона (служебный или домашний), факс, адрес электронной почты (не для печати);

аннотация (100–150 слов) и **ключевые слова** (6–10 слов или словосочетаний, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3) на русском и английском языках – печатаются курсивом, размер шрифта – 12;

рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе MICROSOFT WORD с использованием шрифта Times New Roman, размером 14 пунктов через одинарный интервал. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27 000 знаков с пробелами машинописного текста через одинарный интервал. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17 000 знаков на 7 страницах до 27 000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi;

оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %;

пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается конце текста, размер шрифта – 12, Times New Roman. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница;

индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), который располагается слева перед сведениями об авторе (авторах) отдельной строкой.

- При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, уголовно-исполнительная система (далее – УИС).

- Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

- К направляемым в редакцию научным статьям прилагаются рецензия (подписи рецензентов заверяются гербовой печатью), выписка из протокола заседания кафедры с рекомендацией статьи к опубликованию, справка о проверке текста статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения, заверенная автором.

- Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

- К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях.

- Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

- К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

Заявка на опубликование научной статьи (рецензии/обзора) в научно-практическом журнале «Вестник Уфимского юридического института МВД России»
Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи

(название статьи)
в рубрике _____
Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети «Интернет».
Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф дсп, «секретно», а также служебные материалы других организаций.
Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.
Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.
О себе сообщаю следующую информацию:
ФИО (полностью): _____
Должность: _____
Место работы: _____
Ученая степень: _____
Ученое звание: _____
Адрес: _____
Телефон для связи: _____
e-mail: _____
Электронный вариант статьи на ___ страницах прилагается.
Дата, подпись, расшифровка подписи.

**РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК
УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»**